

Е. В. Лесниковская, Е. В. Кремнёв

**РЕГИОНОЛОГИЯ, РЕГИОНАЛИСТИКА,
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ДРУГИЕ
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Серия «Трансдисциплинарная региология»

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Трансдисциплинарная регионология

Е. В. Лесниковская
Е. В. Кремнёв

**РЕГИОНОЛОГИЯ, РЕГИОНАЛИСТИКА,
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ДРУГИЕ
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

Монография

УДК 338:91(47)
ББК 65.04(2)
Л50

Серия основана в 2020 году

Печатается по решению ученого совета ИФИЯМ ИГУ

Научный редактор

Е. Ф. Серебренникова, д-р филол. наук, проф.

Научный консультант:

В. Г. Дацьишен, д-р ист. наук, проф.

Рецензенты:

А. Д. Калихман, д-р физ.-мат. наук, проф.

В. В. Яковлев, канд. ист. наук, доц.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-011-00040 «История и методология
регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона
в русле современной трансдисциплинарной регионологии».*

Лесниковская Е. В.

Л50 Регионология, регионалистика, регионоведение и другие академические пространства российских региональных исследований : монография / Е. В. Лесниковская, Е. В. Кремнёв ; [под науч. ред. Е. Ф. Серебренниковой]. – Иркутск : Издательство ИГУ, 2020. – 175 с. – (Трансдисциплинарная регионология).

ISBN 978-5-9624-1893-3

Монография, выполненная в русле трансдисциплинарной регионологии, посвящена вопросам разработки проблемы соотношения в российском регионологическом знании комплексности и мультидисциплинарности, с одной стороны, и доминантно-дисциплинарности – с другой. Авторы исследуют этапы эволюции, источники, факторы и векторы развития регионологических исследований в России с опорой на принцип континуальности и концептуальные и методологические эпистемы современной парадигмы регионологического знания. Рассматриваются периоды проторегионологического, систематического и институционализированного регионологического знания, советский и постсоветский этапы. Значительное внимание уделено современному состоянию регионологического знания в России, а также его перспективам в контексте процессов трансдисциплинаризации как ответа на вызовы развития регионологии в глобализирующемся мире.

Работа может представлять интерес как для регионологов и регионоведов, так и для широкого круга специалистов социогуманитарной сферы – всех тех, кто интересуется вопросами места и роли регионологического знания в мировой науке и практике.

УДК 338:91(47)

ББК 65.04(2)

ISBN 978-5-9624-1893-3

© Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В., 2020

© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

Авторы благодарят.....	5
Введение	6
Глава 1. Проторегиологическое знание в России (XI–XVII вв.)	14
1.1. Источники отечественного проторегиологического знания	14
1.2. Специфика проторегиологического знания в России.....	24
Глава 2. Формирование систематического региологического знания в России (XVIII–XX вв.)	28
2.1. Зарождение систематического региологического знания в XVIII в.....	28
2.2. Развитие систематического региологического знания в XIX в.....	43
2.3. Систематическое региологическое знание в XX в. .	51
2.3.1. Основные тенденции развития региологического знания в XX в.	51
2.3.2. Советская экономическая география. Районная школа	53
2.3.3. Экономико-географическое страноведение	79
2.3.4. Комплексное проблемное страноведение	87
2.4. Особенности доинституционализированного региологического знания в России.....	89
Глава 3. Институционализированное региологическое знание в России (с 80-х гг. XX в. по настоящее время)	94
3.1. Терминологические подходы к обозначению нового направления	94
3.2. Современные направления и школы региологического знания в России.....	98

3.2.1. Подходы российских регионологических школ к определению своего места среди других наук.....	98
3.2.2. Доминантно-дисциплинарные регионологические школы и направления.....	103
3.2.3. Мультидисциплинарные регионологические школы и направления.....	107
3.2.4. Особенности российских регионологических школ и направлений	129
3.3. Научная публицистика в сфере регионологического знания.....	130
3.4. Регионологическое знание в образовательной сфере.....	140
3.5. Трансдисциплинарная регионология как ответ на вызовы регионологического знания в XXI в.....	149
Заключение	155
Библиографический список.....	159

*Посвящается светлой памяти
Олега Марковича Готлиба,
вдохновителя этого проекта*

АВТОРЫ БЛАГОДАРЯТ

- Научного редактора этой работы *Евгению Федоровну Серебренникову*, доктора филологических наук, профессора, – без ее концептуального взгляда на поставленную проблему была бы невозможна эта книга.

- Научного консультанта *Владимира Григорьевича Дацышена*, доктора исторических наук, профессора, заведующего кафедрой всеобщей истории Сибирского федерального университета.

- Уважаемых рецензентов *Аркадия Давидовича Калихмана*, доктора физико-математических наук, профессора, специалиста по регионоведению Прибайкалья, одного из первых заведующих кафедрой экономики, менеджмента и регионоведения Иркутского государственного лингвистического университета, и *Владимира Васильевича Яковлева*, кандидата исторических наук, доцента, директора НИИ образовательного регионоведения РГПУ им. А. И. Герцена, за интерес к нашей работе и помощь в ее улучшении.

- Руководство Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации и лично его директора *Марину Борисовну Таилыкову*.

- *Ольгу Владимировну Кузнецову*, кандидата филологических наук, доцента, руководителя проекта «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии», и коллег по гранту *Светлану Борисовну Макееву, Надежду Сергеевну Карачеву*.

- Коллег, магистрантов и студентов кафедры востоковедения и регионоведения АТР ИГУ и Школы востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба за помощь в сборе материала.

- *Российский фонд фундаментальных исследований* за финансовую поддержку нашего проекта.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность изучения регионологического знания в России детерминирована несколькими причинами. Динамика процессов глобализации и регионализации, обнажающая специфику неравномерного развития регионов мира, заставляет по-новому взглянуть на подходы, которые предлагает современная наука о регионах, задачами которой в том числе является изучение механизмов регионального развития. Место, которое Россия займет в Азиатско-Тихоокеанском регионе в XXI в., в том числе определяется тем, насколько будет реализован ее научный потенциал в сфере регионологического знания.

Настоящее исследование выполнено в русле трансдисциплинарной регионологии, поскольку все более очевидным становится усиление влияния трансдисциплинарной парадигмы на развитие и перспективы науки о регионах. Трансдисциплинарный подход представляется органичным и целесообразным для применения в регионологии по целому ряду причин: изначальная междисциплинарная основа, ориентированность на проблему, структурированность трансдисциплинарными темами, взаимодействие исследователей и неакадемических акторов (государство, бизнес, гражданское общество). В перспективе для продуцирования трансдисциплинарных когнитивных схем важно развитие своего рода метадисциплины, которая позволила бы эффективно организовать и структурировать знание о регионе в условиях усложнения глобальных процессов, в соответствии с принципами системного, холистического знания [88, с. 61–62].

Вектор трансдисциплинарности стал одним из базовых для дальнейшего развития иркутской регионологической школы на кафедре востоковедения и регионоведения АТР Иркутского государственного университета. Это направление берет свое начало в 1998 г., когда в Иркутском государственном лингвистическом университете началась подготовка специалистов-регионоведов со специализациями

«США и Канада», «Китай», «Япония». В начале 2000-х гг. начали создавать профильные кафедры. В 2003-м кафедру китаеведения возглавил О. М. Готлиб (1951–2016), который совместно с заведующим кафедрой экономики, менеджмента и регионоведения профессором А. Д. Калихманом начал разработку теоретических и методологических основ подготовки регионоведов, кроме того, параллельно функционировала кафедра американистики. Позднее совместно с профессором Е. Ф. Серебренниковой была открыта магистратура, посвященная языкам Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, с профессором В. В. Назаровым – магистратура по регионоведению и этнологии стран Азиатско-Тихоокеанского региона. В 2016 г. на базе вышеупомянутых кафедр в Иркутском государственном университете была создана кафедра востоковедения и регионоведения АТР. К этому времени школа востоковедных и регионоведческих исследований О. М. Готлиба имела солидный багаж в сфере науки о регионах: регулярные научные конференции, монографии, научно-методические труды.

Новым шагом стала попытка выстроить интегративное научное поле, которое могло бы объединить ключевые подходы ученых разных стран. Это частично воплотилось в проекте «История и методология регионоведческих исследований Азиатско-Тихоокеанского региона в русле современной трансдисциплинарной регионологии», поддержанном Российским фондом фундаментальных исследований. Концепция трансдисциплинарной регионологии прошла несколько этапов осмысления и анализа, в результате которых сформулированные в начале исследования идеи [80; 94, с. 10; 188] трансформировались в следующее определение. *Трансдисциплинарная регионология – это наука интегративного плана, изучающая экономико-географическое, культурно-историческое, социально-политическое, языковое и иное своеобразие регионов, выявляющая закономерности регионального развития и межрегионального взаимодействия и опирающаяся на комплексную теоретико-методологическую базу, разработанную в регионах – объ-*

ектах исследования. Перспективность указанной дисциплины обеспечивается двумя параллельными процессами: объективным ростом процессов трансдисциплинаризации как социогуманитарных наук в целом, так и регионологии в частности, а также последовательной деятельностью тех школ и направлений, которые отстаивают концепцию трансдисциплинарности, поскольку видят за ней будущее науки о регионах¹.

Одна из ее важнейших функций – обобщение и систематизация подходов к изучению регионов. Один из этапов этого процесса – исследование эволюции науки о регионах в разных странах. Российский опыт и перспективы регионологии в России рассматривались нами как приоритетное направление. Одной из базовых проблем стало соотношение в российском регионологическом знании комплексности и мультидисциплинарности, с одной стороны, и доминантно-дисциплинарности – с другой, а также влияние этого фактора на дальнейшее развитие российской науки о регионах.

Интегративностью предложенного подхода продиктовано и предлагаемое нами определение региона, под которым мы будем понимать *условно выделенную исследователем территорию, выступающую объектом изучения в рамках конкретного исследования.* Такое понимание объекта позволяет проанализировать общее поле регионологического знания как совокупность различных субдисциплин, направлений, школ (регионоведение, регионалистика, страноведение, краеведение и пр.), а разница в подходе к региону как к объекту будет определять их специфику и место, занимаемое внутри трансдисциплинарной регионологии.

Подробно историографию российского регионологического знания рассматривает А. Д. Шипилов [2014]. По его мнению, изучение традиций регионологических исследований в России не сложилось в историографическую тради-

¹ Подробнее с указанной концепцией можно ознакомиться в монографии: Кремнёв Е. В., Кузнецова О. В., Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарная регионология: теория и методология : монография / [под науч. ред. Е. Ф. Серебrenниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 155 с. (Трансдисциплинарная регионология).

цию. Единственным трудом, который ставит такие исследовательские задачи, исследовательскую работу в форме докторской диссертации С. С. Илизарова «Москва в науке и культуре России XVIII века» [62]. Справедливо замечание, что «специализация научных дисциплин в XIX в. привела к формированию традиции рассмотрения развития отдельных дисциплин (в рамках истории географии, истории исторической науки, истории статистики, истории экономики, истории этнографии и др.), хотя для ранних этапов функционирования науки изучение разграничения знаний не всегда бывает оправдано» [178, с. 70]. Исследователь выделяет несколько направлений, по которым можно разграничить историографию регионологического знания: история русской культуры в целом, история Академии наук, история науки в целом, история отдельных научных дисциплин, история обществ и учреждений, биографии исследователей [178].

В сфере изучения культуры России и науки как составной ее части выделяются работы П. Н. Милюкова [102], «История культуры Древней Руси» [128], многотомная серия «Очерки русской культуры», охватывающая периоды с древности до начала XX в. [115; 116; 118], исследования А. А. Кузнецова [81], А. А. Данилова, В. С. Меметова [32], посвященные региональной интеллигенции, которая уделила много времени и сил изучению родного края.

Изучению деятельности Академии наук посвящено множество работ, начиная с трудов А. А. Куника, Г.-Ф. Миллера [100], П. П. Пекарского [123], М. И. Сухомлинова и др. В советский и постсоветский период эта тематика освещалась в работах В. Ф. Гнучевой, А. И. Андреева, И. И. Любименко, Т. В. Станюкович, М. И. Радовского, Н. М. Раскина, Г. Е. Павловой, А. П. Юшкевича, Ю. Х. Копелевич, Н. И. Невской, Г. И. Смагиной, Е. В. Соболевой, М. Ш. Файнштейна и др. [178].

Изучение науки России отражено в работах М. М. Богословского [11] и П. П. Пекарского [124] (наука в XVIII в.), Г. Е. Павловой [119] (наука в XIX в.) и др. [178].

Изучение истории исторической науки представлено в работах XIX в. С. М. Соловьева [155], М. О. Кояловича [76], П. Н. Милюкова, В. С. Иконникова и др. В советский период с точки зрения описания региональных историков XVIII в. выделяется работа С. Л. Пештича [125]. В постсоветский период развитие темы истории как науки в регионах в полной мере получило в трудах А. А. Севастьяновой [149], В. А. Бердинских [9], М. П. Мохначевой [105], В. В. Боярченкова [13] и др. [178].

Значительное место истории комплексных регионологических исследований, в том числе в рамках географии и истории, уделено в работах М. В. Ивановой [57–59].

Указывая на важную роль востоковедения и китаеведения в формировании отечественного регионологического знания, мы в своей работе не останавливаемся на этих научных направлениях подробно, поскольку они достаточно хорошо описаны в отечественной науке: «Крупнейшие ученые нашего Отечества внесли свой вклад в изучение истории ориенталистики. Достаточно отметить такие основополагающие работы, как “История изучения Востока в Европе и России” акад. В. В. Бартольда, “Запад и Восток” акад. Н. И. Конрада, а также назвать имена академиков С. Ф. Ольденбурга, И. Ю. Крачковского, А. Е. Крымского, В. А. Гордлевского, В. М. Алексеева, А. Н. Кононова, П. Е. Скачкова и др. В послевоенные годы в Институте востоковедения благодаря стараниям Н. П. Шастиной вышло шесть сборников по истории востоковедения; в 80-е годы это издание было возобновлено» [66, с. 7], значительный вклад внесла сама цитируемая выше работа «История отечественного востоковедения до середины XIX века». Кроме того, важнейшие вехи и персоналии развития востоковедения и китаеведения отражены в сборнике [160], монографии П. Е. Скачкова «Очерки истории русского китаеведения» [152] и работах В. Г. Дацышена по истории российского и советского китаеведения, в частности, «История изучения китайского языка в Российской империи» [33; 34], «Изучение истории Китая в Российской Империи» [42] и «История русского китаеведения 1917–1945 гг.» [43] и др.

Вместе с тем комплексных работ, посвященных эволюции и современному состоянию российского регионологического знания, нами в отечественной науке обнаружено не было.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в интегративном ключе исследования и раскрытия сути, специфики и важности регионологического знания, сформировавшегося в России, следует руководствоваться системным подходом, а также принципами континуальности в установлении этапов эволюции, источников, факторов и векторов развития науки о регионах.

Принцип континуальности позволяет нам применить к эволюции регионологического знания модель, в соответствии с которой следует выделять проторегионологическое, систематичное регионологическое и институционализированное регионологическое знание. Эта модель построена на нашей гипотезе о том, что первый тип знания базируется на донаучных знаниях, сформировавшихся в России до начала периода проникновения западного научного знания, второй формируется под влиянием западного знания, массово проникающего в Россию в XVIII–XIX вв., третий возникает, когда регионологическое знание обретает собственную научную базу².

Что касается разграничения наиболее употребительных терминов русскоязычного дискурса (регионология, регионалистика, регионоведение), то в рамках нашей терминологической концепции мы употребляем термины «регионология» и «регионологическое знание» в качестве гиперонимов для гипонимов «регионалистика» и «регионоведение». Два последних термина мы используем в нескольких случаях:

- 1) для обозначения российских научных школ, которые именуют свои направления именно таким образом;
- 2) вслед за образовательными стандартами мы называем «регионоведением» российское вузовское направление подготовки и соответствующую вузовскую дисциплину;

² Данная модель соответствующим образом может быть применена и в отношении многих стран Восточной Азии. Знание, сформировавшееся там до прихода западной науки, в научной литературе о Дальнем Востоке часто именуется «традиционной наукой», чем подчеркивается его системность.

3) в узком смысле под регионоведением можно подразумевать сбор и анализ сведений о регионах мира (в этом случае мы также используем этот термин для перевода наиболее близкого ему западного направления – *area studies*). В таких случаях регионоведение в русскоязычном дискурсе часто имеет соответствующую атрибуцию: зарубежное регионоведение, регионоведение России и т. п. (подобно англоязычным *Russian studies*, *American studies* и т. п.).

Выбор термина «региология» в качестве гиперонима определяется тем, что он, по нашему мнению, глубже отражает процессы формирования отдельной научной отрасли в отличие от «ведения» как совокупности накапливаемых знаний об объекте исследования. «В русском языке часть слова *-логия* – из названий наук вроде “сейсмология”, “паразитология”, “нутрициология” и др. – принято связывать с таким типом знания, когда на основании имеющихся данных и логической структуры данного знания возможны дедуктивные выводы» [141, с. 3].

В обобщающем смысле мы употребляем термины «региологическое знание» и «региологические исследования». Первый – для обозначения поля региологии как в диахроническом аспекте (все возможные ее проявления в различные исторические периоды), так и в синхроническом (сама региология и все смежные с нею научно-теоретические и практические области). Второй – для обозначения совокупности научных проектов, выполняемых в сфере региологии.

Что касается терминов, обозначающих такие актуальные западные направления региологического знания, как *regional studies* и *regional science* [82], то мы предпочитаем приводить их калькированные аналоги: «региональные исследования» и «региональная наука».

Вместе с тем отмечаем, что под академическими пространствами российских региональных исследований в заглавии книги мы подразумеваем не развитие *regional studies* в России, а все поле отечественного региологического знания. В тексте работы мы намерены придерживаться строгого разделения региональных исследований как

калькированного перевода термина regional studies и регионологических исследований как всей совокупности проектов в сфере регионологии в самом широком смысле.

В монографии мы кратко описываем этапы развития регионологического знания и приводим примеры научных направлений, школ, исследовательских и образовательных учреждений в сфере регионологии, но отдаем себе отчет, что описать все многообразие объекта нашего исследования – трудоемкая задача, которую еще предстоит решить в будущем. Поэтому мы сосредоточились на обобщении и систематизации, время от времени подкрепляя выделенные типы школ и направлений конкретными примерами.

Придерживаясь представленной концепции в решении поставленной проблемы, мы попытались выполнить следующие задачи: уточнить источники российского проторегионологического знания и выявить их влияние на высокий уровень комплексности и мультидисциплинарности регионологического знания в последующие периоды; указать на роль востоковедения и восточного типа регионологического знания в формировании регионологических школ прошлого и современности; на основе ключевых признаков (внешняя / внутренняя ориентация, монорегиональность / трансрегиональность, доминантная дисциплинарность / мультидисциплинарность) установить структуру современной российской регионологии; вывести роль трансдисциплинарности в решении проблемы дисциплинарного уклона в российских регионологических школах и направлениях.

Практическая значимость работы, как нам представляется, состоит в том, что ее положения и выводы, раскрывающие исторически сложившийся научный опыт, роль, место и перспективы российских отечественных школ и направлений, могут быть использованы в ходе развития академического пространства регионологического знания в фундаментальном и прикладном аспектах, а также при разработке востребованных в настоящее время планов регионального развития и стратегий установления межрегиональных контактов.

ГЛАВА 1

ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В РОССИИ (XI–XVII ВВ.)

1.1. ИСТОЧНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Вопрос об исторических корнях науки о регионах в разных странах решается исследователями по-разному. Если следовать принципу континуальности, начало этой научной дисциплины следует искать тогда же, когда зародилось само знание, передаваемое в том или ином виде от поколения к поколению и от региона к региону. Так, исследователь истории российской регионологии М. В. Иванова связывает истоки регионологической науки России с концом XVII в., но вместе с тем указывает, что само проторегионологическое и регионологическое знание зародилось несколько ранее³ [58]. Предлагая рассматривать период XI–XVII вв. как проторегионологический, мы хотели бы указать на важные источники знаний о регионах на данном этапе. Помимо сведений в русских летописях, среди наиболее значимых источников проторегионологического знания указанного периода можно назвать греческие и южнославянские книги, хождения, жития, страноведческие описания, составляемые в процессе освоения Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии, переписные книги и карты.

Первоначальными проторегионологическими данными с изрядной долей условности можно считать сведения, изложенные еще в *русских летописях*. Летописи фиксирова-

³ Сама М. В. Иванова использует термины «регионоведение» и «страноведение», в значительной степени отождествляя их при помощи парного написания – регионоведение/страноведение.

ли историю, географию и быт древней Руси, а также других земель, информация о которых доходила до летописцев в устном и письменном виде. На материале летописей формировалась описательная география, очерки о территориях. Летописями как основой для исторического и географического описания пользовались практически все видные ученые, занимающиеся географией. Так, согласно В. В. Яковлеву, текст Новгородской Корнильевской летописи использовался М. В. Ломоносовым при работе над его трудом «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию» [180, с. 341–342].

Летописи играют ключевую роль в становлении регионалогического знания. Как известно, русские летописи имели свой уникальный стиль, а развитие летописей во многом обязано тому, что авторами являлись личности, стоящие у истоков русской истории и философии [55, с. 5]. Летописание довольно существенно развивалось в самых разных регионах. Так, В. К. Зиборов дает характеристику таким летописаниям периода XI–XV вв., как Киевское, Новгородское, Псковское, Галицко-Волынское, Переяславля-Русского, Владимирское, Ростовское, Тверское, Смоленское, Рязанское, Нижегородское, Московское, а также летописям Поморья и Сибири в более поздний период (XVI–XVIII вв.) [55]. В русской летописной традиции выделяется центр – Великий Новгород, а также эталонный труд – «Повесть временных лет» [10].

Летописи представляют собой не только документальную фиксацию исторических событий и свидетельство мировоззренческих устоев летописцев, но и формируют народное самосознание [55, с. 6]. Главная роль летописной традиции, по мнению историка В. К. Зиборова, заключается в том, что было дано четкое определение «Русской земли – родины всех восточных славян» [Там же]. В. К. Зиборов отмечает, «Словосочетание “Русская земля”», появившееся впервые под пером киевского летописца XI в., является священным понятием для каждого русского человека. Свое

прошлое и настоящее, все, происходящее вокруг нас и в мире, мы воспринимаем сквозь призму своей письменной истории, основой которой являются летописи» [55, с. 7].

Территориально-идентифицирующий термин «Русская земля» фигурирует, в частности, в «Повести временных лет» (1110-е гг.): «В год 6360 (852), индикта 15, когда начал царствовать Михаил, стала прозываться Русская земля» [126, с. 16], «И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля» [Там же, с. 17]. Такая роль видится ключевой не только для формирования национального самосознания, но и для закладывания направления развития регионологии. Она служит основой комплексного, интегрального подхода к определению регионального (исторического, социального, культурного, экономического, политического, ментального) пространства и регионального сообщества, связанных с частью территории, границы которой постоянно меняются, с меняющимся административно-территориальным управлением.

Регионология содержит в своем основании исходный вопрос определения регионального пространства, выделения его специфической общности. Что такое Ближний Восток? Что такое Америка? Что есть Русский мир? Что есть Россия? Выбором части пространства и определением его сущности и целостности задается вектор регионологии. Очевидно, что ответы на приведенные в качестве примера вопросы невозможно сформулировать в рамках лишь административно-территориального или социально-экономического подхода. Для этого требуется основательное интеллектуальное конструирование, требуется взгляд, проводящий историческую перспективу как в прошлое, так и в будущее, видение, пересекающее территориальные границы и смены политического строя.

Отправной же точкой, на наш взгляд, является возвращение к базовому вопросу – определение «земли», подобное тому как Русская земля была определена в русских

летописях, как она была, выражаясь современным научным языком, концептуализирована.

Концептуализация региона, который содержит признаки и объективные, и интеллектуально-сконструированные (а под интеллектуальным конструированием тоже лежат основания и предпосылки), относится к проблеме базового, комплексного определения регионального сообщества, регионального пространства, которое формулируется в русских летописях. Такой синтетический подход – ментальное конструирование и фактологические события (объективная реальность) – и представлен в летописях: их тексты – это отражение действительности в совокупности с отражением взглядов и идеологических установок по отношению к этой действительности [55].

Летописи интересны тем, что представляют собой средоточие источников, разнородный состав (поучения, жития, законодательные акты, грамоты и т. д.) [Там же, с. 5]. Таким образом, формируется комплексный взгляд, объединяющий и документальные источники, и внутренне-мировоззренческие положения. Летописи представляют собой не только документальную фиксацию исторических событий и свидетельство мировоззренческих устоев летописцев, но и формируют народное самосознание [Там же].

При этом летописи формируют не только общенациональное, но и региональное сознание. С середины XII в. процесс феодального дробления Руси отражается и на летописном повествовании: летописи разных областей обрастают региональными особенностями, в них находят отражение локальные черты [65, с. 197].

Характерно, что, основываясь на одних и тех же письменных источниках XIII–XV вв., историки формулировали напрямую противоположные теории. Так, существовали теории относительно роли земледелия среди восточнославянских племен – версии варьировались от отсутствия земледелия как такового и незначительной его экономической роли и до представления восточнославянских племен как исконных земледельцев. В частности, речь идет об «охотни-

чьей теории» Н. А. Рожкова и «земледельческой» теории М. Н. Покровского [65, с. 47–48]. Как отмечается в томе «История культуры Древней Руси», посвященном материальной культуре домонгольского периода: «...Первые страницы русской летописи и особенно известия арабских писателей IX–X вв. содержат настолько отрывочные и часто противоречивые сведения об экономической жизни восточнославянских племен, что на их основании могут быть высказаны любые субъективные суждения» [Там же, с. 48]. Данный пассаж свидетельствует о качестве письменных источников раннего периода, которые зачастую не давали объективных сведений, а поэтому информацию надо было синтезировать, собирать из множества разрозненных источников, авторских и неустановленного авторства. Реконструкция жизни территориального сообщества уже на том этапе требовала комплексного, синтетического, творческого подхода, не ограничивающегося лишь документальными источниками. Не стоит забывать и о важности реконструкции такого знания, поскольку фактически оно служило базой для формирования национальной ментальности, мировоззрения, культурных устоев. Исследователи региона сталкивались с чрезвычайно амбициозной и невероятно ответственной задачей.

М. В. Ломоносов, В. Н. Татищев, Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников и многие другие, сыгравшие огромную роль в географических исследованиях в России, обращались к летописанию. Таким образом, летописи играют роль и в том смысле, что воздействуют на умы ученых, задействованных как в ранних, так и более поздних региональных исследованиях. По сей день летописи являются важнейшим источником для культурно-исторического регионального знания [180].

Важным источником проторегионального знания стали *греческие и южнославянские книги*, которые стали появляться на Руси в большом количестве после ее Крещения. Как и многие другие произведения того времени, они часто смешивали мифологические, религиозные и реальные представления об окружающем мире, но вместе с тем

обладали достаточно богатым проторегионологическим материалом: «Ветхозаветные предания воспроизводили эпизоды древневосточной истории и мифологии. Благодаря переводу “Иудейской войны” Иосифа Флавия события, происходившие в древней Палестине, стали знакомы и близки древнерусским читателям. Сочинения отцов церкви, жития христианских подвижников (многие из которых были уроженцами Египта, Сирии или Малой Азии) содержали многочисленные реминисценции из античной традиции о Востоке и отголоски событий древней истории Ближнего Востока... Обширную панораму всех стран Востока, вплоть до Индии, представлял роман об Александре “Александрия”, переведенный на Руси в домонгольский период. О диковинных животных и птицах Востока говорилось в “Физиологе”, популярном среди христиан и имевшем множество версий – греческую, сирийскую, коптскую, эфиопскую, армянскую и др.» [66, с. 10–11].

В качестве отдельного жанра, содержащего проторегионологическое знание, возникли так называемые *хождения* [56], которые определяются как «путевые записки русских путешественников... о Византии, Палестине, Египте и других заморских землях... (по-древнерусски – хожения)» [95, с. 38].

В Словаре книжников и книжности Древней Руси описывается произведение «Житье и хожение Даниила, Русьския земли игумена», посвященное путешествию игумена одного из черниговских монастырей Даниила (вторая половина XI – начало XII в.) в Палестину. Словарь... указывает, что Даниил «описывает природу Палестины, ее плодородные земли, сады и виноградники, при этом в топографических описаниях нередко прибегает к сравнениям с природой и ландшафтом земель» [153, с. 110]. Мы имеем дело с базовой регионологической характеристикой-описанием. Даниилом описывались и легенды, сказания, особенности духовной жизни и церковной практики. Книга послужила своего рода путеводителем для последующих паломников в Палестину как в широком смысле, так и в узком – подробно описываются маршрут и достопримечательности в путешествии.

Паломничество в Палестину описывает и архимандрит Агрефений в труде «Хождение архимандрит Агрефенья» (1370-е гг.). Путник дает последовательное описание расположения Иерусалима, а также краткие описания ряда палестинских городов.

Широко известно сочинение «Хождение за три моря» купца Афанасия Никитина (между 1466 и 1475 гг.), описывающее путешествие в Индию [153, с. 81–82]. Данный жанр сходен с описанием паломничеств [Там же, с. 84].

К последним относится и «Хождение в Святую землю» купца Василия (вторая половина XV в.). Автор подробно описывает, сколько дней занимало путешествие до того или иного города, приводит перечень посещенных городов, их планировку и особенности оборонительных укреплений. При этом быт и географические характеристики сравниваются с аналогичными русскими [153, с. 116–117].

Отметим, что далеко не всегда автор подобных сочинений достоверно известен. «Хождение во Флоренцию» (1437–1440 гг.) – путевые заметки неизвестного автора в свите митрополита Исидора в Италию на Ферраро-Флорентийский собор 1437–1439 гг. Данное произведение содержит описание ряда западноевропейских стран (Левонии, Германии, Италии, Сербии, Венгрии, Польши, Литвы) и городов, встречавшихся на пути русского посольства [154, с. 486–487]. Фактологические сведения (перечень городов, расстояние между ними) сочетаются с описаниями быта, легенд, достопримечательностей.

Неизвестным путешественником или с его слов создано «Сказание о Железных вратах» (XV в.), в котором описывается Дербент (собственно, Дербент с азербайджанского языка переводится как «железные врата»), его правители, соседние земли, дается характеристика хозяйству, населению местности. Возможно, данное сочинение создано (купцом) Василием Гостем.

Хождения как проторегионологические тексты, «являясь важными историческими доказательствами приоритета России в ряде географических открытий, свидетельством ее

давних дипломатических, торговых и культурных связей с другими странами, содержат разнообразный и богатый фактический материал, позволяющий восстановить уровень осведомленности средневековых авторов об истории, экономике, географии, быте и нравах, религии, политической и социальной ориентации разных земель и народов» [95, с. 38].

Развитие торговли, торговых и промышленных связей также способствовало изучению морских и сухопутных путей, исследованию территорий, документированию территориальных особенностей. Так, поездки поморов в XV–XVII вв. положили начало освоению Северного морского пути. Поездки торговцев и промышленников способствовали развитию карт местных дорог и путей («изгонных книг»), приводящих точное описание местности с указанием расстояний между городами и прочими поселениями [117, с. 131–132].

Сведения описательно-территориального характера можно найти и в *житиях*. Например, в написанном Григорием Цамблаком (ок. 1365–1419?) Житии Стефана Дечанского приводятся описания природы Сербии, особенности ее общественного уклада, детали быта [153, с. 176–177].

Освоение Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии в конце XVI и в течение XVII в. отразилось в *страноведческих описаниях* этих земель. «Путешествия русских людей по Ближнему Востоку, несмотря на всю их важность, все же не сопровождалось открытиями совершенно неизвестных земель. Значительно больший интерес для европейской науки представляли описания Дальнего Востока. Как раз к началу XVII в., продвигаясь на юг Сибири, казаки подошли к бурятским и монгольским землям» [66, с. 33], а затем и к Китаю.

В частности, в 1618–1619 гг. казак Иван Петлин с русским посольством посетил Китай, о чем оставил подробные записи, впоследствии переведенные на ряд европейских языков. Его отчеты представлены двумя вариантами «Росписи Китайскому государству, и Лобинскому, и иным государствам, жилым и кочевным, и улусам, и великой Оби, и рекам, и дорогам», составленными в 1619 г. в Тобольске и Москве, Сказкой томского казака И. Петлина на стане в

слободе Солдоге о его поездке в Китай, а также Расспросными речами в Приказе Казанского дворца томского казака Ивана Петлина с товарищами о их поездке в Китай [161, с. 72].

Важной серией трудов регионологического толка стали работы Н. Г. Спафария-Милеску (ок. 1636–1708), в 1675–1678 гг. возглавлявшего русскую посольскую миссию в Китай. Его работы можно поделить на две части: описывающие регионы до Китая и описывающие Китай.

К первым относится книга «Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году» («Книга, а в ней писано путешествие царства Сибирского от города Тобольского и до самого рубежа Китайского»). В ней «подробно описывался весь путь от Тобольска до границ Китая – рассказывалось о природе, реках, растительности, Байкале, людях, их быте, хозяйственной деятельности тех сибирских территорий, через которые пролегал маршрут посольства... был приложен чертеж пройденного пути» [58, с. 31].

Ко вторым – описывающим Китай – обращается В. Г. Дацышен. Со ссылкой на П. Е. Скачкова [152] он пишет: «Китаеведы полагают, что российский дипломат Н. Г. Спафарий-Милеску был автором сохранившейся в архиве такой работы, как “История о Китайском государстве, а именно о начале онаго, сколько имеется под владением онаго других государств... О китайских царях... Списана с рукописной истории, которая сочинена... от Рождества Христова 1678 году”. Н. Г. Спафарию традиционно приписывается и “Описание первая части вселенныя именуемой Азии, к ней же состоит Китайское государство с прочми его города и провинции”. В этой работе имеется краткий очерк истории Китая, первая глава рукописи называется “Когда началось царство китайское и сколько их родословий...”. Работы Н. Г. Спафария написаны на основе исследований западноевропейских миссионеров, а основу составил, очевидно, перевод полученной в Пекине от иезуита Ф. Вербиста работы иезуита М. Мартини *Novus Atlas Sinensis*’ (1655 г.)» [42, с. 12–13].

Среди других важных форматов представления прото-регионалогического знания в XVII в. можно назвать *переписные книги*, содержащие данные о количестве населения в стране и ее отдельных регионах.

Большую проторегионалогическую роль в рассматриваемый период сыграли и «чертежи», т. е. *карты*. В своих работах исследователь древнейших русских карт Б. А. Рыбаков указывает на то, что карты Московского государства эпохи Ивана III и Василия III стали материалом для западноевропейских картографов: карта Антония Дженкинсона (1562 г.) составлена по русскому чертежу 1497 г., карта Гесселя Герритса (1613 г.) – по чертежу земель Московии (1523 г.), карта Гийома Делиля (1706 г.) – по схеме Московии 1520-х гг. [143; 144].

В 1550-е гг. создается «Большой чертеж», дополняемый и расширяемый в XVII в. К сожалению, данный документ не сохранился, до нашего времени дошел лишь комментарий к нему – «Книга Большому чертежу», описание географической карты. В начале «Книги...» упоминается о летописях, переписчик утверждает, что места, связанные с важными историческими событиями, описываемыми в летописях, в последних остаются «пустыми названиями», реальное их расположение остается читателю непонятным [72, с. XVI–XVII]. Прояснить же расположение географических мест, описать их и призваны Чертеж и Книга. Сообщается также о том, что в летописях описания местности даются лишь вкратце («...наши летописатели любя краткость, не заботились описывать пути и урочища, городов и границ, как своих, так и соседних народов» [Там же, с. XXI]. Книга часто полемизирует с летописями, исправляя ряд сведений. В частности, в первых страницах книги сообщается, например, что в летописях не отражено местоположение греческого города Херсона [Там же, с. XVIII]. В целом же, оценивая роль сочинения, его автор отмечает, что благодаря сведениям об исторических местах, некогда процветающих городах, книга сыграет большую роль в объяснении истории России [72, с. XXIII].

В 1667 г. под руководством тобольского воеводы Петра Годунова была создана карта обширных земель – «Чертеж всей Сибири» [58]. Карты и атласы, в большом количестве созданные С. У. Ремизовым, получили очень широкую известность. Среди них была «Хорографическая чертежная книга» (1697–1711 гг.), содержащая на 175 листах сведения о Сибири, ее городах, уездах, реках, общую карту Сибири и ее регионов, а также Казахской Орды. Стали известны также «Чертежная карта Сибири» (1699–1701 гг.) и «Описание о сибирских народах и граней их земель» [12, с. 83].

1.2. СПЕЦИФИКА ПРОТОРЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ

Русские летописи, формирующие основные сведения и первые репрезентации регионов, конструирующие пространство во множестве его проявлений (физическое, социальное, ментальное, государственно-экономическое), легли в основу отечественного проторегионалогического знания, обозначив собственно сущность знания о региональном пространстве. Летописи, представляя собой сложный жанр, вбиравший в себя множество источников (записи о фактических событиях, документы, жития святых и др.), являясь комплексными, задали направление комплексности и во всем проторегионалогическом знании. Помимо указанной сложной структуры, в летописях переплетались объективные записи и субъективный взгляд переписчика или автора. Кроме того, текст неоднократно изменялся, переписывался, редактировался, имел свой жизненный срок и множество наслоений. Летописи являлись комплексными не только и не столько структурно, но, прежде всего, содержательно: они создавали многостороннее историко-географическое и культурное знание о региональном пространстве.

Важнейшая роль летописей в формировании проторегионалогического знания определяется и тем, что они впервые создали репрезентацию регионального пространства.

Для летописей отбирались события, сведения и измышления, достойные документации, сознательно конструировались события, имевшие значение для социума. Тексты летописей реконструируют дипломатические, торговые, культурные связи.

Именно в силу этих причин летописи явились той основой, той общей базой, на которую будут опираться ученые периода систематического регионологического знания. Как широко известно, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и другие крупнейшие русские ученые все обращались к этому важнейшему источнику знаний о регионе. Часто в летописях содержались противоречивые сведения. И опираясь на них, ученые делали иной раз прямо противоположные выводы о тех или иных явлениях и событиях. Однако вне зависимости от того, доверяли они определенным записям или оспаривали их, летописи были источником и информации, и критического осмысления, и уже научных дискуссий. Более того, сам факт необходимости критического осмысления текста вследствие несовершенства ведения записей, их несистематичности и неавторизованности создавал, на наш взгляд, еще более плодородную почву для развития регионологической мысли. Так закладывалась основа для академических традиций, систематического знания.

Второй фактор формирования проторегионологического знания – экспедиции, освоение земель Сибири, Дальнего Востока, Восточной Азии – на долгое время определили практико-ориентированность знания о регионе. Цели экспедиций были двойными: во-первых, решение управленческого вопроса (колонизация, освоение, завоевание, строительство, установление торговых и политических связей, дела государственного управления); во-вторых, научная, исследовательская цель. Практическая ориентация, а также увязка исследования региона с вопросами регионального управления и регионального развития сохранилась в последующие столетия и четко прослеживается на протяжении XVII–XX вв. Так, самое развитое направление отечественной социально-экономической географии XX в. (совет-

ская районная школа) отличалось в первую очередь своей практической направленностью, а целью ее деятельности выступала территориальная организация национального производства.

Когда экспедиции становились все более распространенной практикой, возрастала необходимость в выработке методологии. Регионологические знания и навыки, нарабатываемые и задействуемые в практике экспедиций и деятельности по освоению территорий, систематизируются в дальнейшем.

В период проторегионологического знания были заложены основы отечественной традиции описательной географии. Летописи, очерки, хождения используют описательный метод. Экспедиции, освоение земель в XVI–XVII вв. также требовали как можно более точного и комплексного описания территории. Описательная география продолжит развиваться и в XVIII–XIX вв., сохранит определенное место, пусть и не в былых масштабах, в XX в. В то время, как в период проторегионологического знания, отсутствовала системность и методология описания, территория описывалась субъективно, на выбор наблюдателя, по возможности комплексно, в систематическом регионологическом знании в XVIII–XIX вв. появляется первая комплексная характеристика территории. Важнейшими разработками отечественного регионологического знания XX в. считаются схемы комплексного исследования территории (Н. Н. Баранский, Я. Г. Масшбиц). При этом первые наработки по комплексному описанию территории появились именно в период проторегионологического знания.

Хождения (хожения), зародившиеся в рассматриваемый период, развиваются и в период систематического регионологического знания в более научном, более организованном виде – путевые заметки, журналы путешествий.

Чертежи, карты, которые были в период проторегионологического знания, в XVIII в. уже приобретают системность: публикуются атласы, проводится определенная рабо-

та над ошибками в предыдущих чертежах, вносятся исправления, проявляется комплексный, системный подход.

Таким образом, проторегиологическое знание, формируясь в период XI–XVII вв., заложило основы для последующего этапа оформления региологического знания, задавало направления комплексности и синтетичности знания, впервые предоставило варианты репрезентации регионального пространства.

ГЛАВА 2

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ (XVIII в. – XX в.)

2.1. ЗАРОЖДЕНИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В XVIII в.

XVIII в. принес с собой существенные изменения в развитии регионологического знания. В России в полной мере проявились черты и тенденции Нового времени. Изменилось отношение к науке в целом, была основана Академия наук. XVIII в. – эпоха универсального человека, универсального ученого. Многие исследователи, о которых будет сказано в этой главе, были одновременно историками, философами, географами, экономистами, государственными управленцами. Это не могло не отразиться и на регионологическом знании: в нем четко прослеживается комплексный подход. Кроме того, с этого момента его уже можно охарактеризовать как систематическое.

Его начало было связано и с попытками преодолеть экономическую отсталость России. «Решение этой задачи требовало точных знаний о территории страны, ее природных богатствах, возможностях. Это обстоятельство и предопределило то, что именно страноведческое изучение территории приобрело в XVIII в. организованный и систематический характер, опираясь на всемерную поддержку государства» [58, с. 34].

Важным подспорьем для формирования комплексных регионологических знаний стали *экспедиции*. В экспедициях проявилась комплексность, увязанность знания с государственным управлением, прагматичность целей, много-

целевая ориентированность ранних отечественных регионологических исследований. В пример можно привести Оренбургскую экспедицию 1734–1744 гг. Инициатором экспедиции выступил И. К. Кирилов, после его смерти пост занял В. Н. Татищев. Экспедиция преследовала две основные цели: исследование и описание земель и укрепление обороноспособности исследуемых земель. Сама подготовка экспедиции включала в себя обоснование, содержащее описание природных условий местности, анализ перспектив развития торгово-экономических взаимосвязей, анализ возможности усиления политического влияния [168].

Другим примером экспедиции с двойной целью выступает Первая Камчатская экспедиция. Целями были поиск места для размещения флота и исследование тихоокеанских вод и путей. В результате экспедиции В. Берингом была составлена подробная карта.

В 1733–1743 гг. была предпринята Вторая Камчатская экспедиция, также известная как Великая Северная экспедиция (под руководством В. Беринга и С. Муравьева). Участники экспедиции разделились на несколько отрядов, каждому из которых предстояло пройти свой участок пути. В состав так называемого Академического отряда, возглавляемого Г. Ф. Миллером, входили И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников, А. Д. Красильников и др. Среди результатов работы группы: составление карты северо-восточной части Азии, публикация карты Г. Ф. Миллера (1754 г.), публикация фундаментальной работы И. Г. Гмелина «Путешествие по Сибири» на немецком языке.

Экспедиции, предпринимавшиеся в XVIII в., были вызваны необходимостью исследовать обширные территории, преследовали практическую и исследовательскую задачи, требовали проекта-обоснования, включающего физико-географическое, геологическое, этнографическое описание территории и анализ экономических и политических перспектив.

В этом смысле не только сам процесс и результат экспедиций (наблюдение, описание, взятие образцов, составление карт) играли роль в становлении регионологических

исследований, но и предварительный этап – проект и обоснование экспедиции. Обширные территории обусловили удаленность экспедиций, проходящих в суровых условиях, их дороговизну, опасность для жизни участников экспедиций. В связи с этим для экспедиции было необходимо достаточное обоснование, подробный проект экспедиции, а для этого исследователю необходимо было проделать основательную аналитическую и прогностическую работу.

С экспедициями было неразрывно связано составление карт, атласов. В XVIII в. были впервые составлены и изданы атласы страны – «Атлас Российской империи» (1734 г.), «Атлас Российский» (1745 г., автор И. К. Кирилов), атласы отдельных губерний.

Наиболее весомый вклад в развитие комплексных историко-географических и этнографических наук внесли Г. Миллер, И. Гмелин, В. Беринг, П. Паллас, И. Фальк, И. Лепехин, И. Георги и др.

На XVIII в. приходится активное *развитие страноведения России в рамках описательной географии*⁴. Среди наиболее выдающихся ученых, внесших свой вклад в развитие этого направления, – С. П. Крашенинников, П. И. Рычков, И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и др.

Работу С. П. Крашенинникова (1711–1755) «Описание земли Камчатки» советский и российский историк Б. П. Полевой назвал самой первой в истории России научной академической монографией и первой русской региональной энциклопедией [77, т. 1, с. 3], а выдающийся советский и российский географ-экономист Ю. Г. Саушкин – первым в мире комплексным страноведческим исследованием [12, с. 96–97]. В работе С. П. Крашенинникова были отражены результаты его исследований Камчатки, проведенных в 1737–1741 гг. Книга состояла из четырех частей. «Первая – “О Камчатке и странах, которые в соседстве с нею находятся”». В ней дается характеристика географического положе-

⁴ Сам термин «страноведение» вошел в научный лексикон гораздо позже, в XX в., но работы XVIII в. по своему содержанию соответствуют этой дисциплине.

ния Камчатки, ее территорий, рек, лесов. Вторая часть – “О выгоде и недостатках Камчатки”. Она о свойствах территории для заселения с выводом, что Камчатка “к житью человеческому не меньше удобна, как и страны, всем изобильные”. Третья – “О камчатских народах” с детальным описанием жизни, верований, быта, семейных отношений аборигенов. В четвертой части С. П. Крашенинников рассказывает об истории Камчатки с момента появления там русских людей» [58, с. 36].

Почти сразу после публикации в 1756 г.⁵ «труд Крашенинникова стал хорошо известен не только в России, но и в Западной Европе. Уже в 1760 году появился сокращенный перевод на французский язык, в 1764-м – полный английский перевод, в 1766-м – немецкий, в 1770-м – голландский; в 1767–1770 годах последовали новые издания на французском языке, а в 1771-м и 1789 году – на немецком» [47, с. 155].

Одним из важнейших комплексных страноведческих трудов XVIII в. стала книга члена-корреспондента Петербургской академии П. И. Рычкова (1712–1777) «Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом Петром Рычковым» [145].

Путь П. И. Рычкова к науке может быть охарактеризован следующим образом: «П. И. Рычков был самобытным автором, до всего доходил в основном самообразованием. Он обучился бухгалтерскому делу, служил в Петербургской таможне, в Оренбургской экспедиции. Много путешествуя по роду службы по Оренбургскому краю, П. И. Рычков приобщился к научным занятиям. Этому способствовало и тесное общение с такими учеными, как В. Н. Татищев, И. К. Кириллов. Работы П. И. Рычкова печатались в изданиях

⁵ На титульном листе стоял 1755 г. [78], но книгу задержали в связи с решением дополнить ее картами и предисловием академика Г. Ф. Миллера [47, с. 155].

Академии наук, Вольного экономического общества, выходили отдельными книгами» [58, с. 38].

Произведение «Топография Оренбургская» состоит из двух частей. Первая часть представляет собой описание природных характеристик Оренбургской губернии, особенностей ее хозяйствования и населения. Она включает такие главы, как «О звании Оренбурга и Оренбургской губернии, от чего и когда началось», «О пределах и об окружности Оренбургской губернии и о смежных с ней местах и народах», «О провинциях и дистриктах Оренбургской губернии», «О разности народов, внутри Оренбургской губернии находящихся, по древнему и нынешнему их состоянию» и пр. Заключительной главой этой части стал раздел «О внутренних и внешних обстоятельствах коммерции прошлой, нынешней и впредь могущей», в ней изложено состояние промыслов и торговли, а также особенности природных условий, почв, животного и растительного богатства Оренбургской губернии [Там же].

Во второй части труда части губернии характеризуются по специально разработанной схеме: 1) территория, ее размер, границы; 2) крепости, города, иные населенные пункты, их история, население; 3) состояние жителей; 4) промыслы (имевшиеся в наличии и потенциальные). Вторая часть закрывается главой «О ведомстве Оренбургского горного начальства», в которой перечислены горные заводы. Этот раздел, по сути, сжатое экономико-географическое описание развития цветной и черной металлургических отраслей Оренбургской губернии [12, с. 110–111].

Ученые того времени высоко оценили труд П. И. Рычкова, эта работа «на протяжении многих лет служила образцом региональных географических описаний» [101, с.48]. Кроме того, как писал в 1955 г. советский и российский физико-географ и ландшафтовед Ф. Н. Мильков: «Талант географа-страноведа позволил Рычкову создать труд, намного опередивший свое время. В русской и мировой географической литературе долгое время не было подобных работ... Принципы, положенные Рычковым в основу генерализа-

ции – отбора – фактического материала, как и сравнительный метод, зачатки которого ясно выражены в “Топографии”, находят применение и сейчас в лучших географических описаниях» [101, с. 48]. Ф. Н. Мильков назвал «Топографию Оренбургскую» «одной из первых в России региональных географических сводок», а «Лексикон или словарь топографической Оренбургской губернии» П. И. Рычкова – «первым в России региональным географическим словарем» [Там же]. Кроме того, «выдающийся советский ученый Н. Н. Баранский считал “Топографию” П. И. Рычкова образцом регионального описания» [58, с. 39].

Кроме вклада П. И. Рычкова в методологию страноведческих исследований, отмечают также и другие заслуги. В частности, П. А. Лярский пишет, что «он писал об экономике края и более северных территорий, в частности, Казанской губернии, чем заложил основы экономической науки в России», «заложил основы современной спелеологии, описав Капову пещеру на р. Белой» [91, с. 23–24], Д. В. Третьякова, Л. А. Мыслицкая отмечают наличие в «Топографии Оренбургской» анализа лингвогеографических особенностей региона [165].

Одним из основателей отечественной географической науки часто называют И. К. Кириллова (1689–1737) [109]. Труд «Цветущее состояние всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая: собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате оберсекретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г.» [71; 70] М. В. Иванова отмечает как первый русский географо-статистический обзор государства [58]. Несмотря на то что книга была издана лишь в 1831 г., она сопровождалась лестной характеристикой историка М. П. Погодина: «Сей труд дает нам право перед всеми европейскими государствами гордиться древнейшей обстоятельной статистикой» [12, с. 90]. Работа И. К. Кирилова содержала «сведения о городах всех 12 гу-

берний России: о топографии, состоянии и протяженности городских укреплений, расстоянии от других городов, об административных и судебных учреждениях, епархиях, монастырях, школах, госпиталях, численности различных категорий населения, купечества, ярмарок, о флоте, полках, казачьих частях» [58, с. 40].

И. К. Кирилов в течение долгого времени возглавлял работу по картографированию. В 1734 г. он опубликовал первую часть Атласа России. В этом труде содержались четырнадцать карт различных земель и общая карта, на которой еще не было Таймыра и Сахалина, а также присутствовали лишние элементы, но в целом береговая черта и гидрографический рисунок в значительной степени соответствовали тому, что мы видим в подобных работах сегодня [179, с. 65].

Важную роль в развитии российского страноведения сыграл В. Н. Татищев (1686–1750). «Не будучи членом Академии, он внес существенный вклад в различные сферы человеческой деятельности. В. Н. Татищев, пройдя путь от рядового до поручика, участвовал во многих сражениях своего времени, выезжал за границу по поручению Петра I, Брюса, где закупал оборудование, книги, приборы, написал и представил царю план составления подробных карт по всей территории страны, руководил горными работами на Урале, затем Оренбургской экспедицией, Калмыцкой комиссией, был губернатором Астраханского края» [58, с. 40].

У В. Н. Татищева деятельность научная, методологическая соединяется с практической, с государственным управлением, размещением городов и заводов. Несмотря на это, научная деятельность его была нерегулярной в связи с высокой занятостью на государственной службе, вместе с тем «В. Н. Татищев, являясь историком, лингвистом, философом, географом, оставил заметный след в этнографической науке» [156, с. 28]. Значительная часть трудов ученого не была опубликована при его жизни, впоследствии его работы переиздавались неоднократно. В 1950 г. вышли избранные труды по географии России, в 1962–1979 гг. – со-

брание сочинений в 8 томах, переизданное в 1994–1996 гг. Деятельность В. Н. Татищева стала вкладом как в практику страноведческой науки, так и в теорию.

Как географ-практик В. Н. Татищев составил краткий географический очерк «Россия, или как ныне зовут, Россия», состоявший из двух частей: в одной описывалась европейская часть страны, в другой – азиатская. Труд включал описание административного деления, крепостей, недр, фауны, флоры, рельефа, климата [58]. Явный региональный характер носила «История Российская с самых древнейших времен»: во время ее написания В. Н. Татищев изучал летописи, найденные им в местах службы (Урал, Сибирь, Поволжье), в окраинных регионах страны. Таким образом, ученый, пусть и не подвергая критическому осмыслению источники сведений для своей «Истории», давал другим исследователям увидеть и оценить наличие не только центральной, но и региональной летописной традиции [96]. Этот труд можно определить как первый опыт создания документально обоснованной русской истории [58].

Немалым представляется вклад В. Н. Татищева и в теорию страноведческой науки. Взяв за основу труд Б. Варениуса, ученый разработал собственную классификацию географических субдисциплин [104, с. 18]:

1) по качествам он разграничивал географию физическую, математическую (включавшую геодезию и картографию) и политическую (по содержанию – экономическую: к ее объектам он относил сеть населенных пунктов, их жителей как производительную силу, земли, осваивающие собственные для них отрасли экономики, а также плоды производства, кроме того, трансформацию указанных объектов на различных этапах их развития [179, с. 66]). Такое разграничение приведено в сочинении «Российский исторический, географический и политический лексикон» – в числе прочего В. Н. Татищев отмечает, что география делится на общую и частную: общая имеет дело с земным шаром, а в частной описывается отдельное государство или «предел», и такое описание включает в себя физическое, историческое,

или политическое, и математическое (как раскрывается в «Лексиконе», имеются в виду сведения о площади, очертаниях, данные о широте и долготе, климатические зоны) [164, с. 38–39]. Выделяет В. Н. Татищев и географию историческую, или политическую, которая описывает положения, границы, политический строй («правление»), народы, силу и недостатки, т. е. анализ комплексный [Там же, с. 39];

2) по масштабам исследования – планетарную, страноведческую и районную;

3) по «стреле времени» – «древнюю», «среднюю» и современную.

Кроме того, в рамках разработки теоретико-методологических основ страноведения В. Н. Татищев составил [58]:

1) анкету «Предложения о сочинении истории и географии российской» (1737 г.), состоящую из 198 вопросов, которые касались природных условий различных регионов, состава их населения, типологических характеристик этого населения (внешности, телосложения, одежды, ритуалов) и т. п. [12]. Можно обозначить такую инструкцию как схему регионального анализа, схему экономико-географической характеристики;

2) «Российский исторический, географический и политический лексикон», который ученый успел довести до буквы «к» (опубликован лишь в 1793 г.);

3) «Наказ геодезистам», представлявший собой свод положений для составителей карт российских регионов (часть из них была создана при участии самого ученого).

Перу В. Н. Татищевой принадлежит неоконченный географический труд «Общее географическое описание всея Сибири» (1736 г.). Он представляет собой комплексную общегеографическую и экономико-географическую характеристику: название (этимология, различные варианты и версии), границы, географические координаты, климат, почвы, природные ресурсы, полезные ископаемые, народонаселение, дается и порядок описания народов – наименование, язык, расселение, внешний вид, быт, ремесла, «способность

к войне», вероисповедание, политическая власть и церковное правление, промышленность [163, с. 36–41]. Намечено было 45 глав, однако закончены только первые девять, а также части десятой и тринадцатой глав [Там же, с. 73].

Указанный выше «Российский исторический, географический и политический лексикон» В. Н. Татищева, хотя и неоконченный, внес свою лепту в дело систематизации региональных сведений. М. М. Голубчик, С. П. Евдокимов, Г. Н. Максимов, определяя роль В. Н. Татищева в становлении отечественной географии, указывают, что ученый «в полной мере может быть назван основателем русской отечественной концепции географии» [25, с. 85], а М. В. Иванова полагает, что его можно считать отцом региональной географии [58].

О тенденции систематизации комплексных историко-политико-географических знаний свидетельствует издание и популярность другого подобного лексикона – «Географического лексикона Российского государства» Ф. А. Полунина (1773 г.). Автор предисловия к лексикону Г. Ф. Миллер географию (землеописание) связывает с родословием, генеалогией, хронологией и относит к историческим наукам, высказывая мнение, что географический словарь послужит историческому. В предисловии также особо подчеркивается, что именно через пространство познавалась история. В «Географическом лексиконе» (как и в лексиконе авторства В. Н. Татищева) приводятся справочные сведения в алфавитном порядке о местах, реках, городах, монастырях, провинциях, заводах, часто в исторической перспективе. Приведем для примера описание Иркутска. В соответствующей статье он определяется как главный город Иркутской губернии, приводится его расположение, происхождение названия, численность купечества и обывательских домов, описание крепости и церквей, описание водящихся зверей, рыбы, причем упоминаются местные уникальные виды – омуль и нерпа. Сообщается о значимости торговли с Китаем. Можно заключить, что схема-характеристика, примененная в описании города, содержит две составляющие: общее описание

(статус поселения, расположение относительно крупных географических объектов) и ключевая характеристика (выделение уникальных черт) [131]. Подобный прием используется и для многих других городов, описания которых присутствуют в рассматриваемом лексиконе.

Научные интересы выдающегося российского ученого М. В. Ломоносова (1711–1765) были столь разнообразны, что весомый вклад он успел внести в географию и страноведение, в свое время возглавив Географический департамент Академии наук [Там же]. «М. В. Ломоносов последовательно отстаивал идею всестороннего изучения как России в целом, так и отдельных ее регионов. Будучи организатором подготовки геодезистов-картографов, М. В. Ломоносов сам принимал участие в составлении карт. Он считал, что географические карты должны обновляться через каждые 20 лет» [25, с. 85].

Вкладом М. В. Ломоносова в развитие методологии страноведческой науки считается анкета из 30 вопросов, разосланная в 1760 г. по регионам России, она нужна была для составления нового Академического атласа. Анкета является своего рода планом страноведческого исследования, включавшего изучение социально-экономических данных: городов, ремесел, производств, транспортных путей, населения, сельского хозяйства и пр. [179, с. 66]. Кроме того, М. В. Ломоносовым было составлено несколько проектов «академических экспедиций» для комплексного исследования регионов страны. Они не были реализованы при его жизни, но «подготовили почву для академических экспедиций 1768–1774 гг., принесших русской науке заслуженную мировую славу» [58].

Следует также отметить, что именно М. В. Ломоносову принадлежит термин «экономическая география». На основе его работ исследователи делают выводы, что под экономической географией он понимал направление, изучающее темы, «связанные с территориальным разделением труда и экономическим картографированием» [2, с. 4], а в качестве ее объекта он видел «хозяйственное освоение природных

ресурсов страны, размещение новых центров производства, развитие межрайонного разделения труда» [58, с. 42].

Этими же идеями проникнут и проект составления «Энциклопедического лексикона российских продуктов» [89]. М. В. Ломоносов был убежден в важности изучения «территориального разделения труда, порайонных, региональных особенностей хозяйственного развития России» [58, с. 42].

Кроме того, «особого внимания и ныне заслуживает труд М. В. Ломоносова о размножении и сохранении российского народа» [85, с. 100]. В том числе на этом основании, по мнению М. В. Ивановой, можно считать, что ученый стоял и у истоков отечественной демографии: «по его мнению, могущество и богатство государства определяется “сохранением и размножением российского народа”, а “не в обширности, тщетной без обитателей”. В своей записке ученый рассматривал факторы, влияющие на демографическую ситуацию: неравные браки, детские болезни, стихийные бедствия и т. д. М. В. Ломоносов был уверен, что численность населения в России можно увеличивать до полумиллиона в год» [58, с. 42].

Наконец, по мнению Н. П. Залывского, идеи Ломоносова о северных землях есть «начало научной концепции современной северной регионологии», а «анализ проблем функционирующей экономики и теоретическое обоснование путей улучшения российской практики хозяйствования и стратегического управления Европейским севером России являются достаточным поводом для закрепления за Ломоносовым достойного места в истории становления и закреплении экономической мысли России, так и обозначения родоначальником северного регионоведения» [53, с. 141].

Отдельно отметим такие труды, как *журналы путешествий, путевые заметки*. Такого рода работы можно рассматривать как продолжение жанра хождений XV–XVI вв., только здесь авторы представляются более подготовленными, более подкованными в научном и культурном плане. Одним из примеров таких работ служит «Журнал путешествия его высокородия господина статского советника и Ор-

дена Святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова». Путешествие представителя рода Демидовых предпринято в 1771–1773 гг. с целью лечения супруги Демидова «на водах» в Европе (Фландрия, Голландия, Франция, Англия, Италия), журнальные заметки опубликованы в 1786 г. В записках, которые вел секретарь Демидова, сообщаются сведения о ряде европейских стран, в которых побывали супруги, подробно описывается быт местных жителей, архитектура, расположение городов, культурные события (выставки, театральные представления), даются некоторые важнейшие сведения о денежной системе, оценка благосостояния жителей, наличие социальных учреждений, например, госпиталей. Так, описание Амстердама начинается с пояснения происхождения названия города, описывается его строение, приводится описание Амстердамского банка, описание заводов, социальных и культурных учреждений, даются пояснения по поводу монет в ходу, мер веса [44, с. 16–17]. Описание живое, полное мелких подробностей, составляющих ткань повседневной жизни.

Другое видение, естественно-научное, этнографическое, биологическое, представлено в труде И. И. Лепехина «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта по разным провинциям Российского государства». Автор путешествует по Поволжью, Уралу, Западной Сибири, северным и западным губерниям. Описания обычаев местных народов, легенд перемежаются с описанием физико-географических объектов (гор, рек, пещер и т. д.) и видов животных и птиц. Автор не скрывает личной оценки некоторых обычаев. Так, описывая пиршество у башкирцев, он с возмущением описывает порядок, показавшийся диким.

Журнал путешествия Н. А. Демидова и путевые записки И. И. Лепехина выполнены в живом описательном жанре, в котором прослеживается взгляд автора-наблюдателя, его мировоззренческие установки, так как он описывает и отношение к происходящему, и таким образом устанавливается важнейшая составляющая той целостности, воссоздать которую стремятся историко-географические сочинения.

В рамках крепнущей российской науки XVIII в. появилась возможность широкомасштабного изучения и перевода западных источников. Кроме того, как уже указывалось выше, освоение Дальнего Востока, не только российского, но и зарубежного, в значительной степени повлияло на становление регионологического знания, в связи с чем *востоковедение* и *китаеведение* стали его важными составляющими. Более того, именно китаеведение в XVIII в. сыграло одну из ведущих ролей в формировании академической науки в России. Как указывает В. Г. Дацышен, «знакомство русского общества с историей Китая и формирование российского китаеведения в XVIII в. определялось комплексом причин и факторов. Потребность в изучении Китая была обусловлена в первую очередь тем, что с начала XVII в. русское и китайское государства установили прямые политические и экономические связи, затем стали и непосредственными соседями в Центральной и Восточной Азии. Нерчинский 1689 г. и Кяхтинский 1727 г. договоры завершили не только пограничное размежевание между двумя империями, но оформили всю систему двухсторонних отношений» [42, с. 14]. Кроме того, «так случилось, что именно история и китайский язык по факту оказались в основе академической науки на этапе ее формирования. Это отметил еще М. В. Ломоносов, писавший в “Рассуждении о академическом регламенте и статье”: “3) Ректором Университета положен историограф, то есть Миллер, затем что он тогда был старший профессор... И если б Миллер был юрист или стихотворец, то, конечно, и в статье ректором был бы назначен юрист или стихотворец. 4) Историографу придан переводчик китайского и маньчжурского языков, то есть Ларион Россохин. Однако если бы Россохин вместо китайского и маньчжурского языков знал, например, персидский и татарский, то бы, конечно, в статье положен был бы при историографе переводчик персидского и татарского языка”» [Там же, с. 14–15].

Вклад Г. Ф. Миллера в регионологические исследования того времени был довольно весомым. Его перу, в част-

ности, принадлежит «Описание Сибирского царства» (1787 г.). Значительная историко-географическая, этнографическая работа по Сибири включает подробное описание освоения русскими этой территории, рассказывает о проблемах и потерях, с которыми приходило столкнуться, об основании городов и строительстве острогов, освещает вопросы государственного управления территорией, дает описание этносов Сибири [98]. В отношении зарубежных регионов необходимо упомянуть труд «О первых российских путешественниках и посольствах в Китай», «современники высоко оценивали значение собранных Г. Ф. Миллером “рукописных китайских известий”» [42, с. 14–15].

Как отмечают авторы монографии «История отечественного востоковедения до середины XIX века», российское научное востоковедение XVIII в. имело три основных источника формирования: «1) практическое востоковедение, обслуживавшее нужды в первую очередь внешней политики и торговли. Его составной частью была деятельность миссионеров в странах Азии; 2) традиционные школы восточных народов (вошедших в состав Российской империи), и в их числе феодально-религиозные учебные заведения, где изучались история и культура как своя собственная, так и сопредельных стран; 3) западное востоковедение, т. е. приглашение европейских ученых-востоковедов для работы в России и перевод на русский язык трудов, изданных в европейских центрах ориенталистики» [66, с. 5].

Внутренняя и внешняя политика, проводимая Россией в XVIII в. (освоение собственных территорий, населенных восточными народами; торговля и внешнеполитические отношения с восточными странами), требовала комплексного исследования Востока [Там же, с. 38]. Вклад в изучение Востока внесли духовные деятели, дипломаты, представители торгово-деловых миссий, путешественники, иностранцы на русской службе и собственно ученые: С. Грибовский, И. Лежайский, И. Лукьянов, Л. Ланг, Дж. Белл, А. П. Волынский, М. Г. Нечаев, В. Н. Татищев, Д. К. Кантемир, Г.-З. Байер, Г. Ф. Миллер, И. Э. Фишер, П. С. Паллас,

И. И. Лепехин, Г.-Я. Кер, В. М. Бакунин, И. К. Россохин, А. Л. Леонтьев, А. Агафонов и др.

На начальном этапе развития отечественное востоковедение добилось существенных успехов; оно сформировалось как самостоятельная отрасль гуманитарной науки и закрепились за тремя центрами: петербургским, московским и казанским. Это заложило основы и для дальнейшего развития этой дисциплины и разделения ее в XIX в. на два направления: 1) практическое (официальное); 2) академическое и университетское [66, с. 5].

Такова специфика развития регионологического знания в России XVIII в. Именно в этот период было заложено понимание необходимости комплексного подхода к изучению как внутренних, так и внешних регионов.

2.2. РАЗВИТИЕ СИСТЕМАТИЧЕСКОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В XIX В.

Кроме дальнейшего изучения зарубежных регионов, а также развития востоковедения и китаеведения, для XIX в. также характерно формирование новой хозяйственной географии России, новых индустриальных и сельскохозяйственных регионов, усиление процессов территориального разделения труда. Вышеизложенное стало причиной появления *экономического районирования* как метода изучения трансформирующейся географии производительных сил и разработки рекомендаций по развитию последних. Среди наиболее значимых ученых, внесших вклад в разработку проблемы экономического районирования, М. В. Иванова называет К. А. Арсеньева, Н. П. Огарева, П. П. Семенова-Тян-Шанского, Д. И. Менделеева [58].

Одним из первых задачу экономического районирования обозначил К. И. Арсеньев (1789–1865) в своей работе «Начертания статистики Российского государства». В ней ученый обосновал выделение регионов страны по природным и экономическим характеристикам [3]. Разбив терри-

торию России на десять «пространств», в которых он «сгруппировал по несколько губерний, сходных по ряду черт природного потенциала и направлений хозяйственного использования, дал им обстоятельные характеристики с учетом динамики их прошлого развития, особенностей их положения, хозяйственной оценки природных условий и некоторыми наметками на их возможное в будущем развитие. Это была первая сетка экономических районов» [61]. У К. И. Арсеньева получилось комплексно показать в выделенных им пространствах определенный цикл: «природа – труд – результаты труда – природные ресурсы – освоение их – изменение природной среды хозяйственной деятельностью» [58]. Структуру территориального могущества страны К. И. Арсеньев видел в разрезе «Центр – колонизируемая Периферия».

Эти идеи получили развитие и в другой работе ученого – «Статистические очерки России». Она посвящена районированию страны на основании экономического и природного факторов (топографическое исследование климата и почвы России) [12, с. 172–173].

Некоторое время спустя Н. П. Огарев (1813–1877) сформулировал базовые принципы выделения регионов [67]. Ученый полагал, что при районировании следует учитывать производительные силы и их особенности в разных регионах, анализировать социальное измерение производительных сил, а также брать во внимание географическое положение и национальный состав. Вышеизложенное можно считать первыми шагами к специализации региона и обоснованию перспектив его развития [61].

Анализ принципов районирования, выделенных Н. П. Огаревым [111], дает возможность свести их следующим [179, с. 67–68]:

1) район – это объект, существующий в реальности, он не «игра ума» исследователя;

2) район должен изучаться в процессе трансформации: история, настоящий момент, перспективы;

3) район следует выделять на основе развития «главных материальных сил», детерминирующих его будущее развитие;

4) район – явление системное, поэтому необходимо изучать не только сами объекты внутри него, но и связи между ними, их взаимодействие и взаимовлияние;

5) район формируется на основе законов политической экономии, что делает районообразование объективным социальным процессом;

6) район обладает собственным способом хозяйствования и этот факт определяет социально-территориальные различия между регионами.

Характеризуя деятельность К. И. Арсеньева и Н. П. Огарева, важно отметить, что они «утверждали принципиально новые, по сравнению с камеральной статистикой, страноведческие подходы, ориентированные на познание объективного характера территориальных, региональных различий, подходы, требующие анализа комплекса характеристик исследуемых территорий» [58, с. 45].

В дальнейшем эти подходы получают развитие в работах других исследователей. В частности, собственный способ экономического районирования предложил П. П. Семенов-Тянь-Шанский (1827–1914), вклад которого в формирование регионологической науки не ограничивался какой-то одной из сфер: он прославился как «географ, статистик, ботаник, энтомолог, геолог, гос. деятель» [184].

Первые серьезные шаги в деле экономического районирования П. П. Семенов-Тянь-Шанский сделал в своем труде 1871 г. «Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливающих распределение населения империи» [150]. В этой работе «автор анализирует географическое размещение населения страны и описывает свой первый опыт по районированию, выделяя первоначально лишь природные критерии для деления. Он предлагает деление на 14 районов, учитывая систему хозяйства, распределение земель по угодьям, степень развития промышленности» [61].

В 1880 г. П. П. Семенов-Тянь-Шанский доработал свою концепцию и представил районирование страны на основании экономических и природных условий, а также наличия ресурсов. В работе «Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России» он предлагает обновленную сетку регионов, составленную не только на основе природных условий, но и с учетом плотности населения, этнического состава, родов занятий, доли лесов и пахотных земель. Базой концепции стал учет производительности труда жителей региона, а также и производительность земли. Как утверждает М. В. Иванова, районирование П. П. Семенова-Тянь-Шанского применялось как в науке, так и для статистико-экономических нужд вплоть до 1920-х гг., когда была разработана сетка районов РСФСР [58]. В свою очередь, О. Н. Изюмова и Ю. А. Бергер указывают на то, что советская сетка экономических районов по большей части опиралась на ту же самую концепцию П. П. Семенова-Тянь-Шанского [61].

Важным вкладом в развитие регионологического знания стала и статистическая деятельность ученого, в том числе на должности директора Центрального статистического комитета: «им были разработаны методики сбора статистических материалов, подготовлено проведение Всероссийской переписи населения в 1897 г. Государственная важность этой работы несомненна, как и несомненно ее значение для науки, в том числе и российского страноведения» [58, с. 47].

С именем П. П. Семенова-Тянь-Шанского связаны две важных регионологических работы, вышедшие на рубеже XIX–XX вв. Первая из них – «Живописная Россия. Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом отношении», вышедшая в 1881–1899 гг. и содержащая 12 томов [52]. П. П. Семенов-Тянь-Шанский был ее редактором, автором большого числа разделов, а его концепция районирования использовалась за основу работы. Не будучи строго научной, книга тем не ме-

нее содержала множество сведений о регионах России и сопровождалась богатым иллюстративным материалом.

Второй работой стал 19-томный труд 1899–1914 гг. «Россия. Полное географическое описание нашего отечества», его подготовка шла под общим руководством П. П. Семенова-Тян-Шанского и историка и слависта В. И. Ламанского, редактором был сын П. П. Семенова-Тян-Шанского Вениамин Петрович. К изданию планировалось двадцать два тома, подготовлено было девятнадцать, из печати вышло одиннадцать [58]. Издание являло собой подробное и комплексное описание регионов России, каждый том работы имел упорядоченную структуру: 1) природа, рельеф, строение земной коры, климат, флора и фауна; 2) население, история региона, особенности расселения, национальный состав, быт, культура, промыслы, ремесла, транспортные пути; 3) достопримечательности, карты, диаграммы, графики, рисунки [12, с. 261].

Наиболее известным произведением П. П. Семенова-Тян-Шанского остается книга «Путешествие в Тянь-Шань», а, очевидно, наиболее признанным результатом деятельности – исследовательская экспедиция в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. Указанная работа, содержащая научные описания флоры, горных пород, перемежается с бытописанием местного населения, культурных традиций, событий и жизни, в которых участвует автор. Отличительна высокая художественность, местами даже поэтичность, описаний географической местности, насыщенность историческими сведениями, фоновыми знаниями, научными подробностями. Стиль и слог, подходящий для широкой аудитории читателей, позволили завоевать массовый круг читателей, сыграв значительную роль в популяризации регионологических исследований.

Касательно исследований регионов России отметим работу «Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России», изданную в 1900 г. под редакцией П. П. Семенова-Тян-Шанского. Помимо ожидаемых общих, физико-географических и экономико-географических сведений о названных территориях, в рабо-

те тезисно представлено осмысление отношений Европейской России и периферии, понимание принципиальных отличий указанных территорий от колониальных владений других европейских держав. Притом что азиатская часть России составляет «непосредственное продолжение европейско-русской территории, которая как физически, так и этнографически совершенно незаметно переходит в пределы азиатской части», коренное население указанных территорий живет в разительно отличающихся культурных условиях, а «русскому же сибирскому оседлому и земледельческому населению приходится еще вести тяжелую борьбу с суровыми условиями подавляющей его природы» [113, с. 1–2].

Важнейшее значение имеет работа П. П. Семенова-Тян-Шанского по переводу и дополнению знаменитого труда Карла Риттера «Землеведение Азии» (1856 г.). В предисловии к переводу П. П. Тянь-Шанский отмечает, что принятый Императорским Русским Географическим Обществом проект перевода имеет три цели, среди которых «сделать великое творение Риттера доступным для всей русской образованной публики и подвинуть тем самым местные исследования Азии, как возбуждением к ним интереса, так и доставлением местным исследователям лучшего сборника трудов их предшественников», обогатить русскую научную географическую терминологию, введя в нее новые понятия и продолжить и дополнить труд К. Риттера новейшими научными изысканиями, «что составляет труд самостоятельный и тем более важный, что новейшая ученая русская литература сама представляет значительное богатство материалов для такого труда» [140, с. 4]. Что же касается оценки самого труда К. Риттера, то П. П. Тянь-Шанский определяет его чрезвычайно высоко, отмечая, что К. Риттер основал новое направление в науке – сравнительную географию [Там же]. Риттер, по оценке П. П. Семенова-Тян-Шанского, придал географии научность, выделив в ней научные законы, превратив ее из сборника систематизированных фактов в «стройный организм науки» [140, с. 8].

Огромное влияние на развитие ранних регионологических исследований оказал Н. М. Пржевальский. Уже в довольно молодые годы исследователь создает труды, посвященные описанию территорий: «Воспоминания охотника», «Военно-статистическое обозрение Приамурского края». Н. М. Пржевальский предпринимает экспедицию по Уссурийскому краю, результатом которой явился труд «Путешествие в Уссурийском крае». В 1870–1873 гг. Н. М. Пржевальский отправляется в первую экспедицию по Центральной Азии, в рамках которой комплексно исследуются новые территории [183].

«Путешествие в Уссурийском крае» (1870 г.) содержит информацию о флоре и фауне края с подробным описанием образцов, физико-географические, экономико-географические сведения, историко-культурные сведения. Научные описания образцов флоры и фауны, физико-географических элементов сочетаются с культурологическими рассуждениями, описанием обычаев, быта как местного населения (русских переселенцев), так и иностранного (китайцев, корейцев). Обращает на себя внимание глубокое переживание Пржевальским социальных проблем Уссурийского края. Так, он с печалью пишет об апатичности местных русских переселенцев, отмечая, что «...независимо от других посторонних причин, Уссурийское население, много и само виновно в том безысходном положении, в котором оно находится в настоящее время» [134, с. 31]. Основательный и подробный труд завершается общими выводами, подытоживанием уникальных, специфических черт Уссурийского края. Н. М. Пржевальский анализирует причины, по которым население края находится в неутешительном социально-экономическом положении. Среди таковых он отмечает избыточное переселение, недостаток рабочей силы, недостаток рабочего скота, особенности климатических условий, «неудачные действия администрации» [Там же]. Он предлагает и свои рекомендации: позволить желающим казакам вернуться обратно в Забайкалье, простить казенные долги, оказать оставшемуся бедному населению материальное

вспомоществование и заселять край не казацким, а крестьянским населением [134, с. 31]. Таким образом, отличительной особенностью работы является социальная проблемность, причинно-следственный анализ существующих проблем края и практические рекомендации по устранению указанных проблем.

Результатом экспедиции Н. М. Пржевальского в Центральную Азию 1870–1873 гг. стали путевые записи, легшие в основу труда «Монголия и страна тангутов». Комплексное регионологическое исследование, посвященное изучению внутренней Азии и монгольского народа, как и «Путешествие в Уссурийском крае», содержит описание флоры, фауны, домашнего скота монголов, физико-географические, погодно-климатические описания, сочетающиеся с изложением нравов, быта, культурных особенностей монголов. Н. М. Пржевальский описывает и «внутреннюю кухню» экспедиции: трудности съемки, проблемы при собирании ботанических, геологических и других образцов, а также сложности с местным населением. Как он отмечает: «...При исполнении съемки во время путешествия необходимо было всегда соблюдать, во-первых, точность самой работы, а во-вторых, держать это в секрете от местного населения. Оба условия были одинаково важны. Знай местный люд, в особенности китайцы, что я снимаю на карту их страну, затруднения нашего путешествия увеличились бы вдвое, и едва ли бы мы могли свободно пройти по густонаселенным местностям. К великому счастью, в течение всех трех лет экспедиции я ни разу не был пойман с поличным, то есть с картой, и никто не знал, что я снимаю свой путь» [133, с. 59–60].

В целом регионологические исследования XIX в. проходили под эгидой (Императорского) Русского географического общества. Экспедиции, предпринятые исследователями, носили в полной мере научный характер, в них отражалась комплексность регионологического знания, его синтетический характер. Узкоспециализированные сведения (в ботанике, геологии, климатологии и т. д.) сочетались с пред-

ставлением широкого историко-культурного контекста, глубинного взгляда внутрь региональной ментальности.

Развитие регионологического знания в XIX в. осуществлялось в контексте общего развития науки в Российской империи. Именно в это время деятельность научных организаций регламентируется, пишется Устав для российских университетов, развиваются принципы государственного управления научной и учебной деятельностью [115, с. 331–332]. Значительную роль в развитии научного знания, в том числе регионологического, начинают играть различные научные съезды, а также научные общества, научные кружки [116, с. 193–194]. Крупные научные общества, в том числе Географическое, были способны интегрировать различные научные направления, решать комплексные исследовательские проблемы [Там же, с. 275].

Развивающиеся теория и практика экономического районирования характеризуются двумя особенностями: во-первых, оно носит прагматический характер и связано с обеспечением удобства регионального управления; во-вторых, районирование представляло собой интеллектуальное конструирование пространств в научно-исследовательских целях.

2.3. СИСТЕМАТИЧЕСКОЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В XX В.

2.3.1. Основные тенденции развития регионологического знания в XX в.

В XX в. развитие научных подходов к комплексному исследованию регионов, способствовавших формированию регионологической традиции, проходило в рамках двух взаимосвязанных тенденций. Первая – формирование научных направлений, специализирующихся на комплексном изучении отдельных стран и регионов (в частности, востоковедение и китаеведение, американистика и пр.), вто-

рая – развитие экономической географии и на ее базе страноведения как комплексной дисциплины.

Как уже указывалось выше, в рамках первой тенденции значимое место заняло востоковедение, выработавшее собственные подходы и базировавшееся на достижениях сформировавшихся научных школ. Подобным образом возникали и другие направления, продиктованные как логикой развития научного знания, так и политическими задачами. Таким образом, в СССР не только продолжают свое существование уже сложившиеся весомые школы, специализирующиеся на комплексном изучении отдельных стран и регионов, но и формируется множество новых. Значительное количество ученых начинает ассоциироваться не только с устоявшимися отраслями наук, в которых они трудятся (историк, географ, лингвист, философ и т. п.), но и с региональной ориентацией их научных интересов (востоковед, китаевед, американист и т. п.).

В советский период востоковедение идеологически, методологически и практически расходится с западноевропейским [160, с. 30–31]. Очевидно, что проблематика и исследовательские задачи советского востоковедения во многом формируются под влиянием общественно-политических императивов; особое внимание уделяется социально-политическим вопросам, государственным устоям, национально-освободительным движениям, культурно-идеологической составляющей. Среди советских востоковедов следует отметить А. Э. Шмидта, П. А. Фалева, Е. Д. Поливанова, Е. М. Жукова, В. К. Луцкого, А. Ф. Миллера, А. М. Осипова, С. Л. Тихвинского, А. А. Губера, В. В. Балабушевича, Г. Ф. Кима, Р. Р. Вяткина, Л. П. Делюсина, Х. К. Баранова, Е. П. Чельшева, В. И. Горелова, С. В. Неверова, А. Н. Кононова, А. И. Левковского, Н. А. Симонию и др.

Постепенно развиваются и укрепляются и другие направления, изучающие отдельные страны и регионы. Так, среди советских американистов выделяются А. В. Ефимов, Л. И. Зубок, Г. А. Арбатов, Н. Н. Болховитинов, В. В. Журкин, А. А. Громыко, Э. Я. Иванян, Н. Н. Яковлев и др.

В рамках второй тенденции продолжает развиваться экономическая география, объединяя свои усилия со страноведением. На этой базе регионологическое знание формировалось, прежде всего, в рамках трех направлений:

- 1) советская экономическая география в целом и районная школа Н. Н. Баранского в частности;
- 2) экономико-географическое страноведение;
- 3) комплексное проблемное страноведение.

Взаимодействие этих направлений позволяло им совершенствоваться и находить новые пути развития, обогащая друг друга подходами и производя парадигмальные сдвиги в общей канве советского регионологического знания.

2.3.2. Советская экономическая география. Районная школа

Экономико-географическое направление, внесшее вклад в развитие современной регионологии, характеризуется следующими составными элементами: теории размещения и пространственной-производственной концентрации, экономическая характеристика стран и районов, географическое разделение труда и его связь с производительностью труда. Экономико-географическое направление в регионологическом ключе развивается с 1920-х гг. по конец XX в., основные идеи не теряют актуальности и до сих пор и в том или ином виде входят в концептуальную систему современной регионологии. Основоположники районной школы – Н. Н. Баранский (основатель), Н. Н. Колосовский, Ю. Г. Саушкин.

Рассмотрим некоторые общие тенденции и общий дискурс территориального развития, в контексте которых закладывались основы советской экономической географии в целом и районной школы и теории экономического районирования в частности. Спецификой регионального развития советского периода времени явилось то, что оно проходило в контексте *реструктуризации*, что можно рассматривать в двух измерениях: и как материальную (производственную,

организационную) реструктуризацию предприятий, и как концептуальную направленность, предполагающую радикальное повышение эффективности, радикальное изменение устоявшейся методологической базы. Подобно тому как советское время (в частности, ранний период – 1920–1930-е гг.) потребовало создания «нового человека», «нового языка» (новояза), так потребовалось и создание новой организации производства, в том числе и новой территориальной организации. Такая установка отразилась на формировании достаточно широкого подхода, когда при реструктуризации потребовалась, как указано в резолюции по докладу С. Орджоникидзе «Итоги развития промышленности за 1931 г. и задачи 1932 г.», «новая обстановка», а именно «...перестройка системы заработной платы, борьба с уравниловкой и обезличкой, борьба с текучестью рабочей силы, борьба за организованное привлечение рабочей силы в промышленность и за дальнейшее улучшение жилищно-бытовых условий рабочих; внедрение и укрепление хозрасчета; разукрупнение объединений с целью приближения их к предприятиям и усиления конкретного руководства; дальнейшее развертывание работы по подготовке пролетарской производственно-технической интеллигенции и изменение отношения к инженерно-техническим силам старой школы в сторону большего внимания к ним и заботы о них, в сторону большего привлечения их к работе и поощрения их инициативы» [Цит. по: 8, с. 5–6]. Важно, что советское регионалогическое знание раннего периода развивается в контексте амбициозных задач не только лишь производственной (хозяйственной реконструкции), но и концептуальных изменений в общественном устройстве и идейно-культурном пространстве.

Важно рассматривать эволюцию знания о территориальном развитии в контексте общего дискурса технической реконструктивизации, заданного общественно-политическим контекстом. Развитие регионального производства оценивалось, делилось на пятилетки и испытывало влияние риторики и практики ударничества и соцсоревнования. Так,

знаменитый экономико-географ, один из ярчайших представителей районной школы Н. Н. Колосовский пишет о том, что сама логика изучения, исследования региона должна отталкиваться от научно-технического прогресса (энергетика, промышленное производство), привнесенного человеком на данную территорию. Он отмечает, что выстраивание логического комплекса изучения района находится в зависимости «от предполагаемой материально-технической базы реконструкции» [74, с. 39].

Очевидно, что концептуальное обоснование и практическая реализация принципов исследования, деления на территориальные единицы, организации управления территориально-производственным развитием в советское время испытывали прямое влияние четкого центрального администрирования (партийные конференции, городские, областные, районные комитеты), активно внедряемого технического нормирования и стандартизации. Однако первостепенное значение имела плановая, программная ориентация территориального развития. Н. Н. Колосовский, рассуждая о современной отечественной географии, пишет о том, что «...географ должен знать ...примерные экономические задания на будущее для данного района» [74, с. 39]. В этом дискурсе отражается, как заявляли экономико-географы, преобразовательная сила советской экономической географии. Так, Н. Н. Колосовский отмечал, что экономический район является не только основным понятием экономической географии, но и «важной составной частью производственно-территориальной структуры государства, имеющей практическое преобразовательное назначение» [Там же, с. 48]. Для экономико-географов районной школы связь теории и практики действительно имела первостепенное значение, что объясняется их работой в Госплане (Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский и др.).

Рассмотрим описанные тенденции на примере изданного кафедрой экономической географии экономического отделения МГУ пособия для проработки районного курса экономической географии СССР (именно эта кафедра и яв-

ляется «центром» районной школы – долгое время кафедру возглавлял Н. Н. Баранский, здесь же работали многие его ученики). «Социалистическая реконструкция областей, краев и республик СССР в постановлениях партийных и советских органов» представляет собой практически полностью компиляцию из постановлений партийных органов. В постановлениях принят анализ по секторам промышленности, сельского хозяйства, также зачастую включается культура и быт (социально-культурное строительство), кадры, транспорт, жилищно-коммунальная сфера, снабжение и торговля. Численность секторов, их наличие варьируется, однако прослеживается единая логика. В каждом постановлении подводятся итоги года (1931 г.) и приводятся контрольные цифры производства на следующий год. Описываются и стратегические, широкомасштабные задачи, и перспективы региона, его места в национальном народном хозяйстве. Делаются классификационные различия районов: приграничный, северные, национальные; к этим регионам предполагается особый подход – форсированное развитие народного хозяйства и культурного строительства). Рассматриваемые регионы совпадают с административно-территориальным делением, управляются центральными и региональными партийными органами и выступают как объекты, обладающие ресурсами, сильными и слабыми сторонами. Очевидно, что регион не рассматривается как обладающий хозяйственной и социально-политической субъектностью. Отметим и отсутствие анализа межрегиональных связей. Значительное внимание уделяется правильному размещению намеченного строительства и мероприятий с точки зрения приближения вновь строящихся объектов к источникам сырья и энергии [8, с. 203].

Итак, в работах представителей советской экономической географии, посвященных социалистической реконструкции районов страны, видно, что экономический район, как и район в административно-территориальном понимании, рассматривался, прежде всего, как хозяйственная база, форпост какой-либо отрасли производства или союзный ре-

зерв. Так, например, Западная Сибирь рассматривалась как «индустриальная база для дальнейшего освоения новых районов востока» – такое позиционирование, наряду с имеющимися природными ресурсами и индустриальными предприятиями, детерминирует место и роль региона в системе общесоюзного хозяйства [Там же, с. 209]. Пограничные районы выделялись как районы с особым положением; касательно северных районов речь шла о форсированном освоении и форсированной индустриализации, национальные районы также выделялись как особые и рассматривались как объекты форсированного промышленного и социально-культурного развития.

Рассмотренная работа представляет собой компиляцию данных по ряду регионов. Обратим внимание на работу, посвященную комплексному анализу отдельно региона. Говоря о районной школе, понимание об использовавшихся подходах к анализу регионов четко дают ряд трудов семинаров, опубликованных той же кафедрой. Так, в 1954–1955 гг. начал свою работу Сибирский семинар кафедры экономической географии СССР, на протяжении ряда лет организовывались экспедиции по Восточной Сибири (Восточно-Сибирская экспедиция Московского государственного университета, организатором и научным руководителем экспедиции был Н. Н. Колосовский). Кафедра экономической географии СССР географического факультета МГУ проводила семинары, посвященные районам. Результатом одного из семинаров стало издание труда «Вопросы экономической географии Восточной Сибири», который мы и предлагаем к рассмотрению.

При анализе района заявляется широкий подход с учетом социально-исторического слоя: «...крупные изменения в географическом размещении производительных сил Сибири... и осуществление территориального принципа в управлении промышленностью и строительством требуют изучения конкретных природных и экономических условий развития промышленности, накопленного исторического и культурного опыта, уже сложившейся производственной

специализации и перспектив развития отдельных районов» [19, с. 23]. Дается экономико-географическая характеристика района, анализируется наличие ресурсов и сочетаний ресурсов (сырья и энергии), производственная специализация, транспортно-географическое положение. Применяются принципы энергопроизводственного районирования; выделяются энергопроизводственные районные и промышленные узлы. Анализируются внешние связи промышленных узлов – связи профилирующих отраслей между собой. Так, говоря об Иркутской области, отмечается, что здесь нет на текущий момент производства, выполнявшего «стержневую роль» [Там же, с. 24]. Анализируется уровень значимости отраслей выделенных промышленных узлов – внутреннее, сибирское, общесоюзное значение. Оценивается комплексность промышленного узла: как указывается, «...для этого необходимо наличие более тесных производственных отношений как “по вертикали”, так и “по горизонтали”» [Там же, с. 25]. Анализируются типы и формы расселения. Отмечаются перспективы развития района. Так, в отношении Иркутского промышленного узла Иркутско-Черемховского района сделан вывод о том, что данный узел не является производственно-территориальным комплексом в силу незавершенности внутренних связей. Указывается, что «...Иркутский узел представляет собой пока лишь территориальную группировку производств, где отдельные элементы объединены между собой общностью положения, совместным использованием различных обслуживающих устройств и т. д.» [Там же, с. 26]. Анализируется комплексность внутренних связей и отношений узлов и районов, сочетание производств.

Казалось бы, вышеуказанный подход (в обеих рассмотренных работах – общесоюзной и по отдельному району) с точки зрения современной регионологии укладывается в классическую парадигму регионального развития (отсылаем, например, к сопоставлению классической и современной парадигм регионального развития, описанному Бачтлером и Юилом [185]. Концептуальной основой высту-

пают теории промышленного размещения, энергопроизводственный принцип; ключевыми факторами – доступность сырья, энергии, трудовых ресурсов, баланс затрат и выпуска, организация управления развития, безусловно, строго централизованная, направленная «сверху вниз», строго детерминированная плановой экономикой. С другой стороны, стремление оторваться от «буржуазных наук», необходимость реконструирования регионов, привносящая преобразовательный принцип, продвигаемый и отстаиваемый экономико-географами, определили некоторые черты регионального развития, которые соответствуют современной парадигме. Речь, в частности, идет о следующих характеристиках:

- пространственном фокусе на всех регионах (выделенные роли и места каждому региону в общесоюзном хозяйстве, соответственно его специализации и уникальной конфигурации присущих природных и исторически сложившихся характерных особенностей);

- проактивном, запланированном, стратегическом режиме действия (*преобразовательный принцип*), вызванном необходимостью социалистической реконструкции регионов (смена административной, социальной, экономической организации) и предстоящей всесоюзной социалистической стройкой;

- планировании с ограниченным временным периодом (пяtilетки).

Что касается сферы действия, комплексности рассмотрения «жизнедеятельности» региона, то, хотя ее и можно определить как, скорее, узкую (промышленная сфера), тем не менее в кратком виде характеристика других сфер – социально-культурной (жилищной, досуговой), а также научно-технической сферы – также присутствовала при анализе хода социалистической реконструкции областей, краев и республик СССР (см., например, [8]).

Еще раз остановимся на часто упоминаемом представителями советской районной школы экономической географии *преобразовательном принципе*. Важно, что речь здесь идет не только об общей идеологии (от глобальной

идеи переустройства мира до более конкретных, но также крупных задач промышленной и административно-организационной реконструкции), но и о конкретной зависимости перспектив хозяйственного развития региона (экономического района) от программных заданий. Об этом четко пишет Н. Н. Колосовский: «...Первое, что мы должны отметить – это внедрение в практику планирования ведущих комплексных заданий по развитию народного хозяйства определенных районов... Каждое из таких ведущих комплексных заданий определяется экономическими и природно-географическими условиями данной территории; с другой стороны, для их осуществления требуются мероприятия, которые формируют экономику данного района и, в конечном счете, определяют территорию экономического района» [74, с. 56–57]. О неразрывной взаимосвязи теории экономического районирования и практики государственного территориального планирования говорит и Ю. Г. Саушкин: «...Научно обоснованное территориальное планирование стало невозможно без опоры на систему экономических районов. В свою очередь, научно обоснованное экономическое районирование не имело бы действительного конструктивного значения, если бы оно не подкреплялось территориальным планированием, не учитывало перспектив развития производительных сил» [147, с. 90]. В целом экономический район предстает именно комплексом, цельной системой пространственно-производственных связей. Комплексность района как объективно существующего явления и как единицы территориального планирования определяет необходимость комплексного, системного, интегративного подхода к его изучению. Н. Н. Колосовский также обращает внимание на неделимую, взаимодополняющую связь, например, физической и экономической географии. Таким образом, территория с проживающим на ней населением должна быть исследована комплексно. Ученый отмечает, что в хороших исторических работах всегда присутствует географический компонент, и наоборот [74, с. 34].

Как упоминалось ранее, советская районная школа с самого своего зарождения была связана с практическим воплощением, выполняла государственные задачи. Так, для выполнения плана ГОЭЛРО (электрификации страны) территория Советского Союза была поделена на районы, с соответствующей транспортной, энергетической, хозяйственной инфраструктурой. Многие из представителей районной школы, развивавшие ее как университетское направление, перешли работать в МГУ именно из Госплана. Интересно об этом пишет Н. Н. Колосовский, проработавший в Госплане в течение десятилетия (1921–1931 гг.). Ссылаясь на Г. М. Кржижановского, он отмечает, что районирование страны на основе плана электрификации имеет глубинное значение – от энергетики зависит общественная производительность труда, работоспособность населения [74, с. 33]. Поясняя данную мысль, Н. Н. Колосовский, пишет: «...План ГОЭЛРО предусматривает экономическое районирование страны на энергетической основе с учетом природных условий и ресурсов, и эти именно идеи и были усвоены советской экономической географией, послужив отправным звеном ее перестройки в социалистическом направлении» [Там же].

Более того, энергетический принцип может, по мнению Н. Н. Колосовского, решить важнейший вопрос, который всегда остро стоял перед районной школой – проблему разделенности физической и экономической географии. Ученый предполагал, что экономическое районирование страны по принципу энергетики и технической базы, производства, увязанной с энергетикой, может послужить «связующим звеном» между физической и экономической географией [Там же]. Попробуем применить этот принцип в условиях современной реальности постиндустриального общества, в условиях усиления экономики знания. Очевидно, что дело не столько в энергетике, сколько в поиске самого принципа территориальной организации – на место этого принципа может ставиться транспортная инфраструктура или, как в случае описанного предположения Н. Н. Коло-

совского, энергетическая. В современном обществе речь часто идет о наукоемкости и создании технопарков, бизнес-инкубаторов на основе университетов и научно-исследовательских лабораторий: в некотором смысле, они рассматриваются в качестве принципа территориально-производственной организации. В условиях же Советского Союза выделение энергетики в качестве принципа выделения единиц территориального хозяйствования видится логичным и соответствующим экономическому развитию и задачам государственного управления в рассматриваемый период времени. На наш взгляд, эта проблема – поиск принципа территориальной организации – унаследована современной регионологией. На данный момент регионологические исследования можно разделить на те, что продолжают следовать принципу производственных отношений (исследования, фокусирующиеся на экономических районах), и те, в которые закладывается поиск нового принципа.

Полагаем, что концепции районной школы показали хорошую применимость в молодом государстве с огромной территорией и слабой на тот момент инфраструктурой. Разработки советской районной школы использовались в практике централизованного управления районами, а работы советских экономико-географов внесли огромный вклад в развитие регионологии в том виде, в котором она предстает в XXI в.

Представляется, что работы Н. Н. Баранского, Н. Н. Колосовского и других целесообразно рассматривать не только в рамках районной школы, но и в более широком ключе экономико-географического направления. Н. Н. Колосовский, говоря о становлении советской экономической географии, выделяет три важнейших этапа: План ГОЭЛРО и Госплан, университетское и экономическое направление в географии. Идеи Госплана и ГОЭЛРО легли в основу развития университетского экономико-географического направления. Согласно Н. Н. Колосовскому, теория экономического районирования, разработанная в ходе решения практических задач планирования комиссиями ГОЭЛРО и

Госплана, в полной мере решала основные задачи географической науки, а к таковым он относил проблему комплексности, проблему историзма, проблему территориальности, проблему географического разделения труда [74, с. 41]. В общем же, «...экономическая география призвана изучать производительные силы (с учетом производственных отношений) территориально, в связи с природной средой, способом производства и его техникой на земном шаре, по странам и районам» [Там же, с. 44].

В соответствии с проведенной нами периодизацией развития отечественной регионологии, под экономико-географическим направлением мы понимаем разработанные в рамках советской экономической географии, преимущественно в 1920–1970-е гг., теории, концепции, понятия, идеи, повлиявшие на развитие регионологической мысли и включенные в концептуальное поле регионологии и страноведения. Среди основных разработок обозначим понятие экономического района и теорию экономического районирования, экономико-географическую характеристику, экономико-географическое положение, территориально-производственные комплексы. Первостепенное же значение, на наш взгляд, имеет теория экономического районирования.

Понятие экономического района выступает ключевой смысловой единицей советской районной школы. Согласно Н. Н. Баранскому, экономический район определяется как «производственный комплекс с максимальным развитием внутренних производственных связей и со специализацией в общегосударственном масштабе» [7, с. 171]. Н. Н. Баранский подчеркивает, что такое определение, принятое в русле районной школы, достаточно значительно отличается от генерализованного определения района как части территории, обладающей однородными признаками и отличающейся от другой территории. Несмотря на распространенность такого определения, Н. Н. Баранский подчеркивает, что оно подходит лишь для наиболее простой, описательной характеристики части территории. Требование однородности признаков, отмечает он, расходится со стратегическими

целями, стоящими перед отечественной экономической географией, не подходит для целей «активного преобразовательного районирования» [Там же, с. 172]. Уникальность теории экономического районирования, разработанной в рамках советской районной школы, заключается в том, что районирование рассматривалось сквозь призму активного хозяйственного целеполагания и планирования. Поиск же «ключа» для выделения основы районирования, принцип подразделения на экономические районы, по мнению Н. Н. Баранского, состоит в «генезисе районов, в особенностях исторически сложившегося общественного уклада» [7, с. 173]. В этом вновь раскрывается комплексность подхода к региону (району, стране и т. д.), значимость преемственности пространственно-исторических связей.

Н. Н. Баранский указывает, что опыт дореволюционного экономического районирования в России главным образом строился на идее однородности признаков внутри района и его отличии от других районов, а цель имел в основном познавательную. Советское же госплановское районирование, по его мнению, радикально отличалось от предшествующих опытов тем, что включало в себя элемент перспективности (районирование с учетом будущего строительства и, соответственно, будущего развития территории) и было нацелено на усиление производственных связей и как можно более полную внутреннюю хозяйственную завершенность района [7, с. 179]. Как отмечает Н. Н. Баранский, «советское районирование преследует цели прежде всего преобразовательные» [Там же, с. 182]. Очевидно также, что поскольку советское госплановское районирование 1921 г. базировалось на плане электрификации страны, учитывались расход и выработка электроэнергии, ее передача. В результате проведенной работы к 1921 г. в СССР был выделен 21 экономический район, а именно: Северо-Западный, Западный, Юго-Западный, Северо-Восточный, Центрально-Промышленный, Центрально-Черноземный, Южно-Промышленный, Кавказский, Вятско-Ветлужский, Средне-Волжский, Нижне-Волжский, Уральский, Западно-Казахский,

Восточно-Казахский, Уральский, Обский, Кузнецко-Алтайский, Енисейский, Якутский, Ленско-Байкальский, Дальневосточный.

Н. Н. Баранский приводит следующее определение, разработанное одной из комиссий Госплана: «В виде района должна быть выделена своеобразная, по возможности экономически законченная территория страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой для производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства. Этот принцип экономической законченности дает возможность построить далее на хорошо подобранном комплексе местных ресурсов, капитальных ценностей, принесенных со стороны, новой техники и общегосударственного плана народного хозяйства проект хозяйственного развития района на базе наилучшего использования всех возможностей при наименьших затратах» [7, с. 179, 181]. Появляется идея, по сути, комплексного развития территории и идея наилучшего использования возможностей. Элементы экономико-географического направления становятся тем ближе к принципам современной регионологии, чем больше они сфокусированы на развитии, планировании, прогнозировании, а именно эти элементы появляются в ходе разработки теории экономического районирования и реальной сетки экономических районов в результате проекта Госплана СССР 1921 г. (ГОЭЛРО).

Важнейшую роль в формировании экономического района играет географическое разделение труда. Н. Н. Баранский указывает, что «экономические районы формируются, дифференцируются и поддерживаются в постоянном между собой взаимодействии тем же процессом географического разделения труда» [Там же, с. 86]. Именно географическое разделение труда выступает необходимой предпосылкой формирования и дифференциации экономических районов. Причем этот процесс сложный, и формирование и появление специализации у одной части территории, по

мысли Н. Н. Баранского, неизбежно приводит к появлению специализации у соседних частей территории [7, с. 79]. Таким образом, процесс развития экономических районов можно назвать своего рода цепной реакцией. В свою очередь, географическое разделение труда, согласно определению Н. Н. Баранского, представляет собой «пространственную форму общественного разделения труда» [Там же, с. 66]. В описании географического разделения труда возникает понятие экономической выгоды [Там же, с. 70].

Считаем, что траектория развития регионологии выстраивается по линии экономической выгоды в широком смысле, а именно по перспективам развития. Перспектива развития региона описана и у Н. Н. Колосовского и считается началом экономического районирования, началом экономической географии [74]. Ю. Г. Саушкин, ученик Н. Н. Баранского, представитель советской районной школы, отмечает: «...Районирование является перспективным. Границы района и территориальная организация производительных сил в нем определяются не только его современным состоянием, но и перспективами развития [148, с. 11] Что касается современной регионологии, то, очевидно, в нем присутствуют план развития и перспективы развития, что отражается и в системе классификации регионов, в соответствии с которой выделяют план-регионы, программные регионы, проблемные, экологически неблагоприятные, стагнирующие, депрессивные, отстающие и т. д. Современная регионология немыслима без учета контекста плана и перспектив развития.

Развивая идею географического разделения труда и связанной с ним экономической выгоды, Н. Н. Баранский выводит понятие экономико-географического положения (ЭГП), одно из важнейших для современных регионологии и страноведения. Экономико-географическое положение во многом определяет место региона (района, страны) в системе географического разделения труда. Данное влияние взаимно, поскольку и место, занимаемое данным регионом (экономическим районом, страной и т. д.) в системе разде-

ления труда в ее пространственном преломлении, определяет экономико-географическое положение региона. Данные понятия, пишет Н. Н. Баранский, оказываются «органически тесно связанными между собой» [7, с. 87].

В работах экономико-географического направления неоднократно подчеркивается, что ЭГП не является чисто описательным по своей сути и отличается от простой экономико-географической характеристики. Н. Н. Баранский указывает, что в то время как простая характеристика представляет собой перечень характерных черт, выведение экономико-географического положения является результатом аналитического исследования множества взаимосвязей разных уровней (микро-, мезо- и макроуровня) и множества сторон – от экономической до культурной и общественно-политической [Там же, с. 106–107]. Составление экономико-географической характеристики задействует аналитические способности составляющего: необходимо выделить одну концептуальную черту, своего рода центральную линию, вокруг которой будут выстраиваться остальные характерные черты, связанные с центральной чертой причинно-следственными связями. Необходимо отметить используемый советскими экономико-географами картографический метод отображения связей в рамках конкретной территории, а также разнообразие этих связей (от организационно-производственных до историко-политических). В частности, такие картосхемы находим у Н. Н. Баранского, Ю. Г. Саушкина (например, схема экономических связей Норвегии, схема развития хозяйства Англии, схема причин ранней индустриализации Промышленного центра, схема производственных связей Закавказья и т. д. [Там же, с. 113–121]). Характерно, что в результате составления таких картосхем создается, как отмечает Н. Н. Баранский, цельная концепция региона, синтезирующая и структурирующая отдельные особенности и факты [Там же, с. 124]. Анализ, лежащий в основе составления таких картосхем, по сути, является комплексным региональным анализом и может служить

эффективным методом проведения современного комплексного регионального анализа.

Экономико-географическое положение в своей первоначальной трактовке является комплексным (Н. Н. Баранский предупреждает об опасности сведения понятия к экономической стороне). Важно, что при составлении ЭГП по классической схеме районной школы рассматривается и положение страны (района) по отношению к очагам войны, и положение по отношению к очагам культуры. Интересно, что здесь просматривается параллель с идеями «циркуляции пространства» Жана Готмана с той разницей, что в основе концепции Ж. Готмана (*circulation de communication*) – положение по отношению к основным коммуникационным потокам (перемещение людей, капиталов, идей).

Отметим, к слову, что советской школой уделяется внимание и экономико-географическому положению городов. Так, Н. Н. Баранский выделяет три уровня положения городов: микроположение (ближайшие окрестности), мезоположение (внутри региона, выделенного по физико-географическим характеристикам) и макроположение (в контексте всей страны или всего мира) [7, с. 99]. Как видим, и в определении положения города советские экономико-географы «держали в уме» контекст мирового развития.

При составлении ЭГП страны, района, города большое значение имеет выделение их индивидуальных, уникальных особенностей. Так, Н. Н. Баранский пишет об экономико-географическом положении как об индивидуализирующем моменте. Положение, проявляющееся в отношении каждого географического объекта к окружающим данностям микро-, мезо- или макроуровня, всегда индивидуально и вследствие этого уникально [Там же, с. 104–105]. Н. Н. Баранский отмечает: «...И в положении, и в природных условиях, и в исторических судьбах, равно как и в современном хозяйстве страны, берется особенное, именно для данной страны специфическое, выделяющее ее из ряда других стран» [Там же, с. 111]. Насколько важна эта инди-

видуальность каждой конкретной местности в контексте развития отечественной и мировой регионологии?

Рассмотрим значимость индивидуализирующего действия экономико-географического положения, а также важность выделения региона (района, страны, города) как объекта, обладающего уникальностью в контексте концептуального кризиса регионологии, проявившегося в последнее десятилетие XX в. Как известно, с середины прошлого века активно развиваются так называемые универсальные социологические теории. Данные теории (например, теория рационального выбора, теория игр и т. д.) нивелируют региональные особенности, чем «подрывают» значимость и само обоснование существования регионологических исследований как области знаний [189]. Действительно, с помощью теории рационального выбора можно спрогнозировать и объяснить электоральное поведение избирателей в любом регионе мира. Таким образом, выходит, что знать региональные отличия, особенности национального менталитета, историко-культурные черты, характеристику общественно-политических институтов каждой страны не обязательно, что и ставит под вопрос существование регионологии, предполагающей специализированное знание конкретного региона мира. Аргументом в защиту ценности регионального (регион-специфичного) знания может послужить как раз неповторимая уникальность каждого региона, обусловленная индивидуальным экономико-географическим положением с учетом исторической перспективы.

В работах экономико-географического направления советского периода присутствуют два концепта, имеющие исключительную, на наш взгляд, важность для современной регионологии, – это образ (региона) и его перспектива. Образ (страны, района, города) возникает на основе качественной экономико-географической характеристики местности и дает возможность прогнозировать направление развития территории: «...толково составленная экономико-географическая характеристика страны или района позволяет не только представить и понять их фактическое состо-

яние на данный момент, но и обоснованно судить о том, в каком направлении эта страна или район будет далее развиваться» [7, с. 106–107]. Отметим, что образ (региона) и перспектива развития здесь представляются одновременно и взаимосвязанными. Описание важности перспективы развития региона находим и у Н. Н. Колосовского. Он также неоднократно подчеркивает в своих работах значимость включения перспектив развития в практику и теорию экономического районирования, а также важность идеи преобразовательного начала: «...Понятие об экономическом районе, будучи исходным теоретико-познавательным представлением экономической географии как науки, является также важной составной частью производственно-территориальной структуры государства, имеющей практическое преобразовательное значение» [74, с. 48].

Необходимо отметить, что теоретическое обоснование экономического районирования, как и практическая реализация плано-экономического деления страны на «сетку» районов, рассматривалось в широком контексте функционирования общесоюзного народного хозяйства. Идея о том, что экономические районы должны рассматриваться не *per se*, в оторванности от национальной экономики, но как элементы союзного хозяйства, подчеркивается и обосновывается в трудах представителей районной школы. Н. Н. Колосовский в качестве одного из принципов советского экономического районирования указывает «учение о системе районов СССР, государственных резервах, хозяйственных базах и зонировании сбыта» [Там же, с. 49]. По его мнению, именно этим принципом и определяется методика экономического районирования [Там же, с. 57]. Ю. Г. Саушкин подчеркивает, что каждый экономический район имеет специализацию, наиболее выгодную для общесоюзного хозяйства [148, с. 11]. Действительно, район (будь то в рамках административно-территориальных границ или в рамках разработанной Госпланом сетки экономических районов) рассматривался с точки зрения включения этого района в систему производительных сил страны.

Полагаем, что именно необходимость определения места и роли каждого региона в общесоюзном хозяйстве, необходимость его «встраивания» в национальную систему производительных сил послужила предпосылкой разработки типологии районов. Так, Н. Н. Колосовский, в зависимости от стадии процесса экономического районирования, выделяет следующие типы районов (он обозначает их как экономические стадии) [74, с. 50]:

- 1) территории, представляющие собой экономический резерв;
- 2) районы пионерного хозяйства;
- 3) районы мозаичного, не комплексного развития производительных сил;
- 4) районы с возникающими экономическими очагами районного значения;
- 5) районы с еще более крупными экономическими очагами и хозяйственными базами межрайонного и общегосударственного значения;
- 6) районы с развитой комплексностью в структуре хозяйства.

Необходимо отметить, что предложенная типология районов по степени освоенности, развитости, а также по степени дифференциации производства не теряет актуальности и по сей день и перекликается с зарубежными классификациями европейских и американских исследователей (например, классификации Мейера, Фремона, Топпи). Достоин внимания и следующий аспект: во множестве современных систем классификаций регионов, в особенности зарубежных, регионы определяются как узловые, сильные, слабые, план-регионы и другие, что вполне обоснованно и в соответствии с логикой используемой системы классификации. Однако при этом возникает ощущение, что регион рассматривается как бы «в вакууме», вне связи с общенациональной структурой производства, вне контекста всей экономической системы страны. Современные же отечественные регионологические работы, следуя традиции и логике отечественного экономико-географического направления,

определяют место и роль региона в системе хозяйства всей страны, что, на наш взгляд, является методологически и методически более правильным.

Таким образом, в формировании экономических районов ключевыми, помимо природно-ресурсных и исторически сложившихся особенностей, оказываются следующие основания: место и роль района в системе общей экономики страны и программные государственные задания. Территория экономического района определялась выбором условий, подходящих для выполнения конкретного комплексного государственно-территориального задания [74, с. 57–58].

В рамках описанной Н. Н. Колосовским типологии районов (в зависимости от стадии процесса экономического районирования) остановимся более подробно на понятии экономических очагов. Идея экономических очагов исходит из невозможности добиться хозяйственной завершенности всех экономических районов страны одновременно [Там же, с. 69]. Предлагается сосредоточиться на определенных экономических очагах, т. е. узлах хозяйствования, достигнувших хозяйственной развитости и логической завершенности производственных связей, от которых, как предполагается, будет распространяться импульс экономического развития далее по соседним и другим районам. Как отмечает Н. Н. Колосовский, понятие экономического очага означает «известное опережение во времени, темпах, уровне и интенсивности развития ведущих отраслей хозяйства данного экономического района. Оно связано с первоочередными задачами хозяйственного и оборонного значения» [Там же, с. 69–70]. Указанные идеи идентичны основным положениям европейской теории полюсов роста, разработанной в 1950-е гг. Вместе с тем в рамках известных работ советской районной школы на экономических очагах не делается акцент как на ведущих факторах экономического развития (как это заметно в рамках современной школы), скорее, выделение такого рода очагов в первую очередь представляется как необходимость приоритизации и выстраивания порядка очередности развития экономических районов. В

контексте развития регионологического знания важно также, что понятие экономических очагов увязано с пониманием экономического районирования как динамического процесса [74, с. 83]. В более широком смысле эта идея подтверждает то, что экономическое районирование выступает вариантом теории и практики управления региональным развитием.

Советская школа активно развивает идеи территориальной организации хозяйства на основе территориальной близости, идеи, актуальные и на сегодняшний день и отражающиеся в разнообразии теоретических моделей, выстроенных вокруг концепта территориальной близости – теория кластеров, инновационной среды, технологических переливов и т. д. Идеи пространственно-производственной концентрации находим в советском регионологическом знании (экономико-географическом направлении). Наибольшее отчетливое выражение эти идеи получили в теории территориально-производственных комплексов.

Сравнивая пространственно-производственную концентрацию и современные идеи преимуществ пространственной близости, находим закономерное смещение фокуса с механизации на трансфер знаний и технологий, что соответствует типу экономического развития, индустриального развития в советское время и экономики знаний в XXI в. соответственно. Н. Н. Баранский указывает, что без производственной концентрации «нет места и росту техники, так как высокомеханизированная техника может быть введена только на достаточно крупном предприятии» [Там же, с. 76]. Также значительное внимание уделялось качеству хозяйственных связей, доступности и размеру рынка сбыта, транспортных связей и т. д. В настоящее время фокус сместился на другие преимущества пространственной и производственной концентрации: обучающийся регион, неявное знание, сеть взаимодействий, выстраивание доверительных отношений, реляционный капитал. Как видим, сквозь десятилетия развития регионологического знания красной нитью проходит идея влияния окружающего пространства на

экономическую эффективность, при том что контекст развития общемировой экономики с необходимостью определяет точку приложения этого развития.

Наиболее значимой теорией, связанной с пространственно-производственной концентрацией, является теория территориально-производственных комплексов, используют и идентичные понятия – «производственно-территориальные комплексы» и просто «производственные комплексы», во второй половине XX в. как более распространенное утвердилось понятие территориально-производственных комплексов (ТПК). Указанное понятие было введено Н. Н. Колосовским. Необходимо отметить, что ученый рассматривал охват действия ТПК довольно широко, как систему производительных сил, увязанных с определенной территорией, располагающей конкретной материально-технической базой, а также увязанной с ареалом распространения национальной культуры, социально-демографических особенностей (в частности, расселения) и общественно-политических отношений, распространенных на данной территории [74, с. 46]. Производственный комплекс определялся советской районной школой как комплекс производственных связей всех отраслей изучаемого территориального объекта (города, района, страны) во всей их совокупности и взаимодействии [7, с. 141].

Н. Н. Баранский, описывая понятие производственного комплекса, отмечает, что это тот случай, когда приходится обратиться к отраслям производства (как известно, ученый противостоял «отраслевому» направлению в экономической географии) [Там же]. Именно поэтому ему было важно различить отраслевой подход в отраслевой школе и использование его при составлении экономико-географической характеристики. Так, при составлении отраслевой характеристики хозяйства района или страны Н. Н. Баранский рекомендует не ограничиваться простым перечнем имеющихся отраслей, но выявить «причины преимущественного развития именно этих отраслей и такого именно их размещения» [Там же, с. 141]. Помимо этого, важно проанализировать и

показывать производственные связи между имеющимися отраслями, т. е. выявить производственный комплекс. Производственный комплекс, по мнению Н. Н. Баранского, лежит в самой основе определения экономического района, специфика производственного комплекса определяет направление и перспективы развития экономического района [7, с. 141].

Развитие идей производственного и производственно-территориального комплекса тесно связано с идеей эффективности производства. Н. Н. Колосовский определяет производственный комплекс как «такое экономическое сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет экономии сырья, энергии, труда, работы транспорта и сокращения производственных потерь» [Цит. по: Там же, с. 143]. Наиболее же полным определением ТПК представляется следующее: «Производственным комплексом называется такое экономическое (взаимобусловленное) сочетание предприятий в одной промышленной точке или целом районе, при котором достигается определенный экономический эффект за счет удачного (планового) подбора предприятий в соответствии с природными и экономическими условиями района, с его транспортным и экономико-географическим положением» [74, с. 91]. Н. Н. Колосовский прямо указывает на широкий коридор применения данного понятия, оно используется и для подчеркивания органически комплексных производственно-пространственных связей, и для определения просто сложившегося «набора» предприятий на конкретной территории. Встречая у разных авторов понятие «производственный комплекс», трудно быть уверенным в том, что же конкретно автор имел в виду [Там же, с. 88]. Группировки, обозначаемые как территориально-производственный комплекс, зачастую не имели реальных производственных связей. Н. Н. Колосовский предложил следующее разграничение: под собственно территориально-производственным комплексом в узком смысле следует понимать именно «вза-

имообусловленное (соподчиненное) сочетание предприятий», а для обозначения простого сочетания нескольких предприятий на одной территории в широком смысле целесообразнее использовать такие термины, как «узел», «группировка» и т. д. [74, с. 91]. Производственно-территориальный комплекс обладает внутренними производственными связями между предприятиями, обусловлен природными ресурсами района, его экономико-географическим положением. Н. Н. Колосовский отдельно подчеркивает значимость исторического принципа: производственно-территориальный комплекс может находиться на разных стадиях формирования – относиться к периоду доплановой экономики, переживать социалистическую реконструкцию или, наоборот, быть лишь в процессе зарождения, формирования, но уже обладать необходимыми взаимообусловленными связями [74].

Исследование территориально-производственных комплексов, принципы которого были сформулированы Н. Н. Колосовским в 1940-е гг., получило широкое распространение среди советских экономико-географов и не теряло своей актуальности и во второй половине XX в. Так, Ю. Г. Саушкин в своей работе 1973 г. пишет о ТПК как о наиболее рациональной с экономической точки зрения пространственной организации производства в экономическом районе [147, с. 131–132]. При этом к 1970-м гг. оформилось достаточное разнообразие подходов к исследованию ТПК: экономико-географический и отраслевой, конструктивно-расчетный и проблемный. В 1960–1970-е гг. появились возможности для математического моделирования районных ТПК. Более того, на основе учения о ТПК появилась и принципиально новая концепция территориальных социально-экономических комплексов (С. Я. Ныммик). Такие комплексы обладают широким охватом, включая в себя не только производственную сферу, но и культуру, науку, образование [Там же, с. 135].

С учетом соотношения сырья и энергии, идеи производственных связей и их сочетания с природными ресурсами определенной территории развиваются Н. Н. Колосовским в

понятие энергопроизводственного цикла. Данное понятие он трактует как «типическую, устойчиво существующую совокупность производственных процессов, возникающих взаимообусловленно (соподчиненно) вокруг основного процесса, для данного вида энергии и сырья» [74, с. 96]. Как он отмечает, энергопроизводственные циклы тесно увязаны с генезисом и типологией районов [Там же, с. 51]. В соответствии с теорией энергопроизводственных циклов, каждый экономический район «образуется путем сочетания нескольких ведущих специализированных циклов. В конкретных условиях СССР возможно свести эти сочетания в несколько родственных типов районов: угольно-металлургические, нефте-гидро-энергетические и мелиоративные, обрабатывающей индустрии, индустриально-аграрно-лесные, индустриально-аграрно-степные, северные пионерные» [Там же с. 51]. Отметим, что сквозь всю теорию экономического районирования проходит идея комплексности и комбинирования, и она четко отражена в понятиях производственного комплекса, производственного комбината, энергопроизводственного цикла и, собственно, экономического района.

Теория энергопроизводственных циклов, представленная Н. Н. Колосовским в 1940-х гг., получила далее развитие в работах Ю. Г. Саушкина, Т. М. Калашниковой, А. Т. Хрущева и др. Идеи ведущего типа производства и «обрастания» его сочетающимися отраслями, формирующими комплексы производств, причем имеющие тенденцию расти и усложняться, имеют важнейшее значение для понимания формирования районных комплексов производства, формирования экономических районов, эффективного размещения производства и пространственной организации производственных процессов.

Широкое их распространение, сохраняющуюся и по сей день актуальность подтверждает значимость теории кластеров производства в современной регионологии и в современном экономическом знании.

Значимой для развития регионологического знания является предложенная районной школой комплексная

экономико-географическая характеристика района, города, страны. Такая характеристика содержит важные для регионологии элементы – комплексность и оценку перспектив развития. Указанные черты находим в экономико-географической характеристике отраслей промышленности, предложенной Н. Н. Баранским. В схему экономико-географической характеристики, разработанной им, помимо перечисления основных черт отрасли промышленности, входит историко-географический очерк ее развития, что позволяет сформировать комплексное видение эволюции отрасли в конкретно-территориальных условиях. Двумя другими составляющими предложенной экономико-географической характеристики служат современная география отрасли и перспективы ее развития [7, с. 146]. Учитываются в экономико-географической характеристике и трудовые навыки населения; предполагается анализ факторов размещения производства, анализ производственных связей внутри отрасли, с другими отраслями, рынком сбыта и т. д. Качественная экономико-географическая характеристика, по сути, невозможна без основ комплексного регионального анализа. Таким образом, разработка принципов экономико-географической характеристики внесла неоценимый вклад в развитие регионологической мысли.

Комплексное рассмотрение региона Н. Н. Баранский дополняет и географией внешних связей. На наш взгляд, этот компонент экономико-географической характеристики страны, региона, города очень важен. Здесь Н. Н. Баранский не ограничивается анализом только лишь товарных связей, схемами импорта и экспорта. Он отмечает, что «...кроме связей по товарообмену, имеются еще связи по “обмену услугами”, по переливу капиталов, по передвижению людей» [Там же, с. 167]. Таким образом, развернутая экономико-географическая характеристика страны предполагает анализ ее коммуникаций с внешним миром, анализ связей в контексте мирового пространства. Рассматриваемая характеристика была изложена Н. Н. Баранским до периода резкой активизации глобализационных процессов,

однако именно в контексте интернационализации и транснационализации производства, изменения конфигурации пространственных связей в глобальном мире она приобретает особую актуальность и уместность.

2.3.3. Экономико-географическое страноведение

Экономико-географическое страноведение – это исследование зарубежных стран, направление, сложившееся в рамках экономической географии СССР. Фактически советское экономико-географическое страноведение и советская экономическая география зарубежных стран представляют собой два названия одного и того же направления. Схемы и концепции, использовавшиеся в советском страноведении, пролегают в русле и рамках экономико-географического направления. Среди наиболее известных представителей страноведения можно назвать Н. Н. Баранского, И. А. Витвера, В. М. Гохмана, И. М. Маергойза, Я. Г. Машбица. Очевидно, что яркие представители страноведческого направления – выходцы из научной школы географического факультета МГУ, многие являются учениками Н. Н. Баранского. Сам Н. Н. Баранский создал значимые страноведческие работы, особо отметим североамериканистские: «Соединенные Штаты Америки», «Районы США», где он использует свою знаменитую схему при экономико-географической характеристике. Так, при оценке США Н. Н. Баранский предлагает к вниманию историко-экономическую справку, краткую оценку основных природных ресурсов, краткую характеристику народного хозяйства США с рядом статистических показателей и оценку некоторых важнейших проблем страны. Такой подход вполне укладывается в принципы географического синтеза при страноведческом исследовании, принятом в рамках экономико-географического направления, – выбор ключевых, принципиальных, характерных черт, которые помогают сформировать общий облик страны, и далее концентрация на отличительных особенностях развития территориальной

структуры хозяйства и общества, представляющих интерес с точки зрения автора исследования.

Так, в своей знаменитой статье «Страноведение и география физическая и экономическая» Н. Н. Баранский подчеркивает, что физические, природные условия и глубинные социальные и экономические черты территории не должны рассматриваться отдельно друг от друга, иначе утрачивается необходимое для географического мышления понимание связи явлений. Он акцентирует внимание на необходимости «интегрального рассмотрения географических элементов» [6, с. 116]. Комплексный подход Н. Н. Баранский применяет и в области зарубежного страноведения. Он указывает на то, что многие современные ему страноведческие работы сосредотачиваются на описании физико-географических явлений, в то время как быт, социально-культурные условия, традиции проживающего на рассматриваемой территории народа едва ли упоминаются: «...В каких домах живут люди данной страны, чем они питаются и во что одеваются, во что верят и как проводят свободное время – обо всем этом наши современные географические описания неизменно умалчивают» [Там же, с. 26]. Н. Н. Баранским четко заявляется междисциплинарный, комплексный, культурно-обусловленный подход. В то же время, говоря о преподавании страноведения, ученый сетует на мозаичность знаний, когда физико-географ читает физическую географию, экономико-географ – экономическую и т. д. [Там же, с. 28]. Нет единого принципа, который объединял бы весь объем разносторонних знаний, не хватает систематизации, нет подходящих специалистов и литературы. Данные вопросы, задачи актуальны и для сегодняшней регионологии.

Н. Н. Баранский подчеркивает, что преподавать страноведение должны именно специалисты-страноведы, люди, обладающие, как он пишет, «интегральным взглядом» на регион [Там же, с. 28]. В центре внимания страноведов – человек. Страноведение Н. Н. Баранский определяет как «организационную форму объединения разносторонних

знаний о той или иной стране» [6, с. 34]. Страноведение, по его мнению, это синтез знаний, полученных аналитическим путем в разных частных дисциплинах [Там же, с. 34–35].

Таким образом, Н. Н. Баранский закладывает и последовательно отстаивает комплексный, синтетический, междисциплинарный принцип в страноведении. Такой принцип унаследован современной регионологией, которая ищет способы ответить реалиям глобализирующегося мира. Страна, регион исследуется не только со всех сторон и с точки зрения всех взаимосвязей внутри страны, но и неизбежно участвует в мировых интеграционных-деинтеграционных (фрагментационных, по Дж. Розену) процессах.

Н. Н. Баранский говорит об увязке в рамках страноведения «природы и хозяйства... истории, культуры и политики в один, по возможности более цельный, логически связанный комплекс» [6, с. 39], подчеркивает необходимость «наличия органической увязки» в страноведческих исследованиях [Там же, с. 95]. Современная же регионология представляет собой следующий этап и требует нахождения принципа организации междисциплинарных знаний, увязки изучаемого региона уже в комплекс мировых региональных систем.

В описываемой Н. Н. Баранским проблеме, на наш взгляд, постулируется необходимость «конструирования» региона. Речь идет не о собирании отдельных признаков в общую характеристику, а именно о концептуальном обобщении, определении места и роли страны (региона) в мировой системе региональных сообществ, в процессах регионального развития, экстраполированных на весь мир.

По сути, с нашей точки зрения, Н. Н. Баранским в страноведении преподносится конструктивистский подход, подход к региону как интеллектуальному конструкту. Он пишет: «...[Важнейшие отличительные черты каждой страны] отбираются из разных областей – природы, истории, хозяйства, культуры, политики – связываются между собой в единый целый образ» [6, с. 44]. Однако в современных реалиях составление такого образа обусловлено глобальным

восприятием мира, образ региона будет зависеть от степени его интеграции в мировые процессы, интеграции в глобализационные процессы, от участия в многочисленных интеграционных блоках, его места и роли в мировом развитии, от уровня регионального развития на общемировой арене. Вместе с тем в предисловии к труду «Американская география» Н. Н. Баранский выражает несогласие с тем, что районы суть субъективные явления, утверждает «объективное реальное существование районов» [6, с. 125].

Идеи Н. Н. Баранского в области страноведения развил и дополнил его ученик И. А. Витвер, основатель школы социально-экономического страноведения. В работах И. А. Витвера применяются принципы экономико-географической характеристики, разработанные в рамках районной школы и подробно описанные, прежде всего, Н. Н. Баранским: дается, хотя и не для всех стран, историко-географический очерк, анализируются причинно-следственные связи экономического и общественного развития, описываются внешние связи страны и т. д. Важно отметить, что базовым принципом выделения выступает именно общность особенностей исторического, общественно-экономического развития, а не общность географических признаков. В томе издания «Всемирной экономической географии», посвященном Карибским странам, И. А. Витвер, говоря об основаниях выделения этого региона исследования, отмечает следующее: «...Эти основания лежат не столько в общности чисто географических условий латиноамериканских стран, сколько в общности исторических условий их социально-экономического развития» [15, с. 9–10].

Работы в области экономико-географического страноведения, экономической географии зарубежных стран послужили одним из ведущих факторов, мотивирующих к постановке проблемы географического синтеза. Речь идет о рассмотрении органично связанных природно-географических, социально-культурных, политико-экономических и других данных. Причем синтез здесь осуществляется по двум направлениям – по междисциплинарному и по выявлению общего в разнородных данных, разрозненных единицах

информации. Пути, по которым предлагается осуществлять такого рода синтез, вариативны. Так, Ю. Г. Саушкин в качестве основы для географического синтеза видит культурный (антропогенный) ландшафт, «то есть природный комплекс, в котором ряд соотношений и качественные особенности изменены производственной деятельностью общества» [147, с. 164]. В процессе изучения стран и макрорегионов особенно остро стоит вопрос о путях синтеза междисциплинарных знания, о выборе необходимой информации для исследования. Это связано с большим количеством данных, объять которые невозможно. Указанные проблемы в полной мере имеют отношение к современной регионологии, остаются актуальными и по сей день.

Идея «облика», «образа», «лица» страны или района является очень важной для представителей советского экономико-географического страноведения. Представляется, такая традиция берет начало в работах Н. Н. Баранского, где он указывает на важность создания яркого, краткого, характерного описательного образа страны или района. В. М. Гохман в предисловии к работе Д. Путнама «Канада. Географические районы», оценивая ее недостатки, отмечает: «...За обилием частных и деталей нередко теряется “лицо” района, то, что составляет основную его особенность, отличающую его от других районов» [28, с. 7].

Рассмотрим это на примере небольшой характеристики зарубежной страноведческой работы В. М. Гохмана (имеется в виду предисловие к работе Д. Путнама «Канада. Географические районы» в соавторстве с Л. Карповым). Конструктивной критике со стороны В. М. Гохмана и Л. Карпова подвергается теоретическое обоснование выделения районов и подрайонов Канады: «...Положенное в основу работы деление Канады на 8 районов никак авторами не обосновывается... Внутри каждого района выделяются многочисленные подрайоны, однако принципы, исходя из которых эти подрайоны выделяются, нигде авторами не изложены» [Там же, 1995, с. 6–7]. Это важное замечание раскрывает ключевое методологическое противостояние отечественного

экономико-географического направления и аналогичной области зарубежных исследований. Дело в том, что уже к середине двадцатого века в американской географии, в частности, сложилось представление о регионе как об интеллектуальном конструкте. В советской же экономической географии данное положение отрицалось: регион (район) рассматривался как объективно существующая реальность (которую предстояло выявить). Очевидно при этом, почему в зарубежных работах зачастую не было представлено четкое теоретическое обоснование и отбор признаков, по которым выделялся тот или иной регион или район. Такие признаки отбирались исследователем субъективно и произвольно, в зависимости от принятой им цели, задачи, стратегии, концепции исследования, специфики рассматриваемой проблемы; другие характеристики отбрасывались. Регион или район конструировался сознательно. Детально о таком важнейшем различии в подходах пишет Ю. Г. Саушкин. Он приводит данные из широко известной в то время «Американской географии», изданной в США, авторы которой указывают на следующее: «...Район не является объектом ни независимо существующим, ни данным от природы. Это интеллектуальная концепция, созданная мышлением, использующая определенные признаки, характерные для данной территории и отбрасывающая все те признаки, которые рассматриваются как не имеющие отношения к анализируемому вопросу» [147, с. 12]. По мнению Ю. Г. Саушкина, выражающего в данном случае точку зрения всей советской экономической географии, районы (регионы) отражают действительность и существуют объективно. В подтверждение он приводит следующие доказательства: постепенное, стадийное развитие экономических районов, существование систем взаимосвязанных экономических районов. Подытоживая, Ю. Г. Саушкин отмечает: «...Точка зрения советских географов на объективность существования экономических районов такова: по мере развития науки и коллективных методов исследований выявление системы экономических районов становится все более подлинным, соответствующим объективной действительности» [147, с. 13].

Именно это методологическое противоречие часто отражается в оценке советскими экономико-географами (страноведами экономико-географического направления) работ зарубежных исследователей, что проявилось и в отношении к рассматриваемому произведению. Со своей стороны, добавим, что предложенное Ю. Г. Саушкиным обоснование реального, объективного существования относится к экономическим районам. В отношении же регионов, особенно макрорегионов, геополитических, геоэкономических регионов, — с чем приходится иметь дело современной регионологии — данным обоснованием можно воспользоваться лишь частично.

Еще одним моментом критики в рассматриваемой характеристике служит слабость описательной части, слабость географического синтеза и отсутствия описания канадцев, их быта (по Н. Н. Баранскому, отсутствие Человека в географии): «...Уделяя основное внимание изложению фактического материала, авторы почти не занимаются его обобщением. Поэтому сообщаемые им факты нередко остаются неосмысленными, никак не связанными между собой. Само изложение отличается сухостью и однообразием; мы не найдем в этой книге ярких, запоминающихся описаний природы Канады, ее разнообразных пейзажей, городов, ферм, не найдем и описания самих канадцев» [28, с. 7]. Таким образом, в краткой характеристике зарубежной работы, посвященной канадским регионам, нашли отражение ключевые вопросы, проблемные точки советского экономико-географического страноведения (и экономической географии), имеющие отношение к исследованию и изложению материала: реальность, объективность существования района (региона); место и роль художественного описания; формирование образа, облика страны; географический синтез; социально-культурный фактор (Человек, его быт и ментальность).

Одной из главных проблем, которые ставят в своих работах представители советской экономической географии зарубежных стран, выступает проблема концепции и схемы страноведческого исследования [93, с. 7]. В этом смысле и в отношении зарубежных стран наследуется традиция экономико-географического исследования отечественных реги-

онов, одно из центральных мест в котором занимает экономико-географическая характеристика.

Две ключевые проблемы советского экономико-географического страноведения можно подытожить следующим образом:

- проблема разграничения страноведческого исследования (исследования в научном смысле, выявления нового, не известного ранее) и предоставления информации страноведческого характера;

- проблема позиционирования страноведения как отдельной области знания со своими объектом и предметом или как организационной формы комплекса знаний.

И. М. Маергойз представил подробное описание указанных проблем [83, с. 7]. С его точки зрения, советское экономико-географическое страноведение занимается изучением «закономерностей формирования и развития территориальной структуры хозяйства страны с учетом социально-географических и политико-географических условий» [Там же, с. 8]. Среди же основных опасностей, которые подстерегают исследователя при выполнении комплексного страноведческого анализа, И. М. Маергойз выделяет следующие: компилятивность, энциклопедичность и использование готовых схем исследования (например, политэкономических) [Там же, с. 10–11]. И. М. Маергойз критикует распространенную в экономико-географическом страноведении схему, сформировавшуюся на основе схемы Н. Н. Баранского, с существенными исправлениями и дополнениями. В частности, критике подвергается историко-географическая справка, которая, по мнению И. М. Маергойза, почти утратила свою географичность. Подход же, который предлагает сам И. М. Маергойз, является по существу проблемным. Он указывает на необходимость «в центр исследования ставить решение важнейших экономико-географических проблем изучаемой страны (или района), а не стремиться сказать обо всем, о всех компонентах природы, населения и хозяйства» [Там же, с. 12]. Здесь просматриваются истоки идеи проблемного страноведения.

2.3.4. Комплексное проблемное страноведение

Наиболее последовательно идеи проблемного подхода в комплексном страноведении развивал в своих работах Я. Г. Машбиц. Его разработки по применению проблемного подхода, а также модернизации схемы экономико-географической характеристики и выделению ключевых особенностей территории были позднее развиты в снискавших широкую популярность современных работах Г. В. Сдажук, Ю. Н. Гладкого, А. И. Чистобаева. Основную свою деятельность Я. Г. Машбиц осуществлял в советское время, но часть результатов его работы была реализована уже в постсоветский период [97]. Видный представитель экономико-географического страноведения, признанный латиноамериканист, ключевую проблему создания работающей схемы комплексной страноведческой характеристики он связывает с проблемой географического синтеза. Речь идет о необходимости, с которой сталкивается практически каждый страновед, – необходимости обобщать большие объемы разнородных данных по изучаемому региону (стране), выделяя основное. О проблеме географического синтеза в страноведении Я. Г. Машбиц пишет следующее: «На конкретной территории оно [комплексное страноведение] соединяет воедино физическую, экономическую, социальную и политическую географию. В этом состоит важное для всей географии интегрирующее свойство комплексного страноведения. И такая соединенность географических и смежных наук не есть простое их арифметическое сложение. Это своего рода высшая математика, синтез составных частей территории и их глубинных свойств» [Там же, с. 14]. Помимо очередного поднятия проблемы географического синтеза, подход, предлагаемый Я. Г. Машбицем, аккумулирует в себе целый ряд ключевых принципов советского экономико-географического направления, описанных в данной работе, а именно: необходимость выделения характерных, отличительных черт региона; антропоцентризм (внимание мест-

ному народу, культуре, традициям, быту); неприятие «сухого», статистического подхода. Затрагивает Я. Г. Машбиц и проблему соотношения и разницы между страноведческим исследованием и страноведческим изложением, подчеркивая обязательное наличие научно-исследовательского принципа в комплексном страноведении: оно представляет собой «новое знание о территории, о тех или иных объектах или процессах» [97, с. 86]. Таким образом, отвергается принцип сугубо описательного страноведения, перечня разного рода сведений о конкретной стране или регионе; страноведения как организационной формы определенных видов географического знания. Страноведение утверждается здесь как отдельная наука со своей методологией. Вместе с тем предоставление в рамках изложения страноведческого материала сборной информации о стране, предоставление обобщенных, широких характеристик о стране с научно-популяризаторской целью не отвергается и остается за страноведением как одна из его функций.

Каким же образом предлагается отбирать основное – набор характерных, отличительных черт региона (страны), который составит его своеобразие, позволит получить принципиально новое знание о территории и выполнить таким образом страноведческое исследование? Я. Г. Машбиц предлагает использовать для этого проблемный подход, что и отразилось в названии предлагаемого им направления страноведения – проблемное страноведение. Отличительные черты региона, его ключевые характеристики избираются на основе выбора актуальных и уникальных конкретно для данной территории проблем. Как отмечает Я. Г. Машбиц, необходим переход «от универсальных и всеохватных покомпонентных характеристик к анализу ключевых и специфических проблем территории. Прежде всего, тех из них, которые определяют наиболее важные стороны природопользования, социально-экономического и этнокультурного развития» [97, с. 71]. Таким образом, появляется не присущая традиционному экономико-географическому страноведению тенденция к интеллектуальному конструирова-

нию региона. В целом концепцию проблемного комплексного страноведения, разработанную Я. Г. Машбицем и В. М. Гохманом, можно рассматривать как переход от традиционных советских экономико-географических схем (хотя схематичность комплексной характеристики сохраняется – «схема Я. Г. Машбица») к концептуализации региона в контексте национальных и мировых социально-экономических проблем.

Таким образом, в советский период на базе экономической географии с сохранением комплексного подхода развивается комплексное страноведение, подготавливая почву для выделения на его основе нового научного направления.

2.4. ОСОБЕННОСТИ ДОИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОГО РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ

Кратко проследив историю зарождения прорегионалогического знания и формирования систематического регионалогического знания, можно сделать некоторые выводы о его специфике в рассматриваемые периоды.

В качестве первой важной особенности следует отметить то, как регионалогическое знание с самого начала стремится к комплексному, всеохватному анализу изучаемого региона. И если для древних текстов это было нормой, то для более поздних периодов, особенно XIX в., когда начинается выраженное характерное обособление отдельных наук, регионалогическое знание продолжает сохранять курс на комплексность, которая приобретает черты междисциплинарности и трансдисциплинарности. В период до тенденции разделения научных дисциплин знание о регионе предстает органически цельным, слитным, комплексным по своей внутренней природе. Период формирования регионалогического знания в академическом ключе совпадает с дисциплинарным разделением: знание о регионе включается в поля целого ряда научных дисциплин. Более того, собственно базовая для знания о регионе дисциплина

на – география – дробится на ряд субдисциплин: политическую, социальную, экономическую, культурную, электроральную и т. д. Знание о регионе, с одной стороны, включается в поля множества дисциплин и субдисциплин, с другой – «впитывает» в себя их сведения и методы, что приводит к развитию мультидисциплинарности и междисциплинарности. Процессы деколонизации, декоммунизации, глобализация, появление и признание новых, *других* акторов современного мира, отказ от западоцентричности, включение не-академического и инсайдерского знания и задействие когнитивных схем пересекающихся и прямо противоположных смысловых полей и систем знания привели к актуализации трансдисциплинарной парадигмы.

Вторым важным аспектом, характеризующим регионологическое знание, является его востоковедческий ориентир. Знания о западной цивилизации приходили в значительной степени уже в готовом виде, тогда как Восток требовал изучения. Это касалось как отдельных земель, ждущих освоения, так и цивилизованного Востока, плохо понятного и недостаточно описанного не только в русскоязычном прорегионологическом дискурсе, но и в западном тоже. Востоковедение сыграло важную роль в общем развитии регионологического знания в России, усилив его прагматическую, практическую направленность, ведь цель востоковедения изначально определялась необходимостью установления, развития и оптимизации экономических и политических связей с Востоком. В то же время «чуждость», инаковость Востока, сложность этой культуры вызывали необходимость глубинного изучения, усиленного внимания к истории, культуре, языковым нюансам. Именно поэтому отечественное востоковедение до сих пор отличает углубленная историко-филологическая направленность. В целом востоковедение как ориентир развития регионологического знания в России в доинституциональный период усилило две его сущностные черты: практико-ориентированность и развитый историко-филологический уклон.

В свете общемировых тенденций развития науки – дисциплинарного разделения, развития университетской науки, формирования принципов академического знания, оформления разнообразных научных школ – в регионологическом знании появилась организованность, алгоритмизация, методологичность и методичность. Оно трансформировалось из проторегионологического знания в систематическое регионологическое знание.

Такая трансформация коснулась всех составляющих проторегионологического знания. Так, в продолжившихся в XVIII–XIX вв. экспедициях усилился научно-исследовательский компонент: это были в том числе полноценные академические экспедиции (что зачастую прямо находило отражение в названиях, например, Академический отряд Великой Северной экспедиции). Результаты экспедиции фиксируются в фундаментальных трудах, которые становятся доступными не только на русском, но и на иностранных языках, включаясь таким образом в поле мировой науки.

Другая составляющая проторегионологического знания – комплексные географические описания – также переходит на качественно иной уровень: издаваемые в этот период труды (например, «Описание земли Камчатки») позже признаются первыми комплексными страноведческими исследованиями. Помимо собственно описания, в таких работах содержится аналитическая часть: анализ преимуществ и недостатков той или иной территории, рассмотрение территории в качестве субъекта регионального развития, регионального управления.

Описательные географические работы становятся не просто доступными другим ученым и широкому кругу читателей, но происходит процесс отбора лучших работ, становление *образцов* научного комплексного географического, страноведческого описания.

Создаются систематизированные источники кодифицированного регионологического знания – первые энциклопедии, словари, географо-статистические обзоры. Разрабатываются методики, планы составления обзоров, карт.

Тенденция дисциплинарного разделения, безусловно, способствовала процессу систематизации регионологического знания и четко отразилась на нем. Так, В. Н. Татищев разработал классификацию географических субдисциплин, что актуализировало вопрос уточнения теоретико-методологических подходов к изучению региона, территории, пространства.

Важную роль в становлении систематического регионологического знания сыграло развитие теории и практики экономического районирования. Положения этой теории достигли расцвета в советский период: фактически они легли в основу советской социально-экономической географии. Экономическое районирование, теория территориально-производственных комплексов, энергоциклов, разработанные в рамках систематического регионологического знания, определили развитие принципов территориальной организации производства, имеющих высокое значение и по сей день.

В период становления систематического регионологического знания были заложены основные принципы выделения районов, начала развиваться центр-периферийная методология, имеющая важное значение для теоретической основы и практики государственного управления. Был сформулирован принцип объективного существования районов (регионов) – принцип, методологически и идеологически определивший отечественное регионоведение в XX в. Его основополагающая идея – район (регион) не является лишь продуктом интеллектуального конструирования исследователя, но объективно существует в реальности, а взаимосвязи и взаимодействия внутри него проявляются постепенно, по мере его развития – на сегодняшний день менее актуальна и подвергается оспариванию, однако из нее можно сделать важные выводы, она служит своего рода необходимым противовесом подхода к региону как к интеллектуальному конструкту.

Систематическое регионологическое знание к концу XX в. явило собой сложную систему междисциплинарного, мультидисциплинарного знания. Такое знание комплексно

и интегрирует данные и методы других дисциплин, но всегда имеет определенный уклон – историко-филологический, политологический, социально-экономический и т. д. Такое знание кодифицировано, академично, имеет систематические связи между своими категориальными и исследовательскими полями, для него характерна мультипарадигмальность. Накопленное систематическое регионологическое знание, укорененное в каждом соответствующем институте – учебном, исследовательском заведении, научном центре, научной школе – приобретает свое направление, институционализируется. На начало XXI в. регионологическое знание в России предстает именно в таком виде: в виде институционализированных научных направлений, объектом которых являются региональное своеобразие, региональные связи и взаимодействия и региональное развитие.

Уникальная особенность развития регионологического знания в России проявилась в способе ответа на вызовы, ставшие перед знанием о регионе в конце XX – начале XXI в. Как известно, именно в это время переживает кризис крупнейшее регионоведческое направление в США (Area studies), которому впоследствии так и не удалось найти концептуально новую основу своего существования. Объясняя причины этого, необходимо вспомнить, что направление Area studies было стратегическим проектом, у него отсутствовало длительное, органическое развитие знания о регионе. Полагаем, что долгая история развития регионологического знания в России позволила отечественной регионологии найти ответ на вызовы, привнесенные глобализацией, универсальными социологическими теориями и прочими явлениями, потенциально нивелирующими знание о регионе, и ответ на эти вызовы отразился в создании, развитии и укреплении разветвленной сети регионологических научных школ и направлений, иными словами, в развитии институционализированного регионологического знания.

ГЛАВА 3

ИНСТИТУЦИОНАЛИЗИРОВАННОЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В РОССИИ (С 80-х гг. XX в. по настоящее время)

3.1. ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ОБОЗНАЧЕНИЮ НОВОГО НАПРАВЛЕНИЯ

Период институционализации регионологического знания пришелся уже на постсоветское время, хотя предложения по созданию новой науки звучали еще в 1980-е гг. Еще тогда начался поиск термина, который обозначил бы это направление. Как оказалось, прийти к согласию в выборе термина российская наука не сможет вплоть до настоящего времени.

Среди терминов, используемых в российском академическом пространстве для обозначения дисциплин регионологического знания, основными выступают три: регионология, регионалистика, регионоведение.

Термин «регионология» в отечественной науке был введен в обиход в 1981 г. А. В. Сухаревым. Для регионологии характерны комплексность и междисциплинарность; целью регионологии выступает выявление региональных законов и закономерностей; ключевой проблемой выступает проблема регионального развития; стержневым является социологический подход. В настоящее время школа регионологии, основанная А. В. Сухаревым, предлагает следующее определение: регионология – это «научное направление, исследующее закономерности комплексного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития (воспроизводства) социумов регионов, управления этим процессом» [108].

Термин «регионалистика» употребляется в отечественной науке с 1980-х гг. Необходимо отметить, что существуют разные, зачастую не пересекающиеся толкования термина. Во-первых, регионалистика может пониматься как отечественный эквивалент региональной науки, введенной в западное академическое пространство У. Айзардом [84]. Во-вторых, регионалистика может обозначать совокупность методологических и методических подходов к изучению региона. В-третьих, регионалистика может рассматриваться как наука о региональных процессах, в том числе процессах регионализации. В-четвертых, регионалистику часто определяют как комплексную дисциплину, изучающую закономерности образования и развития региона. В-пятых, регионалистика может пониматься как специализированная часть региональной науки, фокусирующаяся на определенной стороне, например, если таковой выступает политическая составляющая, то речь пойдет о политической регионалистике. Как нетрудно заметить, единодушие в определениях проявляется касательно региона, так как он является объектом исследования регионалистики. Мнения разнятся относительно того, считать ли регионалистику комплексной научной дисциплиной, узкоспециализированной наукой, или совокупностью подходов. Так, В. А. Дергачев и Л. Б. Вардомский определяют регионалистику как междисциплинарную науку, «синтезирующую пространственные подходы и изучающую объективные процессы регионализации (политической, экономической, культурной) международных отношений под воздействием факторов глобализации» [46, с. 506]. В таком определении обращает на себя внимание сильный крен в сторону международных отношений.

Представляется интересным подход к регионалистике, предложенный В. С. Елистратовым, который рассматривает ее как «сумму технологий» воздействия на регион. Речь идет о технологиях управления регионом, технологии ведения региональной политики. Этот подход предполагает такое развитие событий, когда регионалистика занимала бы актуальную на сегодня нишу управления социальными

процессами и региональной социальной инженерии; в свете современных тенденций такая ниша требует специального направления исследований в региональной науке. Это позволило бы закрепить за регионалистикой четкую сферу компетенций, развить понятийный аппарат, уточнить теоретико-методологическую базу, не дать регионалистике «раствориться» в регионоведении и регионологии. В сходном русле выстроена дефиниция регионалистики Ю. Г. Волкова. Ученый определяет регионалистику как междисциплинарную отрасль знаний, для которой характерны единство и системность, и предметом которой является регион как «самостоятельная величина» [18, с. 4–5]. При этом, перечисляя ключевые вопросы, изучаемые регионалистикой, исследователь упоминает проблемы территориального неравенства, региональных депрессий, неконтролируемой миграции, этнических конфликтов. По сути, данные проблемы решаются с помощью технологий регионального управления, технологий социальной инженерии, что возвращает нас к пониманию регионалистики как совокупности технологий регионального управления, региональной социальной инженерии.

Термин «регионоведение» вошел в употребление в 1990-е гг. и ассоциирован, прежде всего, с учебной дисциплиной и образовательной специальностью. В 1990-е гг. регионоведение изучалось в рамках международных отношений в МГИМО, с конца 1990-х гг. возникает отдельная учебная дисциплина «Регионоведение», университетские специальности «Регионоведение», позднее – «Зарубежное регионоведение», «Регионоведение России». Одним из первых шагов становления регионоведения как самостоятельной области исследования стало создание отделения регионоведения в ИППК при РГУ в 1998 г. (Ю. Г. Волков, А. В. Лубский и др.). Существует широкий ряд определений регионоведения. Как отмечает В. С. Елистратов, сам термин с лингвистической точки зрения предполагает накопление и классификацию знаний [51]. Отметим, что термин регионоведение можно понимать двояко: с одной стороны,

зачастую термин используется как более широкий для обозначения системы регионологического знания, как неконкретизированная область знания о регионе; с другой стороны, существует узкое использование как вузовской учебной дисциплины, как образовательной специальности. В качестве широкого, общепринятого, «примиряющего» два этих пути понимания, определения регионоведения приведем определение Ю. Н. Гладкого и А. И. Чистобаева: регионоведение – это «область научного и образовательного знания, имеющая своей целью изучение специфики социально-экономического, политического, культурного, этноконфессионального, природного, экологического развития относительно целостных территориальных образований, именуемых регионами» [24, с. 12].

На сегодняшний день различные школы и направления придерживаются разной терминологии, давая собственные определения описанным терминам. Кроме них для обозначения поля регионологического знания используются и другие термины, в частности, «региональные исследования» (аналог англоязычного regional studies, иногда area studies) и «региональная наука» (перевод названия научного направления regional science, предложенного американским экономистом У. Айзардом [84]).

Неустойчивость термина, обозначающего науку о регионах, свойственна не только русскоязычному дискурсу. Подобная ситуация сложилась и в англоязычных странах, где соседствуют уже упомянутые regional studies, area studies и regional science, и в странах Дальнего Востока. В частности, в Японии, где употребляются термины «тиики кэнкю» (地域研究), «тиикигаку» (地域学), «эриа-сутади:дзу» (エリア・スタディー) и др.

Несмотря на то что единого термина по-прежнему нет, наука о регионах продолжает развиваться и порождать новое научное знание.

3.2. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ШКОЛЫ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В РОССИИ

3.2.1. Подходы российских регионологических школ к определению своего места среди других наук

В России к настоящему моменту сложилась сложная система регионологического знания, неоднородная как с точки зрения определения целей и задач ее отдельных сфер, так и с парадигмальных позиций. Среди факторов, подтолкнувших ее развитие, можно назвать несколько.

Во-первых, толчком к ее развитию послужило внедрение в образовательную систему такой специальности, как «Регионоведение». Создание профильных подразделений в образовательных учреждениях простимулировало исследовательскую работу в этом направлении.

Во-вторых, важным фактором стала возможность изучения западного опыта и ведущих мировых регионологических организаций. Среди них наиболее влиятельными можно назвать *Международную ассоциацию региональной науки* (RSAI, Regional Science Association International), зародившуюся в США [82], а сегодня представленную в России местной секцией Европейской ассоциации региональной науки, российской секцией руководит специалист по северным регионам и Арктике А. Н. Пилясов [192], а также *Ассоциацию региональных исследований* (RSA, Regional Studies Association) со штаб-квартирой в Великобритании, ее российское отделение возглавляет специалист по региональной экономике Л. Э. Лимонов [191].

В-третьих, сама актуальность изучения региональной повестки простимулировала возникновение и активное развитие научных школ и направлений регионологического знания, а незакрепленность регионологии в правовом научном поле (отсутствие отдельной отрасли наук в номенклатуре специальностей научных работников и, как следствие, осуществление защит по регионологии в рамках дру-

гих отраслей) определила специфический статус этой науки, позволяющий научным и образовательным учреждениям самим определять векторы развития в этой сфере.

Еще одним важным аспектом отсутствия регионологии в официальном списке отраслей наук отменяет актуальную для многих других стран дискуссию о том, какие исследования следует считать выполненными в русле собственно регионологии, а какие – в русле другой науки: сегодня любое отечественное регионологическое исследование, нуждающееся в формализации (кандидатская, докторская, гранты российских фондов, проекты в рамках номенклатур научных направлений вузов и т. п.), вынуждено выполняться на базе науки, имеющей официальный государственный статус. Регионология – не единственная отрасль, оказавшаяся в таком статусе, сходная проблема есть у специалистов по менеджменту, которым приходится выбирать, в какой сфере они хотят формализовать свою работу: экономика, социология управления и т. п. Решение этой проблемы многие научные школы видят в том, чтобы подчеркнуть междисциплинарный и мультидисциплинарный характер регионологии, при этом оставляя для нее «отправную точку» – научную отрасль, в которой трудятся специалисты конкретной школы или направления.

Оставляя пока в стороне сугубо образовательный аспект регионологического знания (значительное количество образовательных учреждений не выводят исследовательскую деятельность в этой сфере за рамки учебного процесса), мы хотели бы остановиться на тех научных школах и направлениях, которые сформировались в России в постсоветское время и определили то, как сегодня развивается регионология.

При этом следует оговориться, что, хотя регионологическое знание активно заступает в поле других наук и черпает в нем новые векторы развития [87], мы не рассматриваем те многочисленные научные школы, которые сами себя не относят к регионологическим. Регион является объектом как отдельных исследований, так и целых направлений

внутри социогуманитарных и естественных наук: например, лингвистика нередко рассматривает территорию как предмет изучения с точки зрения того, как там протекают те или иные языковые процессы [14]. Однако следующим шагом научной школы и направления должно быть закрепление своего статуса в поле регионологии, в противном случае эти исследования должны рассматриваться как заступление науки о регионах на поле другой дисциплины, а не построение системного регионологического знания на ее базе.

Учитывая все вышеизложенное, российские школы и направления регионологического знания с известной долей условности можно разделить между собой по нескольким основаниям: по внутренней/внешней ориентации, по монорегиональности/трансрегиональности, по доминантно-дисциплинарности/мультидисциплинарности.

Признак *внутренней/внешней ориентации* обладает рядом условностей, поскольку стирание границ в современном глобальном мире ставит множество вопросов перед концепцией государств-наций, еще некоторое время назад представлявших собой основной объект внешнеориентированных регионологических исследований. Тем не менее включение в исследование нероссийских регионов, рассматриваемых внутри любого типа межрегиональных отношений, даже местного уровня (контакты пограничных регионов России и Китая, межкультурные контакты отдельных регионов стран, в том числе не имеющих местных границ) меняет ориентиры и установки исследователя.

По признаку *моно-/трансрегиональности* среди научных направлений выделяются те, что сосредоточивают свою работу на конкретных регионах, и те, что не ставят задачей изучение определенного региона.

Первые, так называемые *монорегиональные* направления, несмотря на обозначение конкретного региона исследования, нередко определяют свой объект вне зависимости от национальных или географических границ, под «регионом» может подразумеваться как исторически сложившийся, так и искусственный конструкт, выделенный с научными

целями. Этот тип направлений можно разделить на ориентированные на *внешние* и *внутренние* исследования, т. е. охватывающие страны/регионы мира и Россию / регионы России. Школы и направления, ориентированные вовне, могут охватывать самые разные по территории и признакам регионы (востоковедение, китаеведение, американистика, южнотихоокеанские исследования, русскоязычный мир, регионы Великого Шелкового пути и т. п.). К такого рода направлениям можно отнести и *страноведение*, несмотря на то что термин постепенно уходит из научного обихода, все чаще обозначая учебную дисциплину, нежели отрасль науки.

Внутренние исследования также не ограничиваются политико-административными границами или иными формализующими признаками, поэтому среди них есть не только регионоведение городов, областей, краев, республик, но и такие направления, как северное регионоведение, арктическое регионоведение и т. п. Внутри этого направления наблюдается и любопытный терминологический сдвиг от *краеведения* к *регионоведению*: все больше исследовательских школ предпочитают второй термин первому, что вполне объяснимо в связи с общей парадигмой перехода от описательного к аналитическому знанию. При этом научному содержанию такого рода местного «регионоведения» ничуть не мешает его комплексный и мультидисциплинарный характер. Примером могут послужить такие направления, как регионоведение Прибайкалья: работы А. Д. Калихмана, Т. П. Калихман и их коллег отличает многоплановость подходов и проблематики при изучении региона. Среди них «Южный Байкал: природа и люди» (анализируются природные и социальные факторы освоения Байкала, выделена роль Южного Байкала в природоохранной парадигме и т. д.), «Дневник Дыбовского» (перевод трех работ Бенедикта Дыбовского – историко-регионоведческая работа, построенная на автобиографических записях), «Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения» (теоретическая регионологическая работа) и т. д.

Вторые – трансрегиональные направления – направляют свои силы на исследование межрегиональных связей и процессов, глобальных трансформаций, мировых процессов регионализации, общих принципов регионального развития, а также разработку теоретических проблем науки о регионах.

По принципу *доминантно-дисциплинарности/мультидисциплинарности* научные школы и направления можно также поделить на две группы:

1) школы и направления, позиционирующие себя как доминантно-дисциплинарные;

2) школы и направления, позиционирующие себя как мультидисциплинарные.

В первых выделяется определенная составляющая, выступающая доминантой, «уклоном», – историко-филологическая составляющая, экономическая составляющая и другие, что часто определяется спецификой и направленностью учебного или научно-исследовательского заведения, на котором базируется данная школа. Иногда это заявлено в названии самого направления: социокультурное регионоведение, филологическая регионалистика и т. д. Вторая группа – школы с подчеркнуто комплексным, мультидисциплинарным подходом.

В значительной степени различие между этими двумя группами детерминировано самоопределением школы в указанной парадигме. В реальности первые школы часто применяют междисциплинарный подход, поскольку он диктуется самим объектом исследования, который требует комплексного подхода. Вторые же, активно продвигая идею мультидисциплинарности, нередко базируются на одной науке или стыке двух-трех.

Это деление является более значимым для нашего исследования, поскольку именно в этой парадигмальной конструкции (доминантно-дисциплинарность/мультидисциплинарность) следует ожидать дальнейшей трансформации не только российского, но и мирового регионологического знания.

3.2.2. Доминантно-дисциплинарные регионоведческие школы и направления

Дисциплинарность как концепция стоит на постулировании пользы четкого понимания границ исследования и его предметной области. Регионоведческое знание, зародившись как комплексное, тем не менее, как и всякое другое научное знание, испытало на себе процессы такого ограничения.

В качестве примеров российских регионоведческих школ с «уклоном» – определенной доминантой, специфицирующей ориентированность данной научной школы, – А. Д. Воскресенский приводит традиционную востоковедческую школу Института стран Азии и Африки Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (историко-философский уклон), научную школу факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (филологический и социокультурный уклон), научную школу Московского государственного лингвистического университета (лингвокультурологический уклон) [22, с. 360–361]. Развивая его идею школ и направлений с «уклоном», считаем целесообразным определить их как доминантно-дисциплинарные, несколько расширить список этих школ и проследить, как именно они видят специфику регионоведческого знания. В российских вузах и научных учреждениях существует довольно значительное количество подразделений доминантно-дисциплинарной направленности, среди которых можно найти как монорегиональные, так и трансрегиональные. Проследить их специфику мы хотели бы через наиболее общие направления, в рамках которых работают те или иные научные школы и подразделения вузов и научных организаций.

Регионоведение как региональная география – распространенный подход, исходящий из предпосылки, что регионоведение является по существу географической наукой и может рассматриваться как подразделение (субдисциплина) географии. Такой подход распространен среди многих оте-

чественных школ, в особенности там, где регионологическое знание формировалось на базе географических направлений.

Политическая регионалистика предполагает «рассмотрение взаимодействий между географически выраженными политическими субъектами...», изучение в сравнительном аспекте таких концептов, как «региональная политическая система, региональный политический режим и региональная партийная система» [167, с. 16, 18]. Указанная проблематика разрабатывается в большом количестве вузов и научных центров. В одной только Высшей школе экономики можно назвать Лабораторию региональных политических исследований (Р. Ф. Туровский, М. Н. Шестакова и др.) и Международную лабораторию исследований мирового порядка и нового регионализма (А. В. Лукин, Д. П. Новиков, А. С. Пятачкова и др.).

Образовательное/педагогическое регионоведение ставит своей целью расширение научно-методического и педагогического потенциала научно-образовательных учреждений через комплексное изучение различных регионов, развитие направлений краеведения и т. д. Примером трансрегиональной деятельности может быть работа НИИ образовательного регионоведения Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (руководитель НИИ – историк и энциклопедист В. В. Яковлев) [107]: институт проводит международные научные конференции, привлекает к регионологической работе центральные и региональные вузы, публикует монографии по различным аспектам регионоведения и краеведения, выпускает регулярный сборник «Теория и практика регионоведения», участвует в международных проектах [182]. В качестве примера монорегиональных проектов следует выделить выпуск журнала «Педагогическое регионоведение» в Борисоглебском филиале Воронежского государственного университета, журнал ставит своей целью активизацию комплексного изучения, сохранения и дальнейшего развития уникальной территории, называемой Воронежское Прихопёрье.

Филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика подразумевает изучение как региональной специфики языков и различного рода филологического материала, так и региональных реалий на материале языков и филологического материала во всем его многообразии. Эта проблематика разрабатывается, в частности, на факультете филологии и журналистики Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, руководитель направления филологической регионалистики – Н. Ю. Желтова, доктор филологических наук, профессор, филолог-литературовед, среди представителей – филологи Е. Н. Бармина, Э. Н. Дзайкос, Я. В. Иконникова, Л. В. Полякова, Н. Е. Солопова, С. А. Старостина и др. Там же издается журнал «Филологическая регионалистика» [176]. Есть и монорегиональные учреждения по данному профилю, например, научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово» Курского государственного университета (М. А. Бобунова, А. Т. Хроленко, И. С. Климас, С. К. Константинова, Н. В. Беляева, Н. О. Косицына) [106]. «В Томском университете даже сформировалась научная школа, появились многочисленные исследования, в том числе и диссертационные, местных городских “текстов”» [132, с. 8].

Историческое регионоведение сосредоточено на бытии региона во всем его разнообразии в различные периоды времени. Такого рода исследования ведутся как отдельными учеными, например, доктором исторических наук, профессором В. Г. Дацышеном [35–41], так и целыми подразделениями научно-образовательных учреждений, в частности, на кафедре исторического регионоведения СПбГУ (ведущие представители – Ю. В. Кривошеев, В. И. Хрисанфов, Е. И. Лелина, А. А. Мещенина, Р. А. Соколов, А. С. Сухорукова и др.) [110], в Учебно-научном центре региональной истории, краеведения и москвоведения РГГУ (ведущие специалисты – С. О. Шмидт, В. Ф. Козлов, Д. М. Абрамов, М. Д. Ковалева, С. Ю. Шокарев) [169].

Социокультурное регионоведение анализирует регион «посредством изучения в первую очередь истории, культуры и языка, распространенных на данной территории» [155]. Это направление развивается, в частности, в рамках Центра по изучению взаимодействия культур при факультете иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова, выпускается журнал «Россия и Запад: диалог культур», проводится конференция с одноименным названием, ведущие представители направления: С. Г. Тер-Минасова, И. В. Павловский, А. В. Павловская и др. [158].

На примере социокультурного регионоведения можно увидеть, насколько специфичными могут быть подходы к регионологической методологии в рамках доминантно-дисциплинарных школ. В частности, по мнению И. В. Павловского, цель социокультурного регионоведения состоит в том, чтобы изучить «неизменные на территории данного региона приоритеты и доминаты», а также «местную “дырчатость” культуры⁶, которая не только создает лакуны в формообразовании слов, но и лакуны в явлениях и понятиях культур» [122, с. 109].

Кроме того, он указывает на следующие три базовые задачи социокультурного регионоведения:

1) терминологически верно описать специфику свойств, приобретенных этносом в результате его миграции в другие регионы, что будет способствовать более детальному изучению процессов влияния региона на языки и культуры;

2) конкретизировать термины, употребляемые в отношении региона, с учетом их региональной специфики, поскольку факты истории конкретного региона нередко идут вразрез с тем, что их пытаются описывать, используя более универсальные термины и понятия;

⁶ Под «дырчатостью» культуры И. В. Павловский понимает «присутствие термина, но полное и категорическое отсутствие явления в культурной жизни». Он полагает, что регион должен изучаться не только через явления, имеющиеся в культуре этноса региона, но и через явления, которые в ней отсутствуют, наблюдаясь при этом в других регионах [121].

3) изучая исходные специфические черты этноса, придать первостепенное значение тем из них, что остаются постоянными для региона даже при смене населяющих его народов; исследовать самобытность региона в исторической ретроспективе через обитавшие в нем этносы, «изучить судьбу приобретенных черт характеров этносов, переселившихся из изучаемого в иной регион» [120, с. 146–148].

Доминантно-дисциплинарных школ и направлений слишком большое количество, чтобы они исчерпывались указанным списком, вместе с тем приведенные примеры показывают, насколько широко и разнообразно поле регионологического знания на сегодняшний день. Благодаря работе этих школ регионология вносит вклад в развитие других наук (этнолингвистика, политология, филология, лингвистика, педагогика и т. п.) и расширяет их предметное поле. Доминантно-дисциплинарные направления не исключают междисциплинарность, поскольку само взаимодействие регионологии с какой-либо другой наукой уже предполагает необходимость работать на стыке дисциплин. Вместе с тем в работе этих школ и направлений прослеживается приверженность той научной отрасли, которую сами исследователи видят отправной точкой.

3.2.3. Мультидисциплинарные регионологические школы и направления

Ко второй группе – к школам и направлениям, позиционирующим себя как мультидисциплинарные, – можно отнести ряд научных школ, как российских, так и русскоязычных, функционирующих в рамках одного дискурсивного пространства.

Мордовская школа регионологии (Научно-исследовательский институт регионологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарева, г. Саранск, директор С. В. Полутин). Концепция регионологии как новой интегративной дисциплины была предложена А. И. Сухаревым в 1981 г. и изначально предполагала

междисциплинарный подход [49, с. 4]. В 1982 г. в Саранске была создана проблемная научно-исследовательская лаборатория, которая в 1991 г. доросла до НИИ комплексного социального и экономического развития регионов Нечерноземной зоны РСФСР, а в 1995 г. он был переименован в НИИ регионологии. Следует отметить, что указанная концепция регионологии «завязана» на региональном развитии. Целью такой дисциплины являлось интегрирование различных регионологических исследований и выделение на основе этого общих закономерностей течения региональных процессов. Концепция вырабатывалась в контексте [Там же, с. 6–7]:

- 1) дальнейшего развития теории территориально-производственных комплексов, а именно идеи о развитии территориальных социально-экономических комплексов;

- 2) актуализации пространственного компонента во многих науках, в первую очередь в экономике, развитии региональной экономики;

- 3) развития региональной науки на Западе (У. Айзард) в 1970-е гг.

Доминирующей парадигмой в регионологии стала парадигма региона как социума, т. е. на первый план вышел социологический подход [Там же]. В 1991 г. при НИИ запущено издание журнала «Регионология», успешно выпускаемое по сей день. На сегодняшний день, согласно официальному веб-сайту организации, институт определяет концепцию регионологии как «научного направления, исследующего закономерности комплексного экологического, экономического, социального, политического и духовного развития (воспроизводства) социумов регионов, управления этим процессом» [108]. Таким образом, современная концепция в полной мере наследует оригинальную, предложенную в 1981 г. А. И. Сухаревым, – сохраняется ориентированность на региональный социум как на доминанту развития региона. Также сохраняется мультидисциплинарный подход – развитие региона рассматривается комплексно, с точки зрения целого ряда дисциплин. Дополни-

ние наблюдается лишь в виде управленческого элемента, что вполне в духе современных трендов, когда мы наблюдаем рост интереса к управлению социальными процессами, рост интереса к социальной инженерии. Вместе с тем, как уже указывалось выше, мультидисциплинарность и здесь имеет отправную точку – конгломерат социологии, экономики и политологии. Это подтверждается и набором отраслей наук, в рамках которых осуществляет публикацию статей журнал «Регионоведение».

Мировое комплексное регионоведение – направление под руководством А. Д. Воскресенского. Становление мирового комплексного регионоведения как дисциплины, исследовательской области, исследовательского подхода связано с формированием региональных пространств (как подытоживает представитель школы мирового комплексного регионоведения Е. В. Колдунова, существует достаточно широкий ряд обозначения таких региональных пространств – в научной литературе встречаются термины «региональные миры», «региональные комплексы», «интегрированные акторы мировой политики» и др.), «по-своему преломляющих глобальные процессы и генерирующих специфические типы международного взаимодействия» [73, с. 64]. Мировое комплексное регионоведение определяется как «исследовательский подход, сформированный на стыке теории международных отношений, сравнительной политологии и страноведения», который «концентрируется на объяснении взаимосвязи международных внутристрановых/внутрирегиональных процессов, а также на исследовании влияния особенностей внутристранового/регионального развития на глобальный уровень» [Там же, с. 64].

Мировое комплексное страноведение, по видению этой научной школы, послужило российским ответом на концептуальный кризис регионоведения во всем мире, проявившийся к 1990-м гг. Завершение холодной войны, которая так остро актуализировала сбор и анализ информации, объяснение и прогнозирование поведения регионов мира – стратегических соперников, отсутствие собственной научно-

методологической базы, развитие новых социологических теорий, нивелирующих региональные особенности, риторика проекта глобализации и объективная интенсификация глобализационных процессов, обесценивающие своеобразие регионов, явились основными факторами кризиса регионоведения. В этот период активизируется поиск нового пути развития регионологического знания, поиск обоснования и концептуализация знаний о регионе. Отечественное мировое комплексное регионоведение, получившее развитие в рамках научной школы МГИМО, сфокусировалось на включении не-западной перспективы (рассмотрение особенностей развития не-западных обществ) в исследование и изучение региональных подсистем [73, с. 64]. Мировое комплексное регионоведение в образовательной практике предстает как учебная дисциплина «зарубежное регионоведение».

Мировое комплексное регионоведение часто ассоциируют с западным регионоведением, или западным страноведением, получившим распространение после 1945 г. в виде исследовательских и образовательных программ в университетах США и других развитых западных странах. В связи с этим Е. В. Колдунова поясняет, что западное страноведение (Area studies) представляет собой достаточно фрагментированное исследование разных стран и регионов, в таких исследованиях не достаёт «комплексной повестки исследований зарубежных регионов» [Там же, с. 66].

Исследовательский подход, предложенный в рамках мирового комплексного регионоведения, выступает, по мнению представителей данной научной школы, в качестве теории среднего уровня (регионального уровня, в отличие от подходов глобального/общемирового и странового уровней) [Там же, с. 66]. При этом включение не-западной перспективы, выявление закономерностей развития не-западных обществ в целом, включение взгляда инсайдерского не-западного исследователя, во-первых, значительно обогащает набор теоретических подходов, обновляет дискуссионное поле, расширяет парадигмальные рамки, а во-вторых, предоставляет важные возможности для многосто-

ронного сотрудничества с исследователями и академическими институтами из стран Востока (Не-Запада). По мнению А. Д. Воскресенского, руководителя школы, именно положение мирового комплексного регионоведения как теории среднего уровня предоставляет необходимый инструментарий для решения практических задач в области регионоведения и международных отношений, а именно задач сравнения, объяснения и прогнозирования [22, с. 359].

Мировое комплексное регионоведение изучает региональные связи в контексте и пространстве мировой политики, характеризуясь интегрированным фокусом на социокультурные процессы и политико-экономические особенности. Последнее является одной из концептуальных черт мирового комплексного регионоведения, поскольку, в отличие от классического регионоведения, например, классического востоковедения, не ограничивается рамками историко-филологических наук [Там же, с. 358]. Центральная идея исследовательского подхода в мировом комплексном регионоведении – необходимость введения регионального анализа, рассмотрение региональных сообществ как самостоятельных объектов изучения и их функционирование во взаимодействии с другими странами, регионами мира и в глобальном пространстве. Мировое комплексное регионоведение отличается глубинным интерпретативным подходом на основе анализа цивилизационных моделей. Речь идет о моделях цивилизационного развития, различных моделях модернизации, прежде всего, европейской и не-европейской (исламской, китайской и т. д.). Задействуется моделирование процессов регионального развития в пространстве мира. Так, А. Д. Воскресенский рассматривает мировое пространство, выделяя различные модели развития и модернизации. По его мнению, в середине XX в. азиатские страны оказались перед выбором модели развития – «авторитарно-плановой», предполагавшей циклическую смену мобилизации и застоя, «заморозков» и «оттепелей», или демократическую рыночную модель. На начало третьего тысячелетия А. Д. Воскресенский выделяет авторитарную и антиавтори-

тарную индустриальную модель и антиавторитарную постиндустриальную модель развития [23, с. 7]. Развивается идея о том, что европейский (западный) мир создал модель открытого доступа (в политическом и экономическом плане, с открытостью и самоорганизацией). Некоторым азиатским странам удалось создать «региональные версии системы открытого доступа» [Там же].

А. Д. Воскресенский показывает все разнообразие такого выбора: принятие западной системы, принятие авторитарной не-западной системы, предложение своей модели постиндустриального развития по культурным параметрам страны, частично децентрализованным с частично открытым доступом и т. д., использование в работе такой концепции как система с открытым/закрытым доступом, подчеркивает системный подход, при котором мир рассматривается как система. Акцент в мировом комплексном регионоведении делается на моделирование и выстраивание логики взаимодействия региональных систем в мировом пространстве в контексте процессов модернизации, экономикотехнологического развития. Исследуется и процесс адаптации страны к модели, успешность или неуспешность в сохранении национально-культурной специфики при принятии другой модели социально-политического доступа.

Интересна мысль, касающаяся «характера и степени дифференциации (однородности/разнородности) мирового пространства» [Там же, с. 8], и связь с открытостью/закрытостью социального доступа в странах/регионах. Очевидно, что долгое время и до сих пор превалирует оценка мирового пространства с точки зрения числа и соотношения полюсов геополитической и геоэкономической силы (однополярности, биполярности, многополярности). Применение характеристики однородности и разнородности мирового пространства открывает, на наш взгляд, широкие возможности для построения новой или обогащения существующей методологии исследования взаимосвязей и взаимодействий в мировом пространстве. Как отмечает А. Д. Воскресенский, «возник импульс к формированию новых правил функциониро-

вания мировой системы» [23, с. 7]. Соответственно, возникает необходимость в формулировании новых исследовательских подходов.

Следует сделать акцент на взаимовлиянии моделей регионального развития и мирового пространства. Не только общая конфигурация общемирового политического и экономического пространства, глобальная расстановка сил влияют на выбор и жизненный цикл моделей развития региона, но и конфигурации региона влияют на пространство мировой политики, экономики и культуры.

А. Д. Воскресенский подчеркивает, что взаимосвязи пространства мировой политики и региональных социальных систем, их взаимовлияние определяются такой областью, как «социальная инженерия форматирования национального и мирового пространства» с целью развития, обозначая, что такая «проблематика не анализируется и не изучается в традиционных международных отношениях» и требует междисциплинарного подхода [Там же, с. 8].

Очевидно, что такие концепты, как миропорядок, мировые правила, отношения в мировой системе, исследуются, прежде всего, в рамках теории международных отношений и геополитики. В чем же состоит отличительная, регионоведческая составляющая школы мирового комплексного регионоведения? На наш взгляд, в том, что ключевые роли играют концепты регионального развития и региональной (национальной) специфики, регионального своеобразия.

В отличие от теории международных отношений и сравнительной политологии, мировое комплексное регионоведение на первый план выдвигает именно региональный уровень исследований, хотя очевидно, что присутствует значительное количество смежных тем.

Важность регионального, регион-специфического знания, актуальность регионоведения неоднократно подчеркивается в рамках школы мирового комплексного регионоведения. Как отмечает А. Д. Воскресенский, «...если мы признаем влияние культурной и социально-психологической специфики, особой, обусловленной страновой спецификой по-

литической культуры, национальной психологии и национального характера, то должны также признать, что – в зависимости от своего характера и интенсивности влияния – эти факторы могут формировать своеобразие обществ как одного и того же типа социального порядка, так и определять специфику конкретных этапов развития социальных порядков» [23, с. 16]. Несомненно, влияние культурных и социально-психологических процессов на типы и поведение моделей социально-политического порядка различных стран, на формирование моделей и стратегий внешнеполитических взаимодействий и возможности управления их развитием. Мировое комплексное регионоведение снабжает инструментарием для более глубокого анализа явлений такого порядка.

В то же время при этом возникает опасность, о которой предупреждает ряд ученых, когда наука о регионах становится «питательной почвой» для глобалистики, сравнительной политологии, теории международных отношений, вырабатывая знания, подходы для этих дисциплин [189]. В такой ситуации регионоведение перестает развиваться сама по себе. Следовательно, необходимо развивать именно науку о регионах, ее аппарат, теории и концепции, обобщая, анализируя и синтезируя знания, полученные от наблюдений региональных и мировых взаимодействий в области международных отношений и государственного и регионального управления в новых условиях в контексте современных глобализационных и регионализационных процессов.

В рамках школы мирового комплексного регионоведения исследуется региональная специфика в выборе, адаптации, применении определенной модели социально-экономического и социально-политического развития. При этом происходит сравнение, оценка систем развития и сопоставление их с региональной и национально-культурной спецификой. Как указывает А. Д. Воскресенский, «центральной становится проблематика идеальной, т. е. наиболее конкурентной модели экономического и политического устройства, приближения существующих моделей к иде-

альной и степень допустимости региональной/страновой вариативности ключевых параметров» [23, с. 9]. Государства с открытой системой – европейские и североамериканские – создают систему гибкую, но с фильтрами, с жесткими и в то же время прозрачными критериями отбора для доступа к управлению. В плане государственного управления такие страны контролируют лишь ключевые параметры, например, безопасность, а во всем остальном стремятся быть максимально открытыми внешним акторам, принимая инновационные и миграционные потоки и, в свою очередь, активно внедряясь в технологическое и экономическое пространство других стран [Там же, с. 13]. Речь идет о соотношении параметров национального суверенитета с задачами национального стратегического развития.

Такой ракурс – использование моделей социально-политических систем, рассмотрение национальной политики в контексте дискурсивного пространства и практических задач стратегического развития страны – в рамках мирового комплексного регионоведения позволяет взглянуть под новым углом на такие актуальные явления и проблемы, как миграция, адаптация и ассимиляции мигрантов, проблемы мультикультурализма / альтернативных политических стратегий и т. д. Указанные проблемы традиционно рассматриваются в страноведении, курсах регионоведения, однако зачастую рассматриваются в рамках строго национальной политики, в отрыве от пространства мировой политики, от мировых конфигураций. Отметим, что в странах с активными миграционными потоками, даже среди государств с аналогичными (открытыми) социально-политическими системами, наблюдаются разные модели приема, отбора, адаптации мигрантов. Так, открытость к приему мигрантов без надлежащих жестких систем контроля привела к текущему миграционному кризису в Европе. Данный кризис подчеркивает, насколько важна выработка верных методов отбора, контроля миграционных потоков с учетом региональной специфики и общемировой ситуации. При заявляемой и практикуемой открытости для

потоков мигрантов необходимы контроль и жесткое регулирование. Не только государство вырабатывает правила регулирования миграционных потоков в соответствии со своими стратегическими задачами, но и ситуация с мигрантами дает обратную связь, влияет на концепцию и практику государственного регулирования миграционной политики и культурной ассимиляции, т. е. имеет место взаимовлияние. Так, в ситуации миграционного кризиса в Европе ряд европейских государств оперативно пересматривают миграционную политику, создают более жесткий «заслон» беженцам, несмотря на указания органов Европейского союза.

У А. Д. Воскресенского присутствует идея о том, что функционирование моделей, их эволюция, смена (например, при переходе от частично ограниченной к открытой системе) зависит от ряда социально-психологических и культурно-исторических причин [23, с. 14]. Отметим, что регионология занимается исследованием этих причин, каждая школа регионологии имеет свой подход.

Как трансдисциплинарная регионология изучает неравномерность регионального развития, так и мировое комплексное регионоведение изучает неравномерности экономического и политического развития стран, обусловленные целым рядом причин. Это проявляется, на наш взгляд, на трех уровнях:

1) индивидуальные особенности страны – традиции, социальная психология, политико-правовая культура, национальный менталитет;

2) региональные особенности – «кластерное» рассмотрение, когда страны образуют один социально-культурный кластер, например, кластер стран протестантской Европы или стран с конфуцианской культурой;

3) мировая специфика, то, что актуализируется глобальными тенденциями – общемировые движения, например, новый феминизм, тенденции социальной инклюзивности, тенденции цифровизации, что обусловлено и технологическим прогрессом, и актуальными идеологиями общества.

Здесь вновь обращаем особое внимание на понятие своеобразия. На наш взгляд, именно своеобразие обществ – то, что дает обоснование регионологии, регионологическому знанию.

В рамках мирового комплексного регионоведения А. Д. Воскресенский поднимает вопрос о включении такой формирующейся области знаний, как социальная инженерия (в широком, социологическом смысле), в исследовательское и дискуссионное поле регионологии [23, с. 17]. Действительно, считаем, что социальная инженерия как сфера, занимающаяся вопросами социального управления, моделирования социальных процессов, социально-психологического воздействия, вопросами социальной инженерии, может быть включена в концептуальное поле регионологии. Когда указанные вопросы рассматриваются социологами (причем подчеркнем, что данное исследовательское направление еще не имеет оформившегося исследовательского поля, теории и методологии), они, как правило, обсуждаются в отрыве от мировых процессов, в отрыве от внешних взаимодействий стран. С этой точки зрения именно регионология может закрыть необходимую нишу, так как именно она суммирует регион-специфичное знание, т. е. знание историко-культурных, социально-психологических, этнопсихологических, политико-психологических особенностей, накопив слои культурного знания, позволяет рассматривать и развивать вопросы социальной инженерии. Необходимо констатировать, что интерес к социальной инженерии получает все большее распространение в современном мире, а влияние механизмов и методов социальной инженерии огромно, притом что эта область в определенной степени непрозрачна и неоднозначна с точки зрения этики.

Следует отметить, что школа мирового комплексного регионоведения задействует новую парадигму, а именно отказ от западнцентристского взгляда на мир, западнцентристского знания. Так, А. Д. Воскресенский включает в рассмотрение не-западную модель демократии, не-западные концепции, не-западные теории международных отношений, и в глобальном смысле не-западное видение

мира. Исследователи разных регионов мира единодушно согласны с тем, что долгое время в мировой науке доминировало западнцентристское знание. Кризис доверия к общественным, западным политическим институтам, а также рост роли восточных стран, завоевание ими лидерских позиций на мировой арене актуализировало вопросы не-западного взгляда на развитие экономики, государственное управление, регулирование социальных процессов. В рамках мирового комплексного регионоведения сформировались основания для расширения парадигмальных рамок, обозначилась перспектива становления в его рамках комплексного, всеобъемлющего, объективного взгляда на существующие мировые проблемы.

Между тем такой подход особенно актуален в регионоведении Азиатско-Тихоокеанского региона. В целом выделение и концептуальное оформление АТР как региона сыграло значительную роль в актуализации подходов, выраженных в основных положениях мирового комплексного регионоведения.

Среди других факторов, актуализирующих включение не-западной перспективы, отмечается смена моделей взаимодействия в мировой системе: сменяются технологии конкуренции и ведения войны – от военных действий мир (постепенно) переходит к переговорной, консенсусной модели, где во взаимодействиях участвует широкий ряд стран и многие из этих стран относятся к не-западной модели. На мировой карте закрепились новые страны-лидеры, формируется новый тип лидерства [20, с. 44–45]. Речь идет о разбалансировке геополитических, геоэкономических сил в мировом пространстве, а также накопившихся противоречиях внутри национальных систем, вызванных как внешними (финансово-экономический кризис, терроризм и т. д.), так и внутренними (разногласия внутри элиты, неспособность выработать четкий и эффективный национальный курс) причинами. Такие объективные процессы требуют смены и исследовательских подходов, разработки принципиально новых теоретических моделей, которые бы фокуси-

ровались на роли новых региональных игроков, появлении и влиянии новых региональных проектов.

Транснациональные и мегарегиональные проекты, возникающие в мировом пространстве, как раз исследуются в рамках мирового комплексного регионоведения. А. Д. Воскресенский подчеркивает, что Евразия и Азиатско-Тихоокеанский регион стали «пространством конкурирующих макро-/мега-региональных и трансрегиональных проектов» [20, с. 49]. В АТР формируется сеть институциональных отношений трансрегионального типа [Там же]. Возникновение и рост таких проектов связывается в первую очередь с глобализационно-регионализационными процессами, а именно с исчерпанностью глобализационного проекта и существующих моделей регионализма [Там же]. Данные процессы закономерно рассматривать во взаимосвязи с ростом влияния стран Азиатско-Тихоокеанского региона и ростом влияния региональных игроков, в частности. Именно появление новых региональных игроков (Китай в АТР, например), становление региональных интеграционных объединений, таких как АСЕАН, в качестве региональных игроков создают новые конфигурации, новую расстановку баланса сил, новые траектории регионализационных процессов, которые протекают в контексте глобализации и, в свою очередь, влияют на процессы глобализации вплоть до актуализации необходимости нового глобализационного проекта. Если предыдущий глобализационный проект был западным и западноцентристским, то следующий глобализационный проект вбирает также и черты азиатского глобализма. Можно выделить следующие характеристики азиатского глобализма, трансформирующего глобальный проект:

1. Новая урбанистика (незападная) – ролевая модель крупных азиатских городов, «хабов» финансовой, инвестиционной, высокотехнологичной сферы, динамичной жизни, эклектичного образа жизни (разнообразие слоев населения – экспаты, люди с двойным гражданством, нерезиденты, занимающиеся деловой активностью). Азиат-

ские глобальные города становятся в ряд важнейших мировых центров. Помимо этого, сами урбанизационные процессы в Азии отличаются от, например, европейской урбанизации [190]. В азиатских городах, азиатских метрополитенских районах складываются уникальные модели урбанизации, субурбанизации, районизации.

2. Незападная культура ведения переговорной и консенсусной политики. Так, в рамках АСЕАН устанавливаются «правила игры» отличные от западных объединений (таких как ОБСЕ, например). Исследователи отмечают использование восточной культуры политико-делового взаимодействия, не предполагающей жестких, обязывающих принципов, но тяготеющей к «мягкому», консенсусному взаимодействию.

3. Распространение незападной культуры, «азиатизация» (по аналогии с американизацией) мировой культуры – популярность К-поп культуры среди молодежи во всем мире, азиатский кинематограф (корейские многосерийные телевизионные фильмы и т. д.), распространение элементов азиатского образа жизни (азиатской кухни, например).

Указанные и другие характеристики неизбежно трансформируют глобальный проект. Приведенные выше характеристики касаются влияния азиатских стран, однако значимость регионального фактора поддерживается и другими, не зависящими напрямую от роста роли Востока, тенденциями. Так, возникновение «региональных сфер компетенций» следует схеме национальный (локальный) – международный (глобальный) – региональный. Региональный аспект набирает значимость во многих важных сферах. Речь идет о региональной политике, региональной экономике, региональной безопасности.

Очевидно, что региональные интеграционные объединения, трансрегиональные проекты, региональная синергия не возникают *ex nihilo*. Они основываются на историко-культурной общности, социально-культурных связях, общих чертах в национальном менталитете. В свою очередь, динамика образования таких региональных и трансрегиональных отношений, характер их зависит от своеобразия

регионов и от механизмов взаимодействия между этими регионами, специфики развития региональных процессов.

С другой стороны, и развитие глобализационно-интеграционных связей и так называемой глокальности, т. е. проявление глобального в локальном и проявление локального в глобальном, актуализирует специфические особенности каждого региона – культурные, социальные, политические, экономические.

Мировое комплексное регионоведение стремится к изучению этих особенностей и их проявлению в международных и межрегиональных отношениях, реализуя тем самым свой мультидисциплинарный подход и при этом оставляя для себя «отправную точку»: А. Д. Воскресенский предлагает рассматривать мировое комплексное регионоведение вместе со сравнительной мировой политикой в качестве новых предметных полей науки о международных отношениях [21, с. 95].

Школа пространственных исследований (под руководством А. Г. Гранберга). Корни этой научной школы относятся к советскому периоду и связаны во многом с Сибирским отделением АН СССР. Разработка моделей пространственного развития экономики СССР началась в 1960-е гг. Разработки новосибирской школы, в частности под руководством А. Г. Аганбеняна, в области экономико-математических исследований экономического пространства были подхвачены и продолжены в других научных центрах страны [30, с. 87]. В тот период времени, перед исследователями была поставлена задача выработать оптимальные межрегиональные межотраслевые модели пространственного развития. Интересно, что в данном случае мы видим соединение двух противостоящих друг другу до 1960-х гг. подходов – регионального и отраслевого. В конце концов, они «помирились» посредством математико-экономического моделирования. Расчеты по построению оптимальных моделей пространственного экономического развития выполнялись с помощью ЭВМ и были, как отмечает А. Г. Гранберг, входивший в состав научного коллектива, в технологическом плане достаточно прорывными для того времени.

Велась работа и по моделированию мировой экономики. В этом случае оптимизация осуществлялась применительно к регионам мира и создавалась на базе глобальной межотраслевой модели В. Леонтьева [30, с. 99–100]. В результате были разработаны две модели – модель глобальной оптимизации, раскрывающая вектор оптимизации, на базе обобщения региональных критериев и модель оптимального экономического взаимодействия (отражающая взаимодействия региональных экономик с механизмами международной экономики) [Там же, с. 100]. В 1990-е гг. работа по созданию моделей пространственного развития, теперь в новых реалиях, продолжилась, однако рыночные условия потребовали пересмотра, коррекции и дополнения используемых методов.

Необходимость разработки концепции территориально-пространственного развития страны в начале 2000-х гг., в связи с изменением мировой обстановки, трансформацией экономических и социальных отношений под влиянием развития ИКТ, новым позиционированием России на мировой арене, выстраиванием новой структуры государственного управления, потребовала расширить предметные границы, сделать рассмотрение пространственного развития страны более комплексным.

Основоположник российской школы пространственного развития А. Г. Гранберг описывает пространственную парадигму следующим образом: «...экономика России – не монообъект, а многорегиональный организм, функционирующий на основе вертикальных (центр – регионы) и горизонтальных (межрегиональных) экономических, социальных и политических взаимодействий и входящий в систему мирохозяйственных связей» [30, с. 17]. Здесь мы видим выделение необходимо регионального среза анализа, т. е. анализ регионов и межрегиональных взаимодействий в контексте интеграции страны в глобализирующийся мир. Ключевой остается и проблема неравномерного регионального развития, усиленного глобализационными процессами.

Говоря о темпах экономического роста, – что часто звучит в публичном пространстве, является предметом дискуссий и притягивает внимание политических, общественных, экспертных сил на протяжении последних двадцати лет – А. Г. Гранберг постулирует необходимость включения в их оценку и прогнозирование пространственного аспекта экономического развития [30, с. 20]. Необходимо учитывать и контекст – экономический, географический, исторический, а не следовать меняющимся теориям и трендам. Несмотря на очевидность этих требований, они часто пренебрегаемы современной экономической наукой. Так, П. А. Минакир с соавторами констатирует неопределенность пространственной экономики, утверждая, что предпочтение отдается в целом временному аспекту в экономической науке, а не пространственному [103, с. 11]. Среди современных тенденций развития пространственной экономики П. А. Минакир называет тенденцию возникновения непланарного пространства, когда два региона могут взаимодействовать с друг другом напрямую, без связующих узлов и смежных пространств. То же проявляется и в геоэкономике, когда регион может самостоятельно выйти в глобальное экономическое пространство. Превращение регионов в активные субъекты, в самостоятельных игроков рынка, в том числе глобального, актуализировало вопросы их социального и институционального потенциала [Там же, с. 25]. Считаем, что в этом кроется одна из причин современного тренда тяготения регионологических исследований к комплексности, мультидисциплинарности. Ведь регион, становясь экономическим субъектом, подобно государству (вспомним парадигмы регион-квазигосударство, регион-квази-корпорация, регион-квазисоциум, предложенные А. Г. Гранбергом), неизбежно актуализирует свой институциональный, социально-культурный, ментальный потенциал, выстраивает свою идентичность и позиционирует себя в системе сложного переплетения взаимодействий внутри страны, в составе более крупного региона, в мире. Очевидно, что становится недостаточным его исследование лишь с экономической

стороны, даже в широком смысле. Как отмечает П. А. Ми-
накир, «на повестку дня выдвигается теоретическое и мето-
дологическое оформление нового подхода к системному
представлению экономики как взаимодействию микроэко-
номических агентов, регио-, макро- и глобальных взаимо-
действий» [103, с. 30]. Таким образом, взаимодействия на ре-
гиональном уровне утверждаются как необходимый элемент
современной пространственной экономики.

В целом в рамках российской школы пространственной
экономики исследуются вопросы неравномерного региональ-
ного развития, социально-экономическая дифференциация
регионов, влияние динамики межрегиональных отношений
(российских регионов) на национальное пространство, инте-
грационные и дезинтеграционные региональные процессы,
формирование региональных блоков. Так, в своих работах
А. Г. Гранберг отражает взаимодействия между российскими
регионами и соседними зарубежными странами (например,
российский Дальний Восток – Китай) [29, с. 9–10]. На наш
взгляд, это та область, которая обладает острой актуально-
стью сегодня и в то же время не получает достаточного осве-
щения как в отечественной, так и в иностранной литературе.

Обращает на себя внимание практическая ориентиро-
ванность проблемы регионального развития, в том числе
его неравномерности в работах А. Г. Гранберга, нацелен-
ность на объяснение существующих тенденций, прогнози-
рование и представление практических рекомендаций для
учета при планировании и реализации российским госу-
дарством долгосрочной социальной и социально-
экономической политики. Можно обозначить направлен-
ность школы региональной экономики под руководством
А. Г. Гранберга как формулирование комплексных страте-
гий пространственного развития России [29, с. 18]. Отметим,
что А. Г. Гранбергом дается комплексный, интегрирован-
ный взгляд на региональные проблемы, простирающийся
далеко за пределы экономического подхода.

Действительно, подобные работы имеют ярко выра-
женное практическое применение в связи с формулирова-

нием и разработкой в 2000-е гг. стратегий долгосрочного социально-экономического развития России. Это потребовало в том числе и концептуализации накопленного знания о регионе, анализа пространственных преимуществ и недостатков, пространственных процессов, прогнозирования региональных процессов территориального развития.

Необходимо отметить, что, хотя это в первую очередь взгляд экономиста и подход экономически-ориентированный, разработки школы А. Г. Гранберга по пространственному развитию России затрагивают вопросы взаимодействия между более развитыми и отстающими регионами, а также вопросы их взаимодействия с федеральным центром, другие социально-политические и политические аспекты, геополитические аспекты, этнические и конфессиональные особенности, которые попадают в поле исследования неизбежно, поскольку влияют на социально-экономическую динамику регионов, страны и мира.

Мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход (разработки под руководством И. Н. Барыгина). Авторский коллектив (В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич, И. Н. Белобородова, А. В. Дука) учебного пособия «Регионоведение», получившего второе издание в 2019 г., под руководством И. Н. Барыгина представили «оригинальную интерпретацию предмета регионоведения в рамках междисциплинарного и мультипарадигмального подходов, что соответствует важнейшей тенденции интеграции научного знания» [138, с. 13]. В рамках предложенного подхода подчеркивается опасность делать акцент на лингвистической, или историко-культурной, или экономической составляющей; продвигается мультидисциплинарный подход.

Стержневая идея предложенного подхода заключается в том, что работа с мультидисциплинарным уровнем исследования неизбежно приводит к необходимости иметь дело с мультипарадигмальностью [138, с. 32]. Исследователи отмечают, что решение проблемы мультипарадигмальности лежит в поиске «взаимоприемлемых» для ряда научных дисциплин парадигм, а также в конструировании таковых

[138, с. 32–33]. Использование такого подхода, как верно подмечают его авторы, помогает определить место регионоведения в системе общественных наук с помощью такого параметра, как близость парадигм. В качестве примера таких (взаимоприемлемых целым рядом дисциплин) парадигм авторы приводят гендерную, постмодернистскую, глобализационную парадигмы.

Отправной точкой мультидисциплинарного мультипарадигмального подхода становится уже знакомый нам конгломерат политологии, экономики и социологии, к которому, как можно увидеть из содержания работ школы, добавляются географический и социокультурный компоненты.

Школа Южного федерального университета (под руководством Ю. Г. Волкова) возникла в 1998 г. с появлением отделения регионоведения в структуре ИППК РГУ. Необходимо отметить, что школа во многом фокусируется на регионе Северного Кавказа и Юга России, соответственно, отталкивается от специфики и проблематики указанных регионов, в связи с чем она частично могла быть отнесена к монорегиональным. Вместе с тем регионы рассматриваются в контексте глобальных тенденций. Школой активно применяется междисциплинарный подход, при этом стержневым подходом выступает, на наш взгляд, социологический. Для школы характерен также проблемный подход: в качестве ключевых региональных проблем исследуются проблемы региональной и национальной безопасности, вопросы этнической идентичности и межнациональных отношений [17, с. 112–113; 18].

Видный представитель школы А. В. Лубский разработал методологию регионологических исследований, базирующуюся на геопространственном подходе и рассматриваемую через ряд парадигм: географическую, геоисторическую, геополитическую, геоэкономическую, геоидеологическую, георелигиозную и геокультурную. Не случайно целых три из указанных парадигм относятся к широкой области культуры: для школы характерна социокультурная направленность. Эта направленность прослеживается и в

описании методологических проблем регионологических исследований, к ряду которых А. В. Лубский относит ментальные программы, социальное поведение, этническую идентичность, межэтнические отношения. При этом общий подход к региональным исследованиям остается междисциплинарным.

Подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского. Отдельно выделим подход, предложенный В. А. Дергачевым и Л. Б. Вардомским в их труде «Регионоведение» (2010 г.). В его основу в том числе положены разработки Института геополитики профессора Дергачева – сетевого проекта, аналитического и образовательного портала [63]. Указанный подход получил широкую известность в российском академическом пространстве, данный труд широко используется в преподавании регионоведческих дисциплин. При этом подход значительно отличается от остальных российских школ. В. А. Дергачев и Л. Б. Вардомский рассматривают регионоведение как комплексную дисциплину, предусматривающую системный подход и методологически основывающуюся на регионалистике. Авторы подхода предполагают, что регионоведение изучает «региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных и межрегиональных отношений» [46, с. 3]. В фокусе исследования – региональные группировки, интеграционные процессы, регионализм, региональное сотрудничество, т. е. акцентирована региональная составляющая в международных отношениях. Исследователи предлагают комплексный, синтезированный подход, однако комплексность и синтез относятся не к изучению страны (это, по их мнению, прерогатива страноведения), а к процессам регионализации и взаимодействия региона с другими регионами и миром. В сущности, при таком подходе регионоведение рассматривается как часть теории международных отношений. Регионоведение предстает аналитической дисциплиной, исследующей факторы регионального развития с позиций междисциплинарного подхода. В теоретическом плане регионоведение основывается на ряде географических, экономических, геополитических, геоэкономических, социаль-

ных теорий. В. А. Дергачев и Л. Б. Вардомский определяют регионоведение так: «прикладная учебная дисциплина, изучающая региональные группировки, страны и их регионы как субъекты международных отношений» [46, с. 507]. Исследователи подчеркивают, что регионоведение активно задействует геополитический и цивилизационный подходы.

Отметим, что, на наш взгляд, в таком подходе прослеживаются общие тенденции с мировым комплексным регионоведением. И то и другое направление тяготеет к области международных отношений. В мировом комплексном регионоведении не делается акцент на субъектность регионов, хорошо выражен национальный уровень при признании важности регионов и интеграционных объединений как сильных игроков. Тем не менее построение модели социального порядка находится в ведении национального государства.

Подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского можно рассматривать как региональный уровень, региональный срез международных отношений, актуализированный усилением регионального фактора международных отношений, что заставило сместить фокус внимания с национальных государств на регионы и региональные группировки, а развитие регионализационных процессов заставило изучать их закономерности.

Анализ описанных выше регионологических школ и направлений дает возможность сделать некоторые выводы об их специфике.

3.2.4. Особенности российских регионологических школ и направлений

Выделим несколько характерных особенностей, наблюдаемых у российских школ регионологического знания:

1) поляризация самоопределения школ как мультидисциплинарных, комплексных, с одной стороны, и доминантно-дисциплинарных (с позиционированием уклона – историко-философского, филологического, экономического и т. д.) – с другой;

2) наличие «точки опоры», т. е. одной или нескольких наук, на которых базируются как мультидисциплинарные, так и доминантно-дисциплинарные направления;

3) важное значение востоковедческого знания и азиатского вектора в развитии регионологического знания как науки, отражающей межрегиональные процессы, которые характеризуются постепенным наступлением незападной (в целом – дальневосточной, в частности – китаизированной) системы межрегиональных отношений;

2) включение в исследовательское поле проблем регионального развития (российского и мирового уровня);

3) высокий уровень контекстуализации регионологических исследований;

4) включение в исследование отношений «регион – центр», что обусловлено федеративным устройством России;

5) динамичное развитие, тенденция к быстрому «улавливанию» трендов (возможные факторы – резкая трансформация регионального устройства страны и изменение ее положения в евразийском и мировом пространстве в 1990-е гг., что вызвало необходимость быстрого поиска решений и критического пересмотра накопленных регионологических знаний).

3.3. НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА В СФЕРЕ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Одним из существенных факторов развития регионологического знания на постсоветском пространстве стала научно-публицистическая деятельность. С начала 1990-х гг. в России один за другим возникали и развивались регионологические журналы. Среди них можно выделить частично регионологические и собственно регионологические, а последние, в свою очередь, подразделяются так же, как направления и школы, на издания доминантно-дисциплинарные/мультидисциплинарные, монорегиональные/трансрегиональные.

Частично регионологическими являются те, в которых регионологическое знание представлено как одна из значимых, но не единственная часть. Среди них вестники вузов: «Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология» (с 2007 г.), «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения» (с 2001 г.), «Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Международные отношения, Политология, Регионоведение» (2003–2006 гг.), «Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение» (2007–2018 гг.) и др.

Среди *собственно регионологических* журналов *доминантно-дисциплинарными* можно назвать «Педагогическое регионоведение» (с 2012 г.), «Филологическая регионалистика» (с 2009 г.), «Региональные политические исследования» (2008–2015 гг.), «Биосферная совместимость: человек, регион, технологии» (с 2013 г.), «Россия и Запад: диалог культур» (с 2012 г.) и др.

Монорегиональных журналов огромное множество. Они могут быть посвящены как отдельным регионам России (местные краеведческие и регионоведческие журналы), так

и региональному развитию России в целом (например, «АПК: регионы России», 2001–2013 гг.), зарубежным странам и регионам («Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право», с 1999 г.; «Балтийский регион», с 2009 г.), отраслям науки, изучающим регионы и страны мира: востоковедение, европоведение, американистика, вьетнамоведение.

К *трансрегиональным* и *одновременно мультидисциплинарным*⁷ можно отнести журналы «Регионалистика» (с 2014 г.), «Ойкумена. Регионоведческие исследования» (с 2006 г.), «Региональные исследования» (с 2002 г.), «Регионология» (с 1992 г.), «Псковский регионологический журнал» (с 2006 г.), «Альтернативы регионального развития» (2011 г.) и др.

Для выявления наиболее актуальных проблем за последние несколько лет журналов регионологической проблематики был взят 30-летний интервал – по большей части постсоветский и характеризующийся институционализацией регионологии как научного направления. В качестве объекта исследования, который, по нашему мнению, может репрезентативно представить трансрегиональную и мультидисциплинарную часть научно-публицистической сферы регионологического знания, были отобраны четыре ведущих регионологических журнала: «Регионология», «Региональные исследования», «Регионалистика», «Ойкумена. Регионоведческие исследования». Выбор названных журналов обусловлен сочетанием нескольких факторов: высокий статус (все журналы в списке Высшей аттестационной комиссии), продолжение публикации номеров на настоящий момент, а также их трансрегиональный и мультидисциплинарный характер [54]. Кратко характеризуя эти журналы, следует обратить внимание на специфику работы каждого.

⁷ К мультидисциплинарным мы относим их с долей условности: в современном научно-публицистическом поле сложилось неприятие к термину «мультидисциплинарный» по отношению к периодическим научным изданиям, поэтому сами журналы заявляют себя как не относящиеся к мультидисциплинарным.

«Регионология» издается с октября 1992 г., выпуски появляются раз в три месяца. Периодичность выпусков – ежеквартально. В качестве базовых целей и задач журнал заявляет следующие [139]:

1) освещение актуальных проблем государственного устройства Российской Федерации и зарубежных стран, особенностей региональных политических режимов в современном мире;

2) описание процессов, происходящих в регионах в экономической, социальной и политической жизни;

3) представление результатов оригинальных социологических исследований, проводившихся в том или ином субъекте Российской Федерации или в зарубежной стране;

4) распространение предложений ученых и практиков для выработки научно обоснованных механизмов и практико-ориентированных стратегий гармоничного развития субъектов Российской Федерации и зарубежных стран.

Журнал «Региональные исследования» создан в 2002 г, выходит четыре раза в год. Он публикует «научные статьи по методологии, теории, методике и практике региональных исследований в России и за рубежом. Публикация материалов в журнале “Региональные исследования” вносит свой вклад в развитие социально-экономической географии и смежных региональных наук, способствует формированию и развитию связей в научном сообществе» [136].

Журнал «Ойкумена. Регионоведческие исследования» учрежден в декабре 2006 г., выходит раз в три месяца. Своей основной целью он видит «содействие разработке методологии междисциплинарного синтеза знаний о региональных (социально-территориальных) системах, а также планированию на ее основе регионоведческих исследований и региональной политики» [112].

Журнал «Регионалистика» – это электронное издание, основанное в 2014 г., оно учреждено «как платформа для междисциплинарного диалога исследователей, занимающихся изучением регионов. Целью издания журнала является публикация важнейших результатов исследований закономерностей развития отдельных регионов и межрегио-

нальных взаимодействий» [135]. Кроме того, журнал активно участвует в разработке теории регионологического знания [45].

В ходе исследования была изучена проблематика статей, опубликованных в указанных журналах, за каждое из трех последних десятилетий. Отдавая себе отчет, что некоторые статьи междисциплинарного характера могут быть отнесены к нескольким типам тематики, их содержание внимательно анализировалось и в случае обнаружения смежной тематики, статья относилась к нескольким темам [54].

«Регионология». При анализе статей разной тематики, затрагивающих различные сферы, было выявлено, что преобладающая проблематика претерпевала трансформации в разные периоды. В 1992–1999 гг. 45 % статей были посвящены науке и образованию (226 статей), 28 % – политике (140 статей) и 11 % экономике (53 статьи). В 2000–2009 гг. науке и образованию посвящено практически столько же статей по количеству (247 статей), но они составили 21 % от всех статей, 22 % статей было посвящено экономике (254 статьи), 17 % – социологии (199 статей), 16 % – политике (183 статьи). В 2010–2019 гг. стали преобладать статьи, отражающие вопросы социологии (25 %, 247 статей) и экономики (22 %, 226 статей). Политике посвящены 14 % (143 статьи) и культуре России – 12 % (117 статей), последняя тематика заметно «подросла» по сравнению с первым десятилетием [Там же].

Явный рост экономической проблематики и процентное падение политической побудил на обратить внимание на более подробное изучение этих двух направлений. Если сравнивать отражение этих направлений в соотношении «статьи о России / статьи о других странах», то перед нами предстает следующая картина (табл. 1).

Можно зафиксировать, что в журнале, как и в текущем общественно-политическом дискурсе, снижается обсуждение внутриполитической тематики с ее переключением на внешнеполитическую повестку. Внутренняя регионологическая тематика заполняется социологической и культурной проблематикой.

Таблица 1

Количество статей политической и экономической проблематики
в журнале «Регионоведение»

Период	Политология		Экономика	
	Политика России	Политика других стран и регионов	Экономика России	Экономика других стран и регионов
1992–1999 гг.	139	1	53	–
2000–2009 гг.	173	10	254	–
2010–2019 гг.	130	13	221	5

В «Регионоведении» публикуются представители разных вузов и научных организаций, кроме того, журнал в значительной степени сосредоточен на представлении результатов научных исследований, проведенных в МГУ им. Н. П. Огарева. В журнале размещали свои статьи ведущие ученые вуза: политологи-регионоведы И. В. Бахлов и О. В. Бахлова, социологи-регионоведы В. А. Писачкин, С. В. Полутин, К. В. Фофанова, В. В. Козин и др. [54].

«Региональные исследования». Журнал, как указывалось выше, публикует статьи с 2002 г., и на протяжении этих двух десятилетий наиболее актуальной остается проблематика социально-экономической географии. Если рассматривать то, к какой отрасли наук более тяготеет тематика статей, то самыми востребованными оказались статьи по экономике (37 % статей в 2002–2009 гг. и 27 % в 2010–2019 гг.), теории и методике региональных исследований (25 % статей в 2002–2009 гг. и 20 % в 2010–2019 гг.) и социологии (19 % статей в 2002–2009 гг. и 16 % в 2010–2019 гг.) [Там же]. В конце анализируемого периода заметно вырос уклон в сторону географии, и незначительно – в сторону политологии, при этом в процентном отношении этот показатель снизился.

Соотношение проблематики можно проследить по табл. 2, из данных которой видно, что российская тематика в значительной степени преобладает над международной.

С одной стороны, среди авторов журнала – представители различных организаций и вузов, а также научных направлений, с другой – он также имеет фокус на определенных научных школах (Смоленском государственном университете, Балтийском федеральном университете им. И. Канта и МГУ им. М. В. Ломоносова) и представителях географической науки. В журнал публиковали свои разработки такие известные географы-регионологи, как В. Л. Бабурин, А. Г. Махрова (МГУ), А. П. Катровский, Л. Ю. Маляр, Т. И. Потоцкая, М. С. Савоскул (СмоЛГУ), П. Я. Бакланов (Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения Российской академии наук).

Таблица 2

Количество статей по научным отраслям
в журнале «Региональные исследования»

Научная отрасль	Проблематика	Годы	
		2002–2009	2010–2019
Социология	Социологическая проблематика (Россия)	28	86
	Социологическая проблематика в целом	6	7
	Социологическая проблематика других стран и регионов	5	7
Экономика	Экономика России	45	104
	Экономика в целом	18	37
	Экономика других стран и регионов	11	24
Экология	Экология России	8	24
	Экология других стран и регионов	1	4
География	География России	8	85
	География в целом	5	21
	География других стран и регионов	1	15
Политология	Политика России	4	15
	Политика в целом	2	3
	Политика других стран и регионов	1	4

«Ойкумена. Регионоведческие исследования». В 2006–2009 гг. 25 % всех материалов журнала были посвящена политике, 21 % статей анализировали культурные процессы, важное место занимали также статьи, посвященные экономике (12 % от всех статей), социологии (13 %), науке и

образованию (12 %). Остальная тематика (теория и методология регионологических исследований, география, природопользование и экология, история) представлена в статьях значительно реже [54].

В 2010–2019 гг. общее количество статей выросло в 4,2 раза. Соотношение тематики в журнале осталось сходным с предыдущим десятилетием: 28 % статей были о политике, снизилась лишь доля работ по культурной проблематике (до 13 % от общего числа). На прежнем уровне сохранились показатели экономики и социологии. Не слишком сильно повысилась доля материалов по истории, а также по науке и образованию [Там же]. Анализируя статьи по политологии, следует обратить внимание что количество статей по зарубежной политике выше, чем статей по российской, это общий показатель для двух десятилетий (табл. 3).

Таблица 3

Количество статей в журнале «Ойкумена. Регионоведческие исследования», посвященных России и другим регионам

Тематика	Регионы	2006– 2009 гг.	2010– 2019 гг.
География	Россия	1	7
	Другие страны и регионы	1	3
Экономика	Россия	11	53
	Другие страны и регионы	6	25
Экология и природопользование	Россия	2	7
	Другие страны и регионы	0	2
Социология	Россия	17	71
	Другие страны и регионы	1	16
Культура	Россия	20	63
	Другие страны и регионы	10	15
Политика	Россия	16	77
	Другие страны и регионы	22	92
Наука и образование	Россия	16	84
	Другие страны и регионы	1	5
История	Россия	7	63
	Другие страны и регионы	5	10

Результаты своей научной деятельности в «Ойкумене» издают ученые из разных регионов России, а также других стран АТР и СНГ, при этом, как и у других журналов, сохраняется региональный компонент: чаще всего в издании можно увидеть работы специалистов научных школ Владивостока и Дальнего Востока. В журнале публиковались материалы научной работы таких известных ученых Дальневосточного федерального университета, как историков-регионоведов Я. А. Барбенко, Е. В. Журбей, политологов-регионоведов И. Н. Золотухина, А. А. Киреева, а также историка-регионоведа Морской академии Морского государственного университета им. адмирала Г. И. Невельского и др. [54].

«Регионалистика». Журнал издается с 2014 г. Из данных, полученных по журналу, можно видеть, что более половины статей (56 %) – это экономические публикации. Следующую позицию занимают статьи по социологии, их доля составляет 16 % от общего числа, и по науке и образованию (их 10 %). Остальная тематика (политика – 14 %, природопользование – 11 %, история – 9 %, география – 8 %) менее отражена в статьях анализируемого журнала (табл. 4) [Там же].

Таблица 4

Количество статей в журнале «Регионалистика», посвященных России и другим регионам

Регионы, нашедшие отражение в статьях по экономике	Количество статей
Россия	119
Россия и Китай	4
Китай	3
Казахстан	1
КНДР	1
Россия, КНДР, Республика Корея	1
Азиатско-Тихоокеанский регион	1

Журнал «Регионалистика», кроме широкой географии авторов многих регионов нашей страны и зарубежья, также нацелен на представление результатов работы, проведен-

ной научными сотрудниками Института экономических исследований ДВО РАН. К авторам статей, опубликованных в издании, относятся такие ведущие ученые указанного института, как географ-регионовед А. Н. Демьяненко, экономисты-регионоведы Н. Е. Антонова, П. А. Минакир, С. Н. Найден, Д. А. Изотов, А. Г. Исаев, В. Н. Украинский и др. [54].

На основе данных по четырем проанализированным журналам можно выделить наиболее актуальную проблематику последних трех десятилетий (рис. 1).

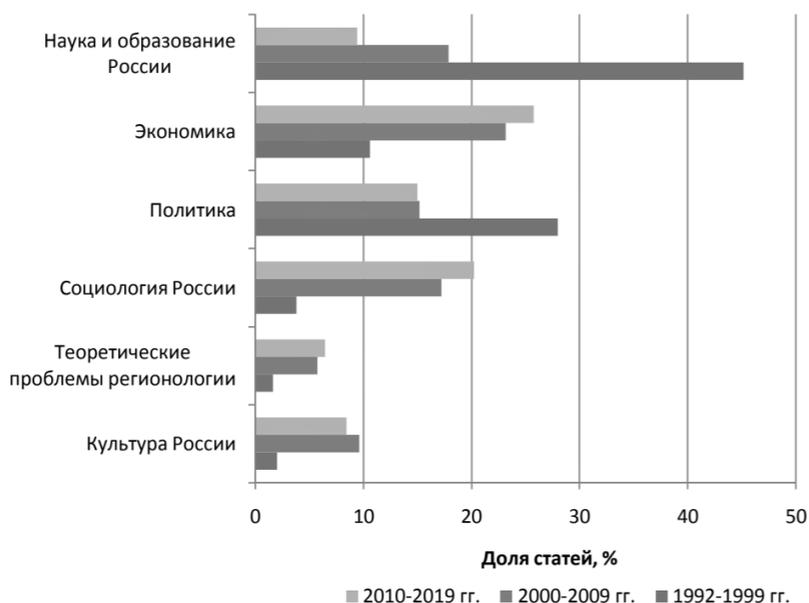

Рис. 1. Тематика статей анализируемых журналов

В 1992–1999 гг. значительное место в проблематике статей занимали наука и образование, а также политика, что представляется логичным в период социально-политических и экономических изменений в российском социуме [54]. Кроме того, это может быть связано с политикой редакции журнала «Регионоведение», которая поставила пе-

ред собой следующую задачу: «важным направлением деятельности журнала должна стать тесная связь с учебным процессом в высшей школе, с подготовкой новых поколений специалистов к профессиональному решению региональных проблем» [127, с. 3]. Поэтому важное место в выпусках журнала этого периода уделяется проблемам, связанным с научной жизнью и образовательными процессами в регионе [54].

В 2000–2009 гг. в журналах публиковались статьи по всем выделенным тематикам, их соотношение колеблется не слишком сильно. Нашли отражение в статьях вопросы экономики, социологии, политики, а также наука и образование. В 2000–2009 гг. наиболее актуальной тематикой является экономика: в начале 2000-х России пришлось справиться со сложной экономической ситуацией после событий 1990-х гг., а затем искать выход из последствий мирового экономического кризиса 2008 г. [Там же].

В последние годы анализируемого периода среди актуальной тематики преобладают статьи по экономике, социологии и политике, и экономика с большим отрывом уходит вперед. В середине последнего десятилетия Россия снова столкнулась с проблемой экономического кризиса. Развитие региональной экономики – одна из первостепенных задач, в связи с чем многие отечественные регионалисты активно разрабатывают эту проблематику. Вместе с тем актуальная проблематика всех изданий носит явный мультидисциплинарный характер [Там же].

Большая часть публикуемых материалов в анализируемых научных журналах была сосредоточена на проблемах регионального развития России. Международная проблематика в них также присутствует, но в значительно меньшей степени, в частности, во всех журналах политика других стран занимает больший процент, чем региональная политика в России. Можно констатировать, что ведущие представители российской научной публицистики в сфере регионалистического знания следуют за нуждами развития страны и отражают тенденции общего социально-экономического и социально-политического дискурса в России.

Кроме того, следует отметить, что все исследованные журналы сосредоточены на двух направлениях: с одной стороны, на представлении и популяризации результатов научных исследований разных регионов России и зарубежных стран, с другой стороны, на результатах региональных научных школ, что позволяет поддерживать и усиливать развитие регионологии в регионах.

3.4. РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАНИЕ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

В 1990-е гг. в России появилась новая специальность – «Регионоведение». Некоторое время она существовала как самостоятельное направление, а с образованием укрупненной группы «Политические науки и регионоведение» в 2000-е гг. стала ее частью. Тогда же специалитет в массовом порядке заменили два уровня высшего образования, уже существовавших ранее – бакалавриат и магистратуру, а регионоведение разделили на два направления: регионоведение России и зарубежное регионоведение. В рамках этой образовательной парадигмы регионоведение как направление подготовки существует в настоящий момент.

Эволюция требований к специалисту в области регионоведения. При анализе процессов трансформации требований к регионоведу приходится учитывать несколько важных моментов. Во-первых, в большинстве стран как Запада, так и Востока, где активно развивается регионоведение как направление подготовки, правительство излагает лишь общие принципы и рекомендации по организации учебного процесса, тогда как в России для подавляющего большинства вузов действуют обязательные к исполнению образовательные стандарты (исключение составляет небольшое число российских вузов, которым позволено разрабатывать стандарты самим). В других странах это приводит к довольно разношерстной картине в плане наполнения учебного плана и его задач в зависимости от конкретных

требований рынка, региона, а также представлений конкретного вуза о том, что из себя должен представлять специалист-регионовед. В России же степень вариативности менялась в зависимости от действующего в конкретный период образовательного стандарта. Вторым важным моментом является то, что в России сосуществуют три ступени высшего образования: бакалавриат, специалитет, магистратура, в разные отрезки времени занимая различное место по своей значимости в системе высшего образования. Исходя из того, что требования к подготовке на разных ступенях формулировались в единой образовательной парадигме лишь с учетом повышения сложности задач на каждом из уровней, мы анализировали общую эволюцию регионоведения, а на различия уровней обращали внимание лишь в те моменты, когда они были принципиальными.

Сфера профессиональной деятельности. В бакалаврском стандарте 1993 г. сфера профессиональной деятельности определяется как сфера «эксперта, консультанта, референта-переводчика на основе комплексного изучения региона (страны) и его обитателей: истории и этнографии, экономики и политики, науки и культуры, религии, языка и литературы, традиций и ценностей» [26]. Эта формулировка перекочевала и в стандарт специалитета 1997 г. В 2009 г. с введением новых стандартов начался отход от перечисления конкретных профессий, и область деятельности стала формулироваться иначе: «предоставление информационных, коммуникационных, аналитических, консультационных, образовательных и иных услуг организациям и частным лицам, нуждающимся в комплексной систематизированной информации о зарубежных странах и регионах» [174; 175]. Это положение сохранялось и в редакциях стандартов 2015–2016 гг., до тех пор, пока сферу профессиональной деятельности не стали отдавать на откуп так называемым профессиональным стандартам. Это определило иную формулировку профессиональной сферы регионоведа в образовательных стандартах по зарубежному регионоведению от 2017 г. Они стали привязывать деятель-

ность, связанную с зарубежными странами и регионами, к сферам, определяемым профессиональными стандартами: образование и наука, культура и искусство, связь, информационные и коммуникационные технологии, административно-управленческая и офисная деятельность, СМИ, издательство и полиграфия, допуская и другие сферы, где требуются компетенции регионоведа [172; 173].

Требования к уровню подготовки. Начиная с 2009 г. в стандартах появилось слово «компетенции», но требования в таком же виде («способен...», «готовен...», «понимает...», «владеет...» и т. п.) формулировались и в ранних стандартах. Первоначально, в стандарте 1993 г., требования были довольно высокими и очень конкретными, включали подробные компетенции в рамках математических и естественно-научных дисциплин⁸, но уже в 1997 г. математический и естественно-научный компонент несколько сокращается и лишается прежней конкретики [27]. Эта тенденция сохраняется и далее. В стандартах 2009–2010 гг. отдельные требования по математическим и естественно-научным дисциплинам исчезают, частично фиксируясь лишь в рамках отдельных компетенций: «уметь применять знания в области... информатики и математического анализа... составлять комплексную характеристику региона специализации с учетом его физико-географических... особенностей» и т. п. На первое место выходят компетенции общекультурного, общепрофессионального и профессионального значения [174; 175]. С одной стороны, эти изменения коснулись требований к специалистам всех направлений. С другой – регионоведение необоснованно разорвало более четкие и конкретизированные связи с необходимыми

⁸ В частности, иметь представление «о соотношении порядка и беспорядка в природе, упорядоченности строения физических объектов, перехода из упорядоченных в неупорядоченные состояния и наоборот; о самоорганизации в живой и неживой природе; об иерархии структурных элементов материи от микро- до макро- и мегамира; о взаимосвязях между физическими, химическими и биологическими процессами; о специфике живого, принципах эволюции, воспроизводства и развития живых систем и их целостности и гомеостазе» [26] и т. п.

ему для дальнейшего развития науками – точными и естественными. В целом же дальнейшее обобщение требований к подготовке регионоведов привело к устранению из образовательных стандартов и самих профессиональных компетенций. Стандарты 2017 г. устанавливают лишь универсальные (единые для всех направлений подготовки) и общепрофессиональные (единые для всей укрупненной группы, т. е. для программ по политологии, международным отношениям, публичной политике), а для формулирования профессиональных компетенций предлагают два способа: брать их из рекомендованных примерных образовательных программ и формулировать на основе профессиональных стандартов. С одной стороны, это развязывает руки вузам в подготовке специалистов, востребованных в регионе, с другой – привязывает требования к пока не оправдавшей себя системе профессиональных стандартов: рынок и социум развиваются сегодня столь динамично, а вымирание или тотальная трансформация уже в ближайшие 10–15 лет грозят столь значительному числу профессий, что принимаемые на государственном уровне требования к этой сфере не способны поспевать за скоростью этих изменений. Следовательно, как сама концепция профессиональных стандартов требует пересмотра, так и привязка к ним профессиональных компетенций.

Дисциплины, обязательные к освоению. В соответствии с общей тенденцией количество обязательных дисциплин по регионоведению значительно сократилось. В 1993 г., кроме дисциплин, устанавливаемых вузом, стандарт предусматривал философию, иностранный язык, культурологию, историю, правоведение, политологию, социологию, психологию и педагогику, экономику, физическую культуру (цикл общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин), математику и информатику, концепции современного естествознания (цикл общих математических и естественно-научных дисциплин), основной язык, историю, культуру, этнологию, религиозную ситуацию, экономическую географию, экономику, социально-политическую си-

стему, международные отношения, международные экономические отношения, историю литературы изучаемого региона (страны) (цикл общепрофессиональных дисциплин направления) [26]. Довольно сильный уклон регионоведения в сторону политологии и международных отношений обнаруживается уже в стандарте 1997 г., когда к указанному перечню добавляются специальные дисциплины, в списке которых, наряду с мировой экономикой и информационно-аналитической работой, присутствовали международное право, международные интеграционные процессы, международные организации, региональная и национальная безопасность, региональные конфликты в современном мире, процесс формирования внешней политики, дипломатия и ведение переговоров, основные направления региональной политики Российской Федерации, муниципальное управление и местное самоуправление, государственная служба в регионе. Эти дисциплины допускалось сокращать в пределах не более, чем на две-три.

Что касается стандартов 2009 и 2010 гг., то бакалаврские и магистерские стандарты существенно разошлись с точки зрения обязательных дисциплин. В бакалаврских стандартах все еще присутствовал математический и естественно-научный блок, но относительно большинства дисциплин этого и всех других циклов (их список был существенно сокращен) эти стандарты носили рекомендательный характер, обязательными были только история, философия, иностранный язык и безопасность жизнедеятельности [174]. Иная картина выстраивалась в магистерском стандарте: он предписывал обязательное изучение истории и методологии зарубежного комплексного регионоведения и иностранного языка (общенаучный цикл), а также курсов по региону специализации: его языка, этнопсихологии, социально-политической мысли, политических систем и культур, процессов модернизации и трансформации, проблем безопасности и конфликтов, интеграционных процессов, актуальных социально-экономических проблем и политики России в регионе специализации [175]. В этом стан-

дарте также виден сильный уклон в сферу политологии и международных отношений.

Несмотря на то что в стандартах 2015 и 2016 гг. уже отсутствовали рекомендуемые дисциплины профессионального характера, политологический уклон сохранялся в компетенциях, на основе которых эти дисциплины должны были составляться. В частности, в части изучаемых методов бакалаврам-регионоведам предписывалось владеть «способностью применять научные подходы, концепции и методы, выработанные в рамках теории международных отношений, сравнительной политологии, экономической теории к исследованию конкретных страновых и региональных проблем» [170; 171], значительная часть профессиональных компетенций бакалавров и магистров привязывалась к теории международных отношений и социально-политическим процессам.

Отсутствие рекомендательных дисциплин и профессиональных компетенций в стандартах 2017 г. некоторым образом изменило ситуацию: в настоящее время политологический уклон с формальной точки зрения остался лишь в том, что регионоведение по-прежнему включено в укрупненную группу «Политические науки и регионоведение», однако он очевидно появится с утверждением примерных образовательных программ: наиболее значимую роль в разработке как стандартов, так и примерных программ играет регионоведческая школа МГИМО, в рамках которой, как уже указывалось выше, регионоведение рассматривается как часть науки о международных отношениях. Тем не менее дискуссии о том, какой именно уклон должен быть у регионоведения, сохраняют свою актуальность.

Подходы к выбору целей и задач подготовки регионоведов. Анализ программ различных вузов позволяет выделить следующие подходы в выборе целей и задач:

1) стандарто-ориентированный: один из самых распространенных подходов, программа вуза строится от целей и задач, указанных в образовательном стандарте, а регион исследований конкретизируется максимально обобщенно и

часто в соответствии с предыдущими стандартами: азиатские исследования, европейские исследования и т. п.;

2) ориентированный на научную школу: выбор делается в соответствии с основными направлениями научных исследований подразделений вуза, в которых реализуется программа подготовки регионоведов;

3) регионально-ориентированный: цели и задачи формулируются в соответствии с региональным расположением вуза;

4) проблемно-ориентированный: в соответствии с базовой проблемой развития регионов, выделяемой вузом в качестве приоритетной.

Первый подход – *стандарто-ориентированный* – свойственен довольно большому количеству программ по регионоведению вузов России. Такой подход продиктован не столько отсутствием инициативы и авторского подхода к образовательным программам, сколько жесткостью и буквализмом аккредитационных проверок последнего десятилетия, следствием чего становится нежелание вузов отступать от требований федеральных стандартов во избежание проблем с проверяющими комиссиями.

Второй подход – *ориентированный на научную школу* – применяется, как уже описывалось выше, в МГИМО, где основой подготовки являются политология и международные отношения, с выделением также мировой экономической проблематики. В частности, бакалавриат ведет прием на профиль «Дипломатия и политика зарубежных стран», что же касается магистратуры по зарубежному регионоведению в МГИМО, то «целью программы “Политика и экономика регионов мира” является подготовка специалистов, которые могут применять знания о ключевых тенденциях и проблемах международных отношений, региональной проблематики, мировой экономики, процессов развития и модернизации для прикладного анализа различных стран и регионов мира» [129].

Подобного подхода, но в социокультурной и лингвистической сфере, придерживается факультет иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова. Это

направление совмещает «свободное владение несколькими иностранными языками с комплексным изучением того или иного региона, практическими знаниями, позволяющими анализировать современную ситуацию и прогнозировать развитие региона. Такой уникальный для этой специальности подход с особым акцентом на гуманитарный аспект, на этносоциальную мировую структуру позволяет выпускникам занять свое место в мире, где потребности в установлении межличностных и межкультурных контактов становятся все более острыми» [92]. В целом это довольно привычная практика для российских вузов, ее использование можно проследить не только на столичных, но и на региональных вузах.

Третий подход – *регионально-ориентированный* – свойственен некоторым региональным университетам. В этих случаях регионоведение сосредоточивается на комплексном изучении своего или близкого к своему региону, их специфики, особенностей развития, роли и места в межрегиональных отношениях, при этом границы «своего» и «близкого к своему» регионов вуз может моделировать самостоятельно. Так, Северный (Арктический) федеральный университет реализует программу бакалавриата «Арктический регион России» и программу магистратуры «Европейские исследования: арктический вектор»: «выпускники программы – это специалисты с междисциплинарной подготовкой, способные решать принципиально новые задачи в различных сферах трансграничного сотрудничества в североевропейском и арктическом регионе (в политике, экономике, экологии, культуре, науке, образовании и социальной сферах)» [50]. По тому же принципу ведется подготовка на программах магистратуры «Арктическое регионоведение» в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова, «Турция и Кавказский макрорегион: социально-политические и этноконфессиональные процессы» в Южном федеральном университете, «Южный Кавказ в мировой политике и международных отношениях» в Северо-Осетинском государственном университете имени Коста Левановича Хетагурова» и т. д. Как видно из примеров,

«политический» фактор может влиять, а может и не влиять на выбор профиля программы.

Четвертый подход – *проблемно-ориентированный* – определяется тем, какие именно цели и задачи считает наиболее важными для регионоведения каждый конкретный вуз. В частности, департамент зарубежного регионоведения Высшей школы экономики полагает, что данное направление подготовки «призвано работать на продвижение национальных интересов за рубежом, укрепление позиций России на международных рынках, обеспечение политической поддержки в странах – потенциальных партнерах, привлечение иностранных инвестиций и инновационных технологий для развития собственной промышленности» [16]. Идею продвижения интересов России последовательно постулирует НИУ ВШЭ в трех сферах, которые департамент считает базовыми для регионоведения: экономической, политической и культурной. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ в качестве приоритетной задачи регионоведения видит установление межрегиональных связей и консалтинг в сфере международных проектов (туризм, экономика, геополитика и т. п.), именно на этом принципе строятся их программы.

Два из четырех перечисленных подходов обнаруживают ранее описанный дисциплинарный уклон: стандартно-ориентированный подход предлагает вузам «политологический» путь развития регионоведения, а ориентир на научную школу – любой другой доминантно-дисциплинарный путь с сохранением «точки опоры» в виде базовой науки или конгломерата нескольких, чаще всего двух-трех базовых наук.

3.5. ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНАЯ РЕГИОНОЛОГИЯ КАК ОТВЕТ НА ВЫЗОВЫ РЕГИОНОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ В XXI В.

Выявленная проблема «уклона» регионологии как в доминантно-дисциплинарных, так и в мультидисциплинарных направлениях потребует решения в ближайшие годы: увеличивающаяся необходимость изучения усиливающихся региональных и глобальных процессов требует привлечения методов и инструментария целого комплекса наук. Региональное развитие определяется сегодня столь сложным комплексом факторов, что сосредоточенность даже на междисциплинарном конгломерате не дает полную картину. Ответом на этот вызов все чаще становится трансдисциплинарный подход, открывающий исследователю новые горизонты⁹. Приобретая такое качество как трансдисциплинарность, регионология поднимается на иной уровень. К таким выводам приходят ученые разных стран. Так, в докладе Научного совета Японии о перспективах региональных исследований в качестве одной из важнейших задач этой области постулируется организация новой системы научного знания, способствующей построению иных форм отношений человека и природы и соединяющей достижения естественных и социально-гуманитарных наук. Такая система должна быть способна аккумулировать, обрабатывать и передавать информацию об объектах изучения: достичь этого можно через совершенствование региональной информатики, берущей на вооружение географическую ин-

⁹ Разницу между междисциплинарным и трансдисциплинарным знанием Л. П. Кнященко и В. И. Моисеев определяют так: «ситуация междисциплинарности – это ситуация переноса знания из одной дисциплинарной области в другую при сохранении дисциплинарных делений. Иными словами, междисциплинарность методологически дополнительно обогащает то, что определено внутри дисциплинарных делений... Ситуация трансдисциплинарности... предполагает нарушение жесткости дисциплинарных делений научного знания, они становятся “проходимыми”, что способствует появлению разного рода систем “поверх” дисциплинарного деления, “меж”-системных образований, “экстра”-систем и т. д.» [Цит. по: 90, с. 135].

форматику, географические информационные системы, информационные технологии и т. д. Более того, японские специалисты прогнозируют возникновение так называемых пространственных наук, целью которых будет изучение взаимозависимости атмосферы, дикой природы и среды человеческой деятельности на основе объединения подходов естественных и социогуманитарных наук, объектом указанной отрасли будет именно «регион» в максимально широком смысле этого термина. Подобные идеи высказываются и американскими исследователями. В частности, Дж. Камберленд указывал, что для решения экологических задач необходимо привлечение региональной науки, обладающей потенциалом использования трансдисциплинарного подхода, столь необходимого для комплексных исследований подобных экологическим [187]. А. Бэйли и Л. Дж. Гибсон указывают на трансдисциплинарность как на новую тенденцию в сфере региональной науки, обеспечивающую практико-ориентированность проводимых исследований [186].

Следует понимать, что концепция трансдисциплинарности не отрицает монодисциплинарность или мультидисциплинарность, она лишь интегрирует их в свое комплексное поле и становится мерилom, шкалой, на которой выше-названные подходы занимают свое место: от исследований с условно нулевой трансдисциплинарностью до проектов с высокой степенью таковой. Это обеспечивает взаимное обогащение разного рода школ и направлений в сфере регионологии, позволяет им объединять усилия и на основе интегрального подхода получать качественно новое знание.

Рассматривая всю совокупность российских регионологических исследований в русле трансдисциплинарной регионологии, объединяющей достижения школ и направлений разных стран, необходимо обратиться к структуре обозначенной научной отрасли. Анализ результатов работы различных направлений и школ позволил нам выделить уровни и элементы трансдисциплинарной регионологии на основе трех подходов. Первый – по соотношению теории и практики (выделяются фактологический, аналитический и

теоретический уровни), второй – по степени трансдисциплинарности (от монодисциплинарных до собственно трансдисциплинарных направлений), а также с точки зрения региональной специфики научных школ (выделяются направления, сформировавшиеся в различных странах и регионах) [80]. Объединяя все три подхода в одну схему и выстраивая эту схему по последнему из критериев (с учетом региональной специфики научных школ и направлений России), можно получить следующую картину (табл. 5).

Таблица 5

Роль и место школ, направлений и субдисциплин регионологического знания в России в русле трансдисциплинарной регионологии

Уровень трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления регионологии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Теоретический	<p>Мультидисциплинарные трансрегиональные школы и направления <i>российских регионологических исследований</i>: Мордовская школа регионологии (А. И. Сухарев), Мировое комплексное регионоведение (МГИМО, А. Д. Воскресенский), Школа пространственных исследований (А. Г. Гранберг), Мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход (И. Н. Барыгин), Школа Южного федерального университета (Ю. Г. Волков), Подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и т. д.</p> <p>Получившие распространение в России <i>международные школы и направления</i>: региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа) и др.</p>	Теория трансдисциплинарной регионологии

Уровень трансдисциплинарной регионологии по соотношению теории и практики	Школы, направления регионологии	
	Доминантно-дисциплинарные и мультидисциплинарные с дисциплинарным уклоном	Собственно трансдисциплинарные
Аналитический	<p>Мультидисциплинарные трансрегиональные школы и направления российских регионологических исследований (см. выше табл.)</p> <p>Получившие распространение в России международные школы и направления: региональная наука (США), региональные исследования (США, Европа) и др.</p> <p>Доминантно-дисциплинарные школы и направления <i>российских регионологических исследований</i>: образовательное/педагогическое регионоведение, филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика, политическая регионалистика, социокультурное регионоведение, историческое регионоведение и т. д.</p> <p>Монорегиональные мультидисциплинарные школы и направления: востоковедение, китаеведение, европоведение, американистика, северное регионоведение, арктическое регионоведение и т. д.</p>	<p>Регионология, регионалистика, регионоведение в общем как аналитические дисциплины</p>
Фактологический	Краеведение, страноведение, регионоведение (как сбор и систематизация сведений о регионе)	

В табл. 5 видно, что на фактологическом уровне находятся такие дисциплины, как краеведение и страноведение, в первую очередь направленные на сбор сведений и описание региональной специфики как стран в целом, так и различных их территорий. Регионоведение как дисциплину в целом, в связи с широким пониманием этого термина, можно отнести как к фактологическому, так и к аналитическому.

му уровню, в зависимости от задач конкретного исследования: на фактологическом уровне находится регионоведение, под которым понимается сбор и систематизация сведений о регионе, на аналитическом – регионоведение как аналитическая дисциплина, т. е. отрасль, анализирующая регион как объект с точки зрения его развития. Там же расположены региология и регионалистика, с оговоркой, что иногда эти термины используются как синонимы «регионоведения», а иногда – как отдельные дисциплины, состоящие с регионоведением в отношениях смежности или иерархичности.

Важная аналитическая работа выполняется в рамках специальных школ и направлений. Как правило, речь о доминантно-дисциплинарных направлениях (образовательное/педагогическое регионоведение, филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика, политическая регионалистика, социокультурное регионоведение, историческое регионоведение и т. д.) и монорегиональных школах и направлениях (востоковедение, китаеведение, европоведение, американистика, северное регионоведение, арктическое регионоведение и т. д.). Первые, как правило, ограничиваются аналитическим уровнем, потому что не выходят за рамки теории и методологии дисциплин, в которых они функционируют, вторые также используют теоретический и методологический инструментарий, разработанный в рамках других наук, с тем отличием, что он чаще характеризуется мультидисциплинарностью в силу комплексного подхода этих дисциплин.

Теоретический и аналитический уровни занимают, с одной стороны, международные школы и направления, получившие распространение в России: региональная наука (США), региональные исследования (Европа) и другие, с другой – мультидисциплинарные трансрегиональные школы и направления российских региологических исследований (мордовская школа региологии А. И. Сухарева, мировое комплексное регионоведение А. Д. Воскресенского, школа пространственных исследований А. Г. Гранберга, мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход

И. Н. Барыгина, школа Южного федерального университета Ю. Г. Волкова, подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и т. д.). Как первые, так и вторые, изучая конкретные регионы и особенности их развития, одновременно работают над теоретическими проблемами развития самой регионологии и обогащают ее теоретическую базу чаще всего на основе конкретных научных дисциплин (одной или нескольких).

Как видно, в табл. 5 выделяется обозначенная курсивом лакуна – *теория трансдисциплинарной регионологии*. Задача этого раздела дисциплины – обобщение и систематизация достижений различных научных дисциплин, изучающих регионы и сформированных в самих этих регионах, для выхода на новый – интегративный – уровень регионологии. Разработка этой теории – одна из первостепенных задач современной науки о регионах, рост востребованности которой ощущается с каждым днем все больше.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка проблемы соотношения в российском регионологическом знании комплексности и мультидисциплинарности, с одной стороны, и доминантно-дисциплинарности – с другой, путем изучения источников, факторов, векторов и этапов эволюции регионологического знания, а также их современного состояния с использованием системного анализа и принципа континуальности позволяет нам сделать определенные выводы.

Отечественное регионологическое знание, рассматриваемое в поле континуальности, в полной мере укладывается в концепцию этапов проторегионологического, систематического регионологического и институционализированного регионологического знания.

На первом этапе важными источниками проторегионологического знания, в частности, были отдельные факты и сведения в русских летописях; греческие и южнославянские книги; хождения как жанр проторегионологического знания; страноведческие описания, составляемые в процессе освоения Сибири, Дальнего Востока и Восточной Азии; переписные книги и карты. Уже в этом периоде ощущается влияние знаний о Востоке как важной составляющей процесса формирования протонауки о регионе.

Формированию систематического регионологического знания способствовало изменение в XVIII в. отношения к науке в целом. Была создана Академия наук, проведены крупные экспедиции (Первая и Вторая Камчатские – Великая и Северная, Академические экспедиции 1768–1774 гг.), изготавливались карты. Важный вклад в развитие комплексных историко-географических и этнографических научных дисциплин внесли Г. Миллер, И. Гмелин, В. Беринг, П. Паллас, И. Фальк, И. Лепехин, И. Георги и др. Активно развивается страноведение России в рамках описательной географии (С. П. Крашенинников, П. И. Рычков, И. К. Кирилов, В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и др.), фор-

мируется система регионологических знаний о зарубежье, а его важными составляющими становится востоковедение и китаеведение. В XIX в. зарождается экономическое районирование (К. А. Арсеньев, Н. П. Огарев, П. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. И. Менделеев и др.).

Проторегионологическое и систематическое регионологическое знание в описанные периоды приобретают две важных черты: стремление к комплексности, всеохватности, даже в период обособления наук, и востоковедческий ориентир, стимулировавший поисковую, научную активность: если Запад поставлял знания сам, то Восток необходимо было исследовать, открывать.

В советский период комплексность как базовое качество сохраняется, совершенствуясь в рамках трех направлений: советская экономическая география в целом и районная школа (Н. Н. Баранский, Н. Н. Колосовский, Т. М. Калашникова, С. Я. Ныммик, Ю. Г. Саушкин, А. Т. Хрущев и др.); страноведение и экономико-географическое страноведение (Н. Н. Баранский, И. А. Витвер, В. М. Гохман, И. М. Маергойз, Я. Г. Машбиц и др.); комплексное проблемное страноведение (Я. Г. Машбиц, В. М. Гохман и др.). Востоковедение, формально относясь к страноведческой дисциплине (в широком ее понимании – как изучение не отдельных стран, но их региональных совокупностей с общими цивилизационными принципами развития), но фактически являясь отдельной отраслью науки, развивается параллельно, со своей стороны внося существенный вклад в историко-философское и филологическое изучение регионов.

В 1980-е были сделаны первые шаги к институционализации регионологического знания: начинаются дискуссии о необходимости формирования новой отрасли и разработка понятийно-терминологического аппарата. А уже в 1990-е в рамках различных направлений (регионология, регионалистика, регионоведение и др.) начинаются масштабные и разноплановые исследования.

Отечественные школы и направления регионологического знания условно делятся по ряду признаков, но в ряду

важнейших следует назвать внутреннюю/внешнюю ориентацию, монорегиональность/трансрегиональность, доминантно-дисциплинарность/мультидисциплинарность.

Среди этих признаков наиболее существенным является последний, по которому выделяются доминантно-дисциплинарные направления (политическая регионалистика, образовательное/педагогическое регионоведение, филологическая/лингвистическая/литературоведческая регионалистика, социокультурное регионоведение, историческое регионоведение и др.) и мультидисциплинарные школы (мордовская школа регионологии А. И. Сухарева, мировое комплексное регионоведение, направление под руководством А. Д. Воскресенского, школа пространственных исследований А. Г. Гранберга, мультидисциплинарный мультипарадигмальный подход И. Н. Барыгина, школа Ю. Г. Волкова в Южном федеральном университете, подход В. А. Дергачева и Л. Б. Вардомского и др.).

Условность разделения по последнему признаку в том, что это разделение основано, скорее, на позиционировании себя доминантно-дисциплинарными и мультидисциплинарными школами и направлениями: в реальной практике и те и другие чаще всего имеют определенный дисциплинарный уклон (на основе одной или двух-трех наук), стараясь при этом сохранять свойственный российскому регионологическому знанию принцип комплексности, на устойчивость которого влияет как собственный путь развития отечественной регионологии, так и значимый восточный вектор. Традиционная дальневосточная наука, до сих пор имеющая огромное влияние на развитие всех сфер научной деятельности, в соответствующих странах отличалась комплексностью и синтетичностью, это ее базовые признаки. Дисциплинарный же уклон российского регионологического знания проявляется и в результате анализа образовательной деятельности в сфере регионоведения. Это противоречие, определенно влияющее на результаты научных исследований, может быть разрешено в рамках общемирового движения регионологии в сторону трансдисциплинар-

ности, в том числе путем разработки теории трансдисциплинарной регионологии.

Таким образом, анализ отечественного регионологического знания в русле трансдисциплинарной регионологии способствует пониманию перспектив его развития и прогнозированию его движения в сторону дальнейшей трансдисциплинаризации для перехода на новый уровень исследований с сохранением традиций комплексности, а также на новый, интегративный уровень в изучении регионов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Александрия Сербская. Древнерусский текст и современный перевод // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева [и др.]. СПб. : Наука, 2003. Т. 8 : XIV – первая пол. XVI века.
2. Алексеев А. И., Бакланов П. Я., Снытко В. А. Ломоносов и география // Вестник Московского университета. Серия 5, География. 2011. № 5. С. 3–5.
3. Арсеньев К. И. Краткая всеобщая география. М. : Унив. тип., 1841. 402 с.
4. Баранский Н. Н. Районы США в самом кратком изложении : учебное пособие. М. : МИД СССР, 1946. 28 с.
5. Баранский Н. Н. Соединенные Штаты Америки (экономико-географический обзор). Стенограмма публичной лекции, прочитанной 17 июля 1945 года в Колонном зале Дома Союзов в Москве. М. : Всесоюзное лекционное бюро при комитете по делам высшей школы при СНК СССР, 1945. 22 с.
6. Баранский Н. Н. Избранные труды. Научные принципы географии / редкол.: В. А. Анучин [и др.]. М. : Мысль, 1980. 239 с.
7. Баранский Н. Н. Методика преподавания экономической географии / изд. подгот. Л. М. Панчешниковой. 2-е изд. перераб. М. : Просвещение, 1990. 303 с.
8. Баранский Н., Каминский Б. Социалистическая реконструкция областей, краев и республик СССР в постановлениях партийных и советских органов : пособие для проработки район. курса экон. географии СССР. Ч. 2. М. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1932. 276 с.
9. Бердинских В. А. Губернские статистические комитеты и русская провинциальная историография 1860–1890-х годов : дис. ... д-ра ист. наук. Киров, 1994. 564 с.
10. Библиотека литературы Древней Руси. В 20 т. Т. 1. XI–XII века / ред.: Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. М. : Наука, 2016. 544 с.
11. Богословский М. М. Русское общество и наука при Петре Великом. Л. : [Б. и.], 1925. 318 с.
12. Богучарсков В. Т. История географии : учебное пособие. М. : МарТ ; Ростов н/Д : МарТ, 2004. 560 с.

13. Боярченков В. В. Историки-федералисты: концепция местной истории в русской мысли 20–70-х годов XIX века. СПб. : Дмитрий Буланин, 2005. 401 с.

14. Викулова Л. Г., Серебренникова Е. Ф. Городское пространство как новая коммуникативная среда эпохи глобализации // Языковая политика и языковые конфликты в современном мире : докл. и сообщения Междунар. конф. Москва, 16–19 сент. 2014 г. М. : Ин-т языкознания РАН, 2014. С. 302–309.

15. Витвер И. А. Карибские страны (Мексика, Центральная Америка, Вест-Индия). Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1931. 382 с. (Всемирная экономическая география. Экономическая библиотека / под ред. Н. Н. Баранского и Л. И. Мадьяра ; т. 11).

16. Вишнякова В. В. Зарубежное регионоведение: большая игра России за мировые рынки // Новости экспертизы в НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/news/expertise/397996604.html>

17. Волков Ю. Г. Регионоведение и его роль в интеграционных процессах на Юге России // Высшее образование в России. 2015. № 8–9. С. 109–116.

18. Волков Ю. Г. Регионоведение : учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. Ростов на/Д. : Феникс, 2004. 448 с.

19. Вопросы экономической географии Восточной Сибири. Труды семинара. Т. 1 / под ред. Н. Баранского, И. В. Никольского, А. Т. Хрущева. М., 1957. 216 с.

20. Воскресенский А. Д., Колдунова Е. В., Киреева А. А. Трансрегиональные и региональные проекты в условиях «постзападной» международной реальности // Сравнительная политика и геополитика. 2017. Т. 8, № 2. С. 37–57.

21. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение и перспективы построения незападной (китаизированной) теории международных отношений // Полис. Политические исследования. 2013а. № 6. С. 82–96.

22. Воскресенский А. Д. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и научная школа // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20, № 2. С. 356–366.

23. Воскресенский А. Д. Социальные порядки и пространство мировой политики (историческая эволюция мировой системы) // Полис. Политические исследования. 2013б. № 2. С. 6–23.

24. Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И. Регионоведение. М. : Гардарики, 2000. 382 с.

25. Голубчик М. М., Евдокимов С. П., Максимов Г. Н. История географии. Смоленск : Изд-во Смолен. гуманит. ун-та, 1998. 224 с.

26. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки бакалавра по направлению 521300 – Регионоведение (1993). М. : Гос. ком. РФ по высш. образованию, 1993.

27. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования. Государственные требования к минимуму содержания и уровню подготовки выпускника по специальности 021300 – Регионоведение (1997). М. : М-во общ. и проф. образования РФ, 1997.

28. Гохман В. М., Карпов Л. Н. Предисловие // Путнам Д. Канада. Географические районы / сокр. пер. с англ. и предисл. В. М. Гохмана и Л. Н. Карпова, под ред. Н. Н. Баранского. М. : Изд-во иностр. лит., 1995. С. 3–8.

29. Гранберг А. Г. Возможны ли распад или сжатие России. Регион: экономика и социология. 2011. № 2. С. 9–8

30. Гранберг А. Г. Моделирование пространственного развития национальной и мировой экономики: эволюция подходов // Регион: экономика и социология. 2007. № 1. С. 87–107.

31. Гранберг А. Г. Экономическое пространство России: вечные проблемы, трансформационные процессы, поиск стратегий // Закономерности и перспективы трансформации общества : материалы V Междунар. Кондратьев. конф. М. : МФК, 2004. Т. 1. С. 17–23.

32. Данилов А. А., Меметов В. С. Интеллигенция в истории и культуре России. Иваново : Изд-во Иванов. гос. ун-та, 1997. 218 с.

33. Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи : монография. Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 2000. 110 с.

34. Дацышен В. Г. История изучения китайского языка в Российской империи. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск : Изд-во БГПУ, 2006. 183 с.

35. Дацышен В. Г. Государственное строительство в Туве и проблемы регионализма первой половине 1920-х гг. // Ученые записки. Тувинский институт гуманитарных исследований. Кызыл, 2010. Вып. 22. С. 114–136.

36. Дацьшен В. Г. Новосибирское отделение Общества советско-китайской дружбы и политика «мягкой силы» в 1980-х гг. в региональном измерении // Шелковый путь: Историческое наследие и современное развитие : материалы науч.-практ. конф. Второго междунар. науч. форума НГУ «Наследие». 31 октября – 1 ноября 2020 г., г. Новосибирск / Новосиб. гос. ун-т ; под ред.: С. А. Комиссарова, Ю. А. Азаренко. Новосибирск, 2020а. С. 9–19.

37. Дацьшен В. Г. Очерки истории российско-китайской границы во 2-й половине XIX – начале XX вв. : монография. Кызыл : Респ. тип., 2000б. 216 с.

38. Дацьшен В. Г. Проблемы паритетности в истории межрегиональных российско/советско-китайских отношений на Дальнем Востоке // Китайська цивілізація: традиції та сучасність : матеріали XIV міжнародної наукової конференції, 5 листопада 2020 р. Київ : Гельветика, 2020. С. 42–45.

39. Дацьшен В. Г. Проблемы развития российско-китайского межрегионального сотрудничества в 1990-х гг. на примере Новосибирской области и провинции Хэйлунцзян // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 138–152.

40. Дацьшен В. Г. Российские регионы в работах зарубежных исследователей: «Сибирская республика Тува» индийского историка Ш. К. Сони // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2011. № 2. С. 200–206.

41. Дацьшен В. Г. Русская самоуправляющаяся трудовая колония в Тувинской Народной Республике как уникальный опыт российского регионализма // Новые исследования Тувы. 2016. № 3. С. 19–33.

42. Дацьшен В. Г. Изучение истории Китая в Российской империи. М. : Проспект, 2019. 192 с.

43. Дацьшен В. Г. История русского китаеведения 1917–1945 гг. М. : Весь мир, 2015. 352 с.

44. Демидов Н. А. Журнал путешествия его высокородия господина статского советника, и ордена святого Станислава кавалера Никиты Акинфиевича Демидова. По иностранным государствам с начала выезда его из Санкт-Петербурга 17 марта 1771 года, по возвращению в России, ноября 22 дня 1773 года. М. : Тип. Ф. Гиппиуса, 1786.

45. Демьяненко А. Н. О регионалистике... (некоторые соображения) // Регионалистика. 2014. Т. 1, № 1. С. 8–17.

46. Дергачев В. А., Вардомский Л. Б. Регионоведение. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Юнити-Дана, 2010. 519 с.
47. Дивнина Н. В. «Описание земли Камчатки»: вечная научная классика // Культура и наука Дальнего Востока. 2017. № 2 (22). С. 154–158.
48. Дневник Дыбовского : сб. тр. / сост.: А. Д. Калихман, Т. П. Калихман. Иркутск : Оттиск, 2020. 575 с.
49. Доленко Д. В. Александр Иванович Сухарев и развитие регионологии // Регионология. 2011. № 3. С. 4–8.
50. Европейские исследования: арктический вектор. URL: <https://narfu.ru/entrant/proforientacia/choice/detail.php?ID=342300>
51. Елистратов В. С. Регионоведение: «ищите термин!» // Актуальные проблемы регионоведения. Работы преподавателей факультета иностранных языков МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : МГУ, 2004. Вып. 1. С. 7–14.
52. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении / под общ. ред. П. П. Семенова. СПб. : [Тип.] М. О. Вольф, 1881–1901.
53. Зальевский Н. П. Михаил Васильевич Ломоносов и экономическая наука России : монография. Архангельск : Помор. гос. ун-т, 2001. 184 с.
54. Зверева В. Т. Проблематика регионоведческих журналов РФ в 1990–2020 годах / науч. рук. Е. В. Кремнёв // Социальные и экономические системы. 2020. № 4 (16). С. 20–36.
55. Зиборов В. К. История русского летописания XIX–VIII вв. СПб. : Филол. факультет СПбГУ, 2002. 512 с.
56. Иванова Е. В. Наименования расстояний в «Хождении» Игумена Даниила и «Хождении за три моря» Афанасия Никитина (как материал для исторического словаря) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 3 (33). С. 388–392.
57. Иванова М. В., Штанько М. А. Введение в регионоведение. Методы регионоведческих исследований. Томск : Изд-во ТПУ, 2007. 98 с.
58. Иванова М. В. Введение в регионоведение. Томск : Изд-во ТПУ, 2008. 177 с.
59. Иванова М. В. Из истории востоковедения в России (XVIII в. – 1917 г.). Томск : Изд-во ТПУ, 2010. 105 с.
60. Из истории контактов России со странами Востока (XVII – нач. XX вв.) / сост. М. В. Иванова. Томск : Изд-во ТПУ, 2003. – 86 с.

61. Изюмова О. Н., Бергер Ю. А. Исторический аспект экономического районирования России // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права). 2015. Т. 6, № 3. С. 36.
62. Илизаров С. С. Москва в науке и культуре России XVIII века : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2004. 582 с.
63. Институт геополитики профессора Дергачева. URL: <http://dergachev.ru/>
64. Иосиф Флавий (Йосеф, сын Маттיתяху). Иудейская война / пер. с древнегреч. М. Финкельберг и А. Вдовиченко ; под ред. А. Ковельмана. М. : Мосты Культуры ; Иерусалим: Гешарим, 1992. 262 с. (Библиотека Флавиана)
65. История культуры Древней Руси / под общ. ред.: Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1951. Т. 1-2.
66. История отечественного востоковедения до середины XIX века. М. : Наука. Гл. ред. вост. лит., 1990. 435 с.
67. Кабанов В. А. Как сделать инновационной региональную экономику? // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. 2012. № 3 (20). С. 123–126.
68. Калихман А. Д., Калихман Т. П., Сутула В. И. Южный Байкал: природа и люди. Иркутск ; Танхой, 2019. 269 с.
69. Калихман А. Д., Калихман Т. П. Концептуальные и парадигмальные основания регионоведения // IV Готлибовские чтения: востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в контексте трансдисциплинарного знания : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 7–9 дек. 2020 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. С. 266–284.
70. Кирилов И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства / [предисл. Л. А. Гольденберга и др.; коммент. Л. А. Гольденберга, С. М. Троицкого] ; АН СССР, Отд-ние истории, Ин-т истории СССР. М. : Наука, 1977. 443 с.
71. Кирилов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства, в какое начал, привел и оставил неизреченными трудами Петр Великий, отец отечества, император и самодержец всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая : собрано трудами статского советника и бывшего в Сенате обер-секретаря г. Ивана Кирилова, из подлиннейших сенатских архивов в феврале месяце 1727 г. : Кн. 1–2. М. : Унив. тип., 1831. Ч. 1. 184 с.; Ч. 2. 202 с.

72. Книга Большому чертежу или Древняя карта российско-го государства, поновленная в Розряде и списанная в книгу 1627 года. 2-е изд. СПб. : в типографии Горнаго училища Император. рос. акад., 1838.

73. Колдунова Е. В. Мировое комплексное регионоведение как исследовательский подход и учебная дисциплина // Вестник МГИМО Университета. 2016. № 5 (50). С. 63–69.

74. Колосовский Н. Н. Избранные труды. Смоленск : Ойкумена, 2006. 336 с.

75. Копанева Н. П. Степан Петрович Крашенинников: 25 773 версты по Сибири и Камчатке // Наука из первых рук. 2012. Т. 44, № 2. С. 72–97.

76. Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям. СПб. : [Б. и.], 1884. 326 с.

77. Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки : в 2 т. СПб. : Наука ; Петропавловск-Камчатский : Камчат, 1994. Т. 1. 482 с.; Т. 2. 319 с.

78. Крашенинников. С. П. Описание земли Камчатки : в 2 т. СПб. : Император. акад. наук, 1755. Т. 1. 438 с.; Т. 2. 312 с.

79. Кремнёв Е. В., Лесниковская Е. В. К вопросу о целях и задачах трансдисциплинарной регионологии // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2019. № 3 (50). С. 65–75.

80. Кремнёв Е. В. Структура трансдисциплинарной регионологии как научной дисциплины // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионoved. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 32–43.

81. Кузнецов А. А. Чиновничество и развитие культуры губернских и областных центров Восточной Сибири во второй половине XIX века : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. 260 с.

82. Кузнецова О. В. Региональные исследования в США : монография / О. В. Кузнецова ; [под науч. ред. Е. Ф. Серебрянниковой]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2020. 363 с.

83. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. Основные этапы формирования и становления международной ассоциации региональной науки // Теория и практика регионоведения. Т. 3 : тр. II Междунар. науч.-практ. регионoved. конф. Иркутск, 14–15 сент. 2019 г. / отв. ред. В. В. Яковлев. СПб., 2020. С. 44–51.

84. Кузнецова О. В., Карачева Н. С. У. Айзард и зарождение американской регионоведческой школы // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 275–280.

85. Лаженцев В. Н. Географические идеи М. В. Ломоносова // Известия Коми научного центра УрО РАН. 2011. Вып. 1(5). С. 98–101.

86. Лепехин И. И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта по разным провинциям Российского государства. СПб. : При Император. акад. наук, 1771–1805.

87. Лесниковская Е. В., Кремнёв Е. В. Развитие отечественных научных школ по изучению регионального развития в контексте современной парадигмы регионального знания // III Готлибовские чтения: Востоковедение и регионоведение Азиатско-Тихоокеанского региона в фокусе современности : материалы Междунар. науч. конф. Иркутск, 10–16 сент. 2019 г. / ФГБОУ ВО «ИГУ» ; [отв. ред. Е. Ф. Серебренникова]. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2019. С. 297–304.

88. Лесниковская Е. В. Трансдисциплинарность в региональных исследованиях // International independent scientific journal. 2020. № 16–3. С. 59–62.

89. Ломоносов М. В. Краткое расположение сочиняемого экономического лексикона российских продуктов и показание внутреннего и внешнего оных сообщения с принадлежащими к тому ландкартами // Ломоносов М. В. Полное собрание сочинение. Т. 9. М. ; Л., 1955. С. 294–296.

90. Лысак И. В. Междисциплинарность и трансдисциплинарность как подходы к исследованию человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 6 (44). В 2 ч. Ч. 2. С. 134–137.

91. Лярский П. А. П. И. Рычков и его «Топография Оренбургская» (к 300-летию со дня рождения первого член-корреспондента РАН) // Веснік Магілёўскага Дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: Педагогіка, псіхалогія, методыка. 2013. № 1 (41). С. 21–29.

92. Магистратура, направления «Зарубежное регионоведение», «Регионоведение России». URL: <http://www.ffl.msu.ru/study/master/area-studies/index.php>

93. Маергойз И. М. Методика мелкомасштабных экономико-географических исследований. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1981. 138 с.

94. Макеева С. Б. Исследования развития регионов в рамках трансдисциплинарной регионологии // Теория и практика регионоведения. Т. 2 : тр. I Междунар. науч.-практ. регионвед. конф. Кн. вторая. Санкт-Петербург, 7 декабря 2018 г. / сост. и гл. ред. В. В. Яковлев, отв. ред. Т. В. Вольская. СПб., 2018. С. 6–14.

95. Малето Е. И. Русские средневековые хождения в отечественной и зарубежной историографии. История и перспективы изучения // Труды Института российской истории. Вып. 5 / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2005. С. 38–63.

96. Мамаева Ю. А. В. Н. Татищев – основоположник русского просветительства : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02. М., 2000. 197 с.

97. Машбиц Я. Г. Комплексное страноведение. Смоленск : Изд-во СГУ, 1998. 238 с.

98. Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. III. М. : Восточная литература, 2005. 605 с.

99. Миллер Г. Ф. Описание Сибирского Царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской Державе по сии времена / сочинено Г. Ф. Миллером, историографом и профессором Университета Академии наук и Социетета Аглинского членом. СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1787. Кн. 1. 2-м тиснением. 368, [30] с.

100. Миллер Г.-Ф. История Академии наук Г.-Ф. Миллера с продолжениями И.-Г. Штриттера. СПб. : Б. и., 1890. 218 с. (Материалы для истории Император. академии наук ; т. 6.)

101. Мильков Ф. Н. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М. : Гос. изд-во геогр. лит., 1955. 144 с.

102. Милуков П. Н. Очерки по истории русской культуры. СПб. : Изд-во журнала «Мир Божий», 1896–1903. Ч. 1–3.

103. Минакир П. А., Демьяненко А. Н. пространственная экономика: эволюция подходов и методология // Пространственная экономика. 2010. № 2. С. 6–32.

104. Мироненко Н. А. Страноведение: Теории и методы. М. : Аспект-Пресс, 2001. 270 с.

105. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука. М. : РГГУ, 1998. Кн. 1; 1999. Кн. 2. 391 с.
106. Научно-исследовательская лаборатория филологической регионалистики «Курское слово». URL: https://kursksu.ru/labs/information/kursk_word
107. Научно-исследовательский институт образовательного регионоведения. URL: https://www.herzen.spb.ru/main/nauka/1297769731/Research_Institute/region/
108. НИИ регионологии. URL: <http://www.isi.mrsu.ru/umo/nii.html>
109. Носкова О. Л. Иван Кириллович Кирилов и его вклад в развитие российской науки // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13, № 1. С. 264–269.
110. О кафедре исторического регионоведения. URL: <https://history.spbu.ru/reg-o-kafedre.html>
111. Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения : в 2 т. М. : Госполитиздат, 1952. Т. 1. 864 с.
112. Ойкумена. Регионоведческие исследования. URL: <https://ojkum.ru/>
113. Окраины России. Сибирь, Туркестан, Кавказ и полярная часть Европейской России ; под. ред. П. П. Семенова. СПб. : Тип. Акц. Общ. «Брокгауз-Ефрон», 1900. 288 с.
114. Опарина А. А. Эволюция жанра древнерусского хождения и проблема интертекста в паломнической литературе XVI–XVII вв. : материалы Международного научного симпозиума «Восьмые Лафонтеновские чтения». СПб. : Санкт-Петербургское философское общество, 2002. С. 146–150. (Symposium, Мировая культура XVII–XVIII веков как метатекст: дискурсы, жанры, стили ; вып. 26).
115. Очерки русской культуры XIX века. Т. 2. Власть и культура. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2000. 480 с.
116. Очерки русской культуры XIX века. Т. 3. Культурный потенциал общества. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2001. 640 с.
117. Очерки русской культуры XVII века. Ч. 2. Духовная культура / под. ред. А. В. Арциховского. М. : Изд-во МГУ, 1979. 344 с.
118. Очерки русской культуры XVIII века / гл. ред. Б. А. Рыбаков. М. : Изд-во МГУ, 1985–1990. Ч. 1–4.

119. Павлова Г. Е. Организация науки в России в первой половине XIX в. М. : Наука, 1990. 318 с.
120. Павловский И. В. Социокультурное регионоведение как гуманитарная специальность. Ч. 1 // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2014. № 2. С. 102–109.
121. Павловский И. В. Введение в регионоведение : учеб. пособие / МГУ им. М. В. Ломоносова. М. : Центр по изучению взаимодействия культур, 2012. 199 с.
122. Павловский И. В. Регионоведение сегодня // Вестник Московского университета. Серия 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. С. 145–156.
123. Пекарский П. П. История Академии наук в Петербурге. СПб. : [Б. и.], 1870–1873. Т. 1–2.
124. Пекарский П. П. Наука и литература в России при Петре Великом. СПб. : Тов-во «Общественная польза», 1862. Т. 1–2.
125. Пештия С. Л. Русская историография XVIII века. Л. : Изд-во ЛГУ, 1961–1971. Ч. 1–3.
126. Повесть временных лет / пер. с древнерус. Д. С. Лихачева, О. В. Творогова ; коммент. А. Г. Боброва, С. Л. Николаева, А. Ю. Чернова при участии А. М. Введенского и Л. В. Войтовича ; ил. М. М. Мечева. СПб. : Вита Нова, 2012. 512 с.
127. Поздравление редколлегии журнала // Регионоведение. 1992. № 1. С. 3.
128. История культуры древней Руси / под общ. ред. Б. Д. Грекова, М. И. Артамонова ; Акад. наук СССР. Ин-т истории материальной культуры им. Н. Я. Марра. [Ин-т истории]. М. ; Л. : Изд-во и 2-я тип. Изд-ва Акад. наук СССР, 1948–1951 (Москва). 2 т.
129. Политика и экономика регионов мира. Магистерская программа. URL: <https://mgimo.ru/study/master/carw/>
130. Полное собрание русских летописей. Т. 1. Изд. 4. Лаврентьевская летопись, М. : Языки рус. Культуры : Кошелев, 1997. 733 с.
131. Полунин Ф. А. Географический лексикон Российскаго государства, или Словарь, описующий по азбучному порядку реки, озера, моря, горы, города, крепости, знатные монастыри, остроги, ясашные зимовия, рудные заводы и прочия достопамятныя места обширной Российской империи : с объявлением и тех мест, которыя в прежнюю и нынешнюю Турецкую войну, а некоторые преж того и от Персии, российскою храбростию овладаемы были. М. :

На издвении Хр. Л. Вевера : Напеч. При Имп. Моск. Ун-те, 1773. 479 с.

132. Полякова Л. В. Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2015. № 3–4 (15–16). С. 7–16.

133. Пржевальский Н. М. Монголия и страна тангутов. «Алистриус», 1874. (Путешествия вокруг света).

134. Пржевальский Н. М. Путешествие в Уссурийском крае. 1867–1869 гг. : с карт. Уссур. края. 6-е изд. СПб., 1870. 369 с.

135. Регионалистика : электрон. науч. журн. URL: <http://regionalistica.org/>

136. Региональные исследования. URL: http://www.smolgu.ru/nauka/zhurnal_regionalnye_issledovaniya/

137. Регионоведение : учеб. для академ. бакалавриата / В. А. Ачкасова, И. Н. Барыгин, Н. М. Межевич, И. Н. Белобородова, А. В. Дука ; под ред. И. Н. Барыгина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2018. 391 с. (Бакалавр. Академический курс).

138. Регионоведение : учеб. для академ. бакалавриата / В. А. Ачкасова [и др.] ; под ред. И. Н. Барыгина. 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2019. 391 с.

139. Регионология = Regionology : научный журнал. URL: <https://regionsar.ru/>

140. Риттер К. Землеведение Азии. Т. 1 / пер. и доп. П. П. Семенова. СПб., 1856.

141. Рождественский Ю. В. Введение в культуроведение : учебное пособие для вузов. М. : ЧеРо, 1996. 288 с.

142. Россия. Полное географическое описание нашего отечества : Настольная и дорожная книга для русских людей : [в 19 т.] / под ред. В. П. Семенова и под общ. руководством П. П. Семенова, вице-пред. Рус. геогр. о-ва и проф. В. И. Ламанского, пред. отд-ния этнографии Рус. геогр. о-ва ; предисл. Вениамин Семенов. СПб. : А. Ф. Девриен, 1899–1914. 11 т. С 5-го т. подзаголовок: под ред. В. П. Семенова-Тян-Шанского и под общ. руководством П. П. Семенова Тян-Шанского и В. И. Ламанского.

143. Рыбаков Б. А. Древнейшие русские карты Московии // Наука и жизнь. 1974а. № 4. С. 33–38.

144. Рыбаков Б. А. Русские карты Московии XV – начала XVI века. М. : Наука, 1974б. 112 с.

145. Рычков П. И. Топография Оренбургская, то есть: обстоятельное описание Оренбургской губернии, сочиненное коллежским советником и императорской Академии наук корреспондентом

том Петром Рычковым, Ч. 1 и 2. СПб. : Изд-во при Император. акад. наук, 1762. Ч. 1. 331 с.; Ч. 2. 263 с.

146. Сайт Историко-социологического института им. Н. П. Огарева. URL: www.isi.mrsu.ru.

147. Саушкин Ю. Г. Экономическая география: история, теория, методы, практика. М. : Мысль, 1973. 559 с.

148. Саушкин Ю. Г. Новое экономическое районирование. М. : Знание, 1963. 32 с.

149. Севастьянова А. А. Русская провинциальная историография второй половины XVIII века : дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1993. 573 с.

150. Семенов П. П. Населенность Европейской России в зависимости от причин, обуславливавших распределение населения империи // Статистический временник Российской империи. Вып 1. СПб., 1871. 580 с.

151. Семенов-Тянь-Шанский П. П. Путешествие в Тянь-Шань М. : Юрайт, 2019. 223 с.

152. Скачков П. Е. Очерки русского китаеведения. М. : Наука, 1977. 512 с.

153. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 2, ч. 1.

154. Словарь книжников и книжности Древней Руси / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушк. дом) ; отв. ред. Д. С. Лихачев. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1987. Вып. 2, ч. 2.

155. Смирнова Г. Е. Социокультурное регионоведение: к проблеме метода // Философская мысль. 2013. № 6. С. 530–544. <https://doi.org/10.7256/2306-0174.2013.6> 645. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=645

156. Соколова Ю. А. Вклад В. Н. Татищева в изучение религиозных представлений народов Сибири // Исследования молодых ученых : материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, октябрь 2019 г.). Казань : Молодой ученый, 2019. С. 28–31.

157. Соловьев С. М. Писатели русской истории XVIII в. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. М. : [Б. и.], 1855. Кн. 2, половина первая. С. 3–82.

158. Социокультурное регионоведение. Центр по изучению взаимодействия культур. URL: <http://regionalstudies.ru/>

159. Спафарий Н. Г. Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китаярусского посланника Николая

Спафария в 1675 г. Дорожный дневник Спафария / с введ. и примеч. Ю. В. Арсеньева. СПб. : Тип. В. Киршбаума, 1882. 214 с.

160. Становление советского востоковедения : сб. ст. / АН СССР, Ин-т востоковедения. М. : Наука, 1983. 196 с.

161. Старикова Г. Н. Отчет И. Петлина о поездке в Китай как лингвистический источник // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 2 (34). С. 71–85.

162. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России : по данным обследования, произведенного статистическими учреждениями Министерства Внутренних Дел, по поручению Статистического Совета / изд. Центр. Стат. комитета. Вып. 1 : Губернии центральной земледельческой области: Рязанская, Тульская, Калужская, Орловская, Курская, Воронежская, Тамбовская, Пензенская : По данным статистического обследования о поземельной собственности и населенных местах / авт. предисл. П. Семенов. СПб. : Тип. М-ва внутр. дел, 1880. 276 с.

163. Татищев В. Н. Избранные труды по географии России. М. : Географгиз, 1950.

164. Татищев В. Н. Лексикон российской, исторической, политической и гражданской / сочиненный господином тайным советником и астраханским губернатором Васильем Никитичем Татищевым. СПб. : тип. Горного училища, 1793.

165. Третьякова Д. В., Мыслицкая Л. А. П. И. Рычков о волжских ставропольских калмыках: историко-ландшафтные и лингвогеографические наблюдения в «Топографии Оренбургской» // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2015. № 4 (19). С. 256–262.

166. Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия : в 3 т. СПб. : Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. Т. 2. Кн. 6. Девятнадцатый век. С. 168–171.

167. Туровский Р. Ф. О состоянии и перспективах политической регионалистики // Политическая наука. 2011. № 4. С. 10–30.

168. Устинова О. Ю. Энциклопедия Всемирная история. URL: https://w.histrf.ru/articles/article/show/kirilov_ivan_kirillovich

169. Учебно-научный центр региональной истории, краеведения и москвоведения. URL: <https://www.rsuh.ru/iai/faculty/center-regional-history-local-history-moskvovedeniye/>

170. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.03.01

Зарубежное регионоведение (уровень бакалавриата) (2015). М. : Министерство образования и науки Российской Федерации, 2015.

171. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение (уровень магистратуры) (2016). М. : Министерство образования и науки РФ, 2016.

172. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 41.03.01 Зарубежное регионоведение (2017). М. : М-во образования и высш. науки РФ, 2017.

173. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования – магистратура по направлению подготовки 41.04.01 Зарубежное регионоведение (2017). М. : М-во образования и высш. науки РФ, 2017.

174. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 Зарубежное регионоведение (квалификация (степень) «бакалавр») (2009). М. : М-во образования и науки РФ, 2009.

175. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки 032000 Зарубежное регионоведение (квалификация (степень) «магистратура») (2010). М. : М-во образования и науки РФ, 2010.

176. Филологическая регионалистика. URL: <http://filologia.tsutmb.ru/nauka/nauchnyie-shkolyi-i-napravleniya/filologicheskaya-regionalistika.html>

177. Хожение за три моря Афанасия Никитина / предисл., подгот. текста, пер. и коммент. Н. И. Прокофьева; худож. А. С. Бакулевский. М. : Советская Россия, 1980. 208 с.

178. Шипилов А. Д. Проблемы регионоведения в отечественной историографии // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. 2014. № 6. С. 70–74.

179. Экономическая и социальная география: Основы науки : учеб. для студ. высш. учеб. заведений / М. М. Голубчик, Э. Л. Файбусович, А. М. Носонов, С. В. Макара. М. : Владос, 2003. 400 с.

180. Яковлев В. В. Историко-литературные памятники Новгорода XVII века как источник по истории древнерусского искус-

ства // Актуальные проблемы теории и истории искусства. 2017. № 7. С. 444–452.

181. Яковлев В. В. Новгородская Корнильевская летопись в русской историографии XVIII–XX вв. и в научном наследии А. А. Шахматова // Академик А. А. Шахматов: жизнь, творчество, научное наследие : сб. ст. к 150-летию со дня рожд. ученого. СПб. : Нестор-История, 2015 С. 339–346.

182. Яковлев В. В. О формах международного сотрудничества при реализации научных проектов (на примере работы НИИ Образовательного регионоведения) // Ганза: деловое сотрудничество как ресурс устойчивого экономического развития : материалы Междунар. науч. конф. Псков, 21–23 мая 2019 г. Псков : Псков. гос. ун-т, 2020. С. 150–155.

183. Яковлев В. В. Пржевальский Николай Михайлович // Три века Санкт-Петербурга : энциклопедия. В 3 т. / Энцикл. отдел ИФИ СПбГУ; рук. проекта С. И. Богданов. СПб. : СПбГУ, 2006. Т. 2. Деятнадцатый век. Книга пятая : П–Р. С. 639–640.

184. Яковлев В. В. Семенов (Семенов-Тянь-Шанский) Петр Петрович // Три века Санкт-Петербурга. Энциклопедия : в 3 т. / Энцикл. отдел ИФИ СПбГУ ; рук. проекта С. И. Богданов. СПб. : СПбГУ, 2008. Т. 2. Деятнадцатый век. Книга шестая : С–Т. С. 168–171.

185. Bachtler J., Yuill D. Policies and strategies for regional development: a shift in paradigm?. URL: http://www.eprc.strath.ac.uk/eprc/documents/PDF_files/R46PoliciesandStrategiesforRegionalDevelopment.pdf (дата обращения: 25.10.2020).

186. Bailly A., Gibson L. J. Emerging Trends in Regional Science // Asia-Pacific Journal of Regional Science. 2017. N 1. P. 53–61.

187. Cumberland J. H. The Future of Regional Science and Ecological Economics // International Regional Science Review. 1995. Vol. 18, N 2. P. 171–176.

188. Kremnyov E. V., Lesnikovskaya E. V., Kuznetsova O. V. Modern Transdisciplinary Regionology: the Goal and the Objectives // Journal of SibFU. Humanities & Social Sciences (Prepublication). 2019. URL: <http://elib.sfu-kras.ru/handle/2311/111803> (дата обращения: 29.10.2020).

189. Ludden D. Area studies in the age of globalization. URL: <http://www.sas.upenn.edu/~dludden/GlobalizationAndAreaStudies.htm>

190. McGee T. G. Wu C-T. International migration, urbanization, and globalization in the Asia Pacific region: a preliminary framework for policy analysis // Globalization and sustainability of cities in the Asia Pacific region / ed. by Fu-Chen Lo. Tokyo : United Nations University Press, 2001. P. 92–112.

191. Russia Division of the Regional Studies Association. URL: <https://www.regionalstudies.org/network/russia/>

192. Russian Section of the European Regional Science Association. URL: <https://ersa.org/about-us/ersa-sections/russian/>

Научное издание

**Лесниковская Екатерина Викторовна
Кремнёв Евгений Владимирович**

**РЕГИОНОЛОГИЯ, РЕГИОНАЛИСТИКА,
РЕГИОНОВЕДЕНИЕ И ДРУГИЕ
АКАДЕМИЧЕСКИЕ ПРОСТРАНСТВА
РОССИЙСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ**

ISBN 978-5-9624-1893-3

Редактор *Н. А. Михайлова*
Дизайн обложки: *П. О. Еришов*

Темплан 2020. Поз. 126
Подписано в печать 23.12.2020. Формат 60×90 1/16
Усл. печ. л. 11,0. Тираж 125 экз. Заказ 143

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124